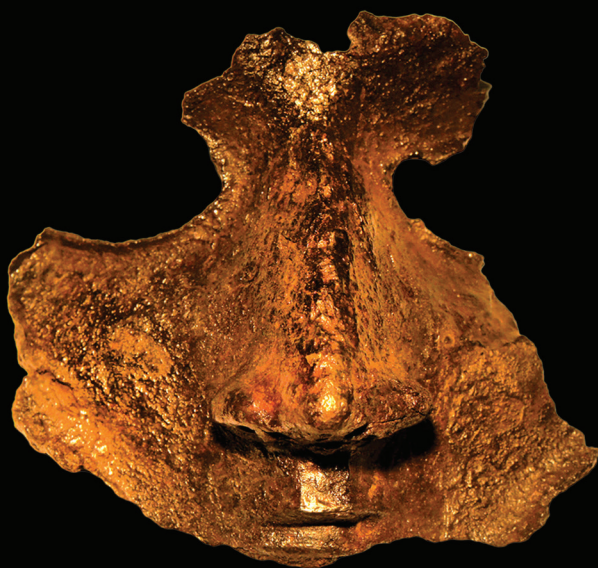


ЛЕТОПИСНЫЙ
«ИЗЯСЛАВЪ»

БОЛЬШОЕ ШЕПЕТОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ

В СВЕТЕ
АРХЕОЛОГИИ



Том 1

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК
М. К. КАРГЕРА
1957–1964 ГОДОВ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ
1960–1980-Х ГОДОВ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for the History of Material Culture
Proceedings. Vol. LV

Medieval “Izyaslavl”
The Large Fortified Settlement
near Shepetovka,
in the light of archaeology

Volume I

Materials from the archaeological excavations
of Mikhail Karger 1957–1964
investigated in the 1960s–1980s



Nestor-Historia
St. Petersburg
2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры
Труды. Т. LV

Летописный «Изяславль»

Большое Шепетовское городище в свете археологии

Том I

**Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов
в исследованиях 1960–1980-х годов**



Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 90
ББК 63.4(2)2
Л52



Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-19-00114, не подлежит продаже

Работа по подготовке издания выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 18-09-00753

Печатается по решению Ученого совета ИИМК РАН

Редакция: К. А. Михайлов, А. А. Пескова (отв. ред.-сост.), О. А. Щеглова

Рецензенты: д-р ист. наук С. В. Белецкий, д-р ист. наук А. Е. Мусин

Л52

Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии. Том I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 264 с., ил. — (Труды ИИМК РАН. Т. LV).

Medieval “Izyaslavl”: The Large Fortified Settlement near Shepetovka, in the light of archaeology. Volume 1. Materials from the archaeological excavations of Mikhail Karger 1957–1964 investigated in the 1960s–1980s / ed. by A. Peskova. — St. Petersburg : Nestor-Historia, 2020. — 264 p., il. — (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LV).

ISBN 978-5-4469-1696-2

DOI 10.31600/978-5-4469-1696-2

Настоящее издание представляет собой I том материалов и исследований из раскопок Большого Шепетовского городища, широко известного специалистам как летописный «Изяславль» (1957–1964 гг., рук. М. К. Каргер). В нем собраны результаты изучения трех массовых категорий археологических находок — исследования А. Н. Кирпичникова, посвященные предметам вооружения, О. В. Овсянникова о керамике и В. И. Цалкина о фауне, проведенные в 1960-е гг. и не утратившие актуальности сегодня, которые вводят в научный оборот многотысячные археологические материалы, отражающие хозяйственный уклад и социально-культурный облик древнерусского города конца XII — первой половины XIII в. Публикуется также выполненный Г. А. Романовой краткий обзор материалов позднеимперского времени, относящихся к поселению, предшествовавшему на этом месте средневековому городу. Для археологов, историков, музейных работников, всех интересующихся историей Древней Руси и специалистов по истории Восточной Европы в позднеимперское время.

This publication presents readers with the results of the study of three mass-scale categories of archaeological finds from the excavations undertaken at the Bolshoye Shepetovka fortified settlement (1957–1964, led by Mikhail Karger), which is widely known among specialists as medieval “Izyaslavl”, referred to in the chronicles. Anatolii Kirpichnikov’s research was devoted to weaponry, that of Oleg Ovsyannikov to the pottery and that of Venyamin Tsalkin to the faunal remains — all in the 1960s, but they remain just as relevant and topical today. The publication introduces into the academic literature thousands of archaeological finds reflecting the working environment and socio-cultural character of an Early-Rus’ town at the end of the 12th century and during the first half of the 13th. It also includes a short survey, carried out by Galina Romanova, of materials dating from the Late Roman period and relating to the settlement which pre-dated the fortified settlement at this site. The book is intended for archaeologists, historians, museum staff and all those who are interested in the history of Early Rus’ and who specialize in the history of Eastern Europe during the Late Roman era.

ISBN 978-5-4469-1696-2



УДК 90
ББК 63.4(2)2

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Авторы статей, 2020
© Пескова А. А., научное редактирование, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Керамика древнего «Изяславля»
(Опыт классификации глиняной посуды
средневекового русского города)¹

От автора

Предваряя настоящую публикацию, хотелось бы сообщить читателю некоторые факты, имеющие непосредственное отношение ко времени и к обстоятельствам появления публикуемых материалов как единой керамической коллекции.

Прежде всего необходимо отметить, что автор данной публикации имеет самое непосредственное отношение к многолетним полевым исследованиям уникального по насыщенности культурного слоя древнерусского города, погибшего в период монгольского нашествия во второй четверти XIII столетия. Исследуемый в 1957–1964 гг. под руководством М. К. Каргера памятник вошел в славную русскую археологию под именем «древнего Изяславля». В течение восьми полевых сезонов практически вся площадь древнего городища была исследована — десятки жилищно-хозяйственных комплексов, масштабные фрагменты дерево-земляных оборонительных сооружений, многочисленные останки погибших во время штурма горожан. Насыщенность культурного слоя древними артефактами, необычайно широкая номенклатура находок в сочетании с масштабами исследованных площадей памятника, на котором древнерусскому слою предшествовали отложения первых веков нашей эры и практически не было поздних наслоений — все это определило для городища у села Городище на р. Гуске особое место.

Раскопки так называемого «изяславльского» городища внесли заметные коррективы в деятельность М. К. Каргера. Теперь архитектурно-археологические научные интересы ученого приходилось «совмещать» с чисто археологическими исследованиями. Половина полевых сезонов проходила в изучении древней архитектуры в Полоцке, Новогрудке, Турове, другая половина — в селе Городище. В помещении Института, в «закутке», многочисленные волонтеры-энтузиасты «шкрябали» напильниками и рашпилями железные артефакты — топоры, ножи, сошники — и нередко, облачившись в халат, работал в этом закутке сам М. К. Каргер, очищая поверхность железных находок для консервации. Многие поколения студентов истфака ЛГУ, сотни добровольцев за годы раскопок «приложили руку» к исследованию городища на берегу небольшой речушки Гуски. Судьба сулила прекрасное будущее всему накопленному культурно-историческому богатству. Но сама же судьба стала распоряжаться им несколько иначе. Теперь по порядку.

Автор этих строк, начавший в 1954 г. обучение на кафедре археологии Ленинградского истфака, мечтал специализироваться по тематике, связанной с эпохой бронзы Южной

¹ Все рисунки выполнены О. В. Овсянниковым, компьютерная обработка Е. Ю. Кононович. Фотографии: НА ИИМК РАН, ФО, О. 2566. Подготовка текста и комментарии А. А. Песковой.

Сибири, и в свой первый полевой сезон в 1955 г. поехал в Красноярскую экспедицию М. П. Грязнова. Однако, опять же судьба, сложилось так, что в 1956 г. прекратилось финансирование Красноярской новостроечной экспедиции. Пришлось проходить студенческую практику в составе Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедиции под руководством М. К. Каргера. Полевой сезон 1956 г. экспедиция М. К. Каргера проводила во Владимире-Волынском, а в 1957 г. раскопки велись в Полоцке и Галиче, тогда же во второй половине сезона была начата многолетняя «эпопея» на городище у села Городище.

Где-то в самом начале лета я пришел «наниматься» в экспедицию М. К. Каргера на полевой сезон 1957 г. В Дубовом зале ЛОИА уже закончилось заседание Ученого совета, я вошел в зал, когда М. К. Каргер делал небольшое сообщение о командировке в Хмельницкую область. Он успел загореть, прекрасно выглядел (а было-то ему всего 54 года!) и, показывая подошедшим к большому столу сотрудникам Института разложенные там железные конские путы, сошники, увлеченно говорил о сказочной сохранности памятника, о лежащих после пахоты на его поверхности многочисленных находках. Тогда я еще и представить не мог, что именно в этом зале, рядом с этими находками решается и моя дальнейшая судьба.

Появившись на раскопках 1957 г. еще студентом, в 1962–1964 гг. я продолжил свое участие уже в качестве лаборанта Группы славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР. Как говорится, «любишь кататься — люби и саночки возить». В эти же годы за мной была утверждена научная тема (такое правило в те годы существовало) «Керамика древнего Изяславля», научным руководителем стал М. К. Каргер. Можно было с уверенностью сказать: «научная тема надежно обеспечена материалами», ибо десятки целых и реставрированных сосудов, десятки тысяч фрагментов различного типа сосудов были складированы в камерах Института и в подвалах Дома ученых. Материала для изучения с лихвой хватило бы до заслуженной пенсии. Лаборант ведь имел право заниматься «наукой» только в свободное от основной работы время. За период 1963–1967 гг. я сделал два сообщения по указанной тематике на заседаниях Группы славяно-финской археологии, нарисовал несколько десятков таблиц с различными типами горшков, кувшинов и амфор, а в 1968 г. начал работать уже по другой, сибирской теме: «Мангазея, русский город XVII в. на севере Западной Сибири».

Предопределяя будущее накопленного материала, М. К. Каргер неоднократно и с разных трибун анонсировал подготовку большой коллективной монографии, авторы которой представят материал по основным наиболее важным категориям городищенских находок, жилищно-хозяйственных комплексов и структур оборонительных сооружений, которые, кстати, были также почти полностью раскопаны. В упомянутый коллектив авторов, по мнению М. К. Каргера, должны были войти: он сам (общее руководство, жилищно-хозяйственные комплексы, оборонительные сооружения, ювелирные изделия), А. Н. Кирпичников (предметы, связанные с вооружением), М. А. Миролюбов (сельскохозяйственные орудия), О. В. Овсянников (керамика). Исследование городищенских находок большим авторским коллективом на практике оказалось неисполнимым проектом, хотя отдельные массовые категории находок были изучены и опубликованы. Предметы, связанные с вооружением, были изучены А. Н. Кирпичниковым и в основном изданы (Кирпичников 1966; 1971; 1971а; 1973; 1973а; 1975; 1976; 1978). М. А. Миролюбовым был сделан краткий обзор коллекции сельскохозяйственных орудий (Миролюбов 1983; 1984). Результаты изучения ключей и замков нашли отражение в статьях О. В. Овсянникова и А. А. Песковой (Овсянников 1971: 258–260; Овсянников, Пескова 1982: 93–99).

Огромную коллекцию городищенских материалов, учитывая ее большую историко-культурную ценность, начали передавать на хранение в фонды Государственного Эрмитажа в начале 1970-х гг. еще при жизни М. К. Каргера, а закончили, в частности передачу керамики, уже после его смерти (1976 г.) (Миролюбов 1983; 1983а). В 1984 г. на материалах из раскопок городища в Эрмитаже даже организовали временную выставку, на которой было представлено 250 наиболее ярких и типичных находок (Миролюбов 1983). Однако в результате оказалось, что уникальный материал раскопок целого города эпохи монгольского нашествия оказался почти «забытым» на полках хранилища. Нельзя сказать, что он не был востребован вовсе, поскольку отдельные категории вещей, как, например, каменные иконки, серебряные с чернью украшения (колты и перстни), фрагменты колоколов и др., продолжали изучаться специалистами и публиковаться в работах сводного характера (Николаева 1983; Макарова 1986; Шашкина 1987; Шашкина, Галибин 1986).

В ноябре 1980 г. на заседании Отдела славяно-финской археологии П. А. Раппопорт предложил лаборанту А. А. Песковой в качестве научно-исследовательской темы для кандидатской диссертации «Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)». Идея изучения городищенского материала оказалась по-настоящему актуальной: она возвращала в Отдел большую историко-культурную тему — изучение древнерусской культуры эпохи монгольского нашествия и, по существу, восполняла значительный пробел в самой истории данной проблематики. Для А. А. Песковой предложенная тема была довольно близкой — многолетнее участие в археологических и архитектурно-археологических экспедициях ЛОИА АН СССР (под руководством М. К. Каргера, А. Н. Кирпичникова, О. В. Овсянникова, П. А. Раппопорта, М. В. Малевской) создало тот надежный фундамент, который и позволил ей с позиций современного состояния славяно-русской проблематики подойти к изучению материала. Проведенная работа по систематизации, обобщению и осмыслению накопленных к тому времени исследований и материалов была успешно завершена защитой кандидатской диссертации (Пескова 1988) и публикацией ряда статей (Пескова 1981; 1988а; 1994; 1997; 1998; 2001; 2008; 2009; Пескова, Белецкий 1997; Медведев, Пескова 2008; Михайлов, Пескова 2019; 2019а).

Таким образом, в итоге оказалось, что наиболее важные и, несомненно, яркие категории городищенской коллекции были исследованы и опубликованы.

К сожалению, это не коснулось самой массовой категории городищенского материала — керамических коллекций. Между тем интерес к этому материалу очевиден. Поэтому представляется вполне оправданным и целесообразным в настоящее время обратиться к тем наработанным материалам 1963–1967 гг. Сохранившиеся таблицы рисунков, а также имеющиеся в архиве Института фотографии нескольких десятков целых сосудов и комментарии к ним, несомненно, представляют интерес. Предлагаемую читателю публикацию вряд ли стоит рассматривать в качестве монографического исследования. Скорее всего, это развернутая аннотация целиком проработанной большой уникальной керамической коллекции полностью раскопанного древнерусского города, сооружения которого единовременно погибли во время штурма. Есть уверенность, что предлагаемая для будущего изучения этого материала необычайно широкая и репрезентативная выборка различных типов сосудов заинтересует исследователей. Мы также уверены и в том, что публикуемое исследование в определенной мере станет данью уважения и благодарности тем, кто участвовал в многолетних раскопках этого памятника.

Введение

Керамика является наиболее массовым материалом, с которым археологи сталкиваются при исследовании древнерусских селищ и укрепленных поселений предмонгольской поры. Однако следует отметить два момента: во-первых, керамический материал, добытый во время раскопок, носит все же выборочный характер (полностью раскопанные памятники являются скорее исключением, чем правилом), во-вторых, даже имеющийся объем накопленного материала не соответствует степени его научной обработки.

Продукция древнерусских гончаров «Изяславля», составляющая предмет настоящего исследования, претендует на особое место в изучении средневековой домонгольской керамики. Археологическое вскрытие всей площади небольшого городка дало в руки археологов огромный материал, локализованный довольно узкими хронологическими рамками. Представилась редкая возможность определить полный ассортимент глиняной посуды, имеющейся у населения древнерусского города предмонгольской поры, более определенно судить о соотношении тех или иных групп глиняных сосудов. Именно в этом автор видит свою основную задачу.

Исследуемый материал также дает возможность поставить вопросы социальной характеристики города, наметить некоторые локальные особенности керамического производства в древнем «Изяславле». Наконец, изучение массового керамического материала дает определенные сведения о технологических приемах гончарного производства древнерусских мастеров. Это тем более важно, что при раскопках территории городища, а также во время исследования при помощи разведочных раскопок околородья не было обнаружено следов гончарных производственных комплексов.

Необходимо, на наш взгляд, отметить еще одну особенность исследуемого материала: наличие большого количества целых сосудов (около 300) самых разнообразных форм и назначения (рис. 1)².

Классификационные схемы, применяемые археологами при изучении керамического материала, разнообразны: по технологическому признаку (лепная, гончарная, поливная, расписная и т. д.), по принципу функционального назначения или технологическим особенностям. Отечественные археологи довольно часто применяют принципы функционального назначения той или иной группы посуды, выделяя кухонную, столовую посуду и сосуды для хранения (Гончаров 1950: 114; Мальм 1959: 149 и др.). В обобщающей работе Б. А. Рыбакова, посвященной ремеслу древней Руси, была сделана попытка классифицировать глиняную посуду по терминологии сосудов (Рыбаков 1948: 173). Однако в настоящее время трудно с большой точностью определить функциональное назначение отдельных групп сосудов, и тем более недостаточны наши знания древней терминологии тех или иных типов древнерусской глиняной посуды.

Керамические изделия, найденные в древнем «Изяславле», рассматриваются нами по следующим группам:

- горшки;
- тарная керамика:
- кувшины и кувшинообразные сосуды,

² При наличии такого большого количества целых сосудов появляется возможность не только представить их во всем многообразии форм и орнаментации, но и показать совстречаемость разнообразных сосудов, обнаруженных вместе в открытых комплексах, то есть найденных на одном уровне в одном или нескольких соседних квадратах. Комплексы были выявлены на основе данных полевых описей (рис. 2–6). — Прим. А. Песковой.

- большие сосуды для хранения (типа пифосов),
амфоры;
— керамические крышки;
— ковшики;
— мисочки;
— клейма;
— поливная и расписная керамика.



1



2



3

Рис. 1. Целые и реставрированные керамические сосуды из раскопок на городище:
1 — найденные в 1957–1958 гг.; 2 — найденные в 1959 г. (амфора, показанная на первом плане, происходит из раскопок в Галиче); 3 — найденные в 1960 г. (в том числе сосуды поздне римского времени) (НА ИИМК РАН, ФО, О. 2566. 22, 32, 73)

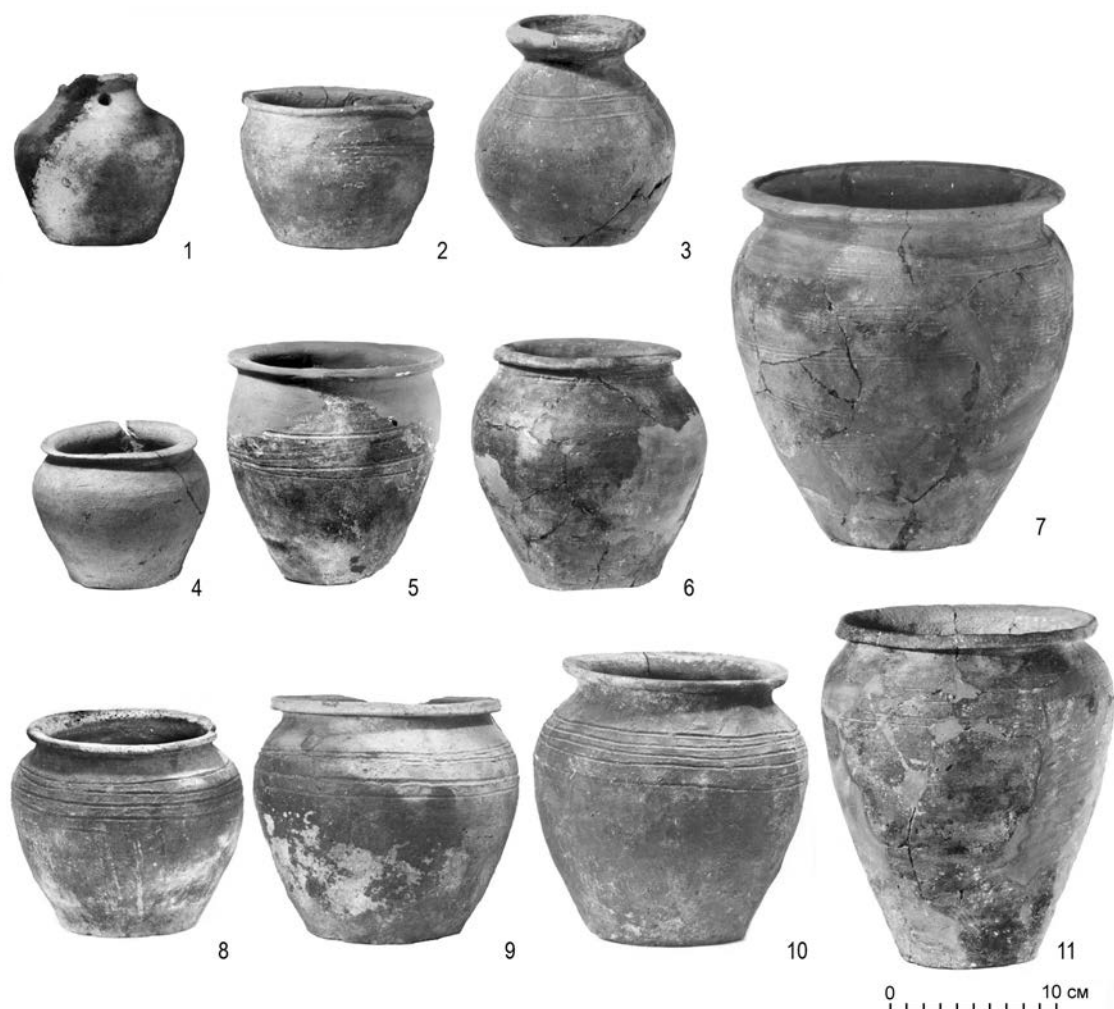


Рис. 2. Комплексы керамических сосудов, происходящие из жилищ: 1–3 — кв. Ф-43 (ГД-58); 4–7 — кв. Ч в кв.-34, ШЩ в кв. 36–37 (ГД-59); 8–11 — кв. Н в кр. 15 (ГД-58). Фото из личного архива М. К. Каргера

Горшки

В данную группу сосудов входит подавляющее большинство всех керамических изделий, обнаруженных на городище (более 90 %). Наряду с многочисленными фрагментами можно отметить наличие значительного количества целых горшков.

Преобладание горшкообразных сосудов в рассматриваемом наборе керамической посуды свидетельствует не только о массовости производства данного типа продукции, но и об универсальности использования ее в быту — для хранения, приготовления пищи, а также в качестве столовой посуды. Однако при рассмотрении вопроса о соотношении различных типов глиняной посуды необходимо учитывать продолжительность их использования — для горшков она была несравненно короче, чем для некоторых других групп керамических изделий (например, кувшинов, амфор).

При написании данного раздела был проработан весь керамический материал, доступный определению, — 19 500 фрагментов. Более детально исследованию подверглись

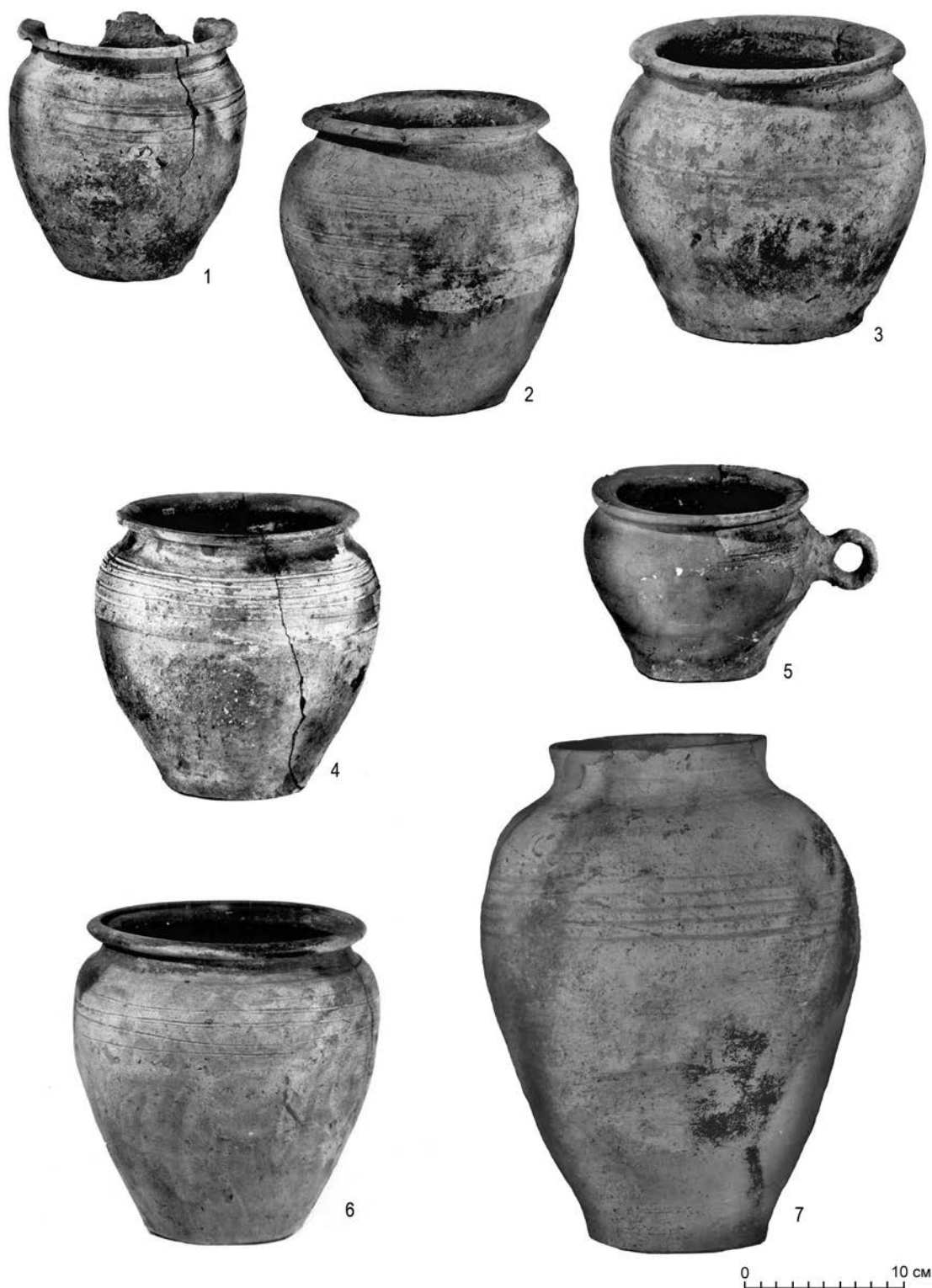


Рис. 3. Комплексы керамических сосудов, происходящие из жилищ:
1–3 — кв. III в кр.-83 (ГП-62); 4–7 — кв. Ч-88 (ГП-59).
Фото из личного архива М. К. Каргера



Рис. 4. Комплексы керамических сосудов, обнаруженные на линии оборонительных клеток «посада»: 1–3 — кв. 8-м-99–102 (ГП-57); 4–6 — кв. аβ–101–102 (ГП-57, 59).

Фото из личного архива М. К. Каргера

целые сосуды, а также наиболее выразительные фрагменты, собранные в результате раскопок всей площади городища (предварительно материал был распределен на следующие группы: венчики горшков, стенки, днища).

Количество целых сосудов, попадающих в руки исследователей древнерусских поселений, как правило, исчисляется единицами. Поэтому за основу классификации обычно берется наиболее выразительная часть горшка — венчик. Незначительные модификации профиля сосуда — конусообразность или раздутость тулова — связываются с тем или иным типом венчика. В итоге получается, что каждый тип горшка характеризуется определенной и стабильной формой тулова и специфическим типом венчика. Фрагментарный материал вполне оправдывал подобный подход к типологии и казался вполне убедительным. Анализ «изяславльского» материала позволяет считать, что соотношение между венчиком и формой тулова горшка не поддается корреляции, то есть закономерной связи между формой тулова и венчиком проследить практически нельзя.

Форма венчика несомненно является более важным и характерным критерием классификации, ибо наряду с составом глиняного теста, обжигом и техникой изготовления она служит хронологическим, а в известной мере и территориальным определителем. Форма горшка — его конусообразность или, наоборот, приземистость — в значительной мере определялись функциональным назначением сосуда. Индивидуальные приемы мастера-

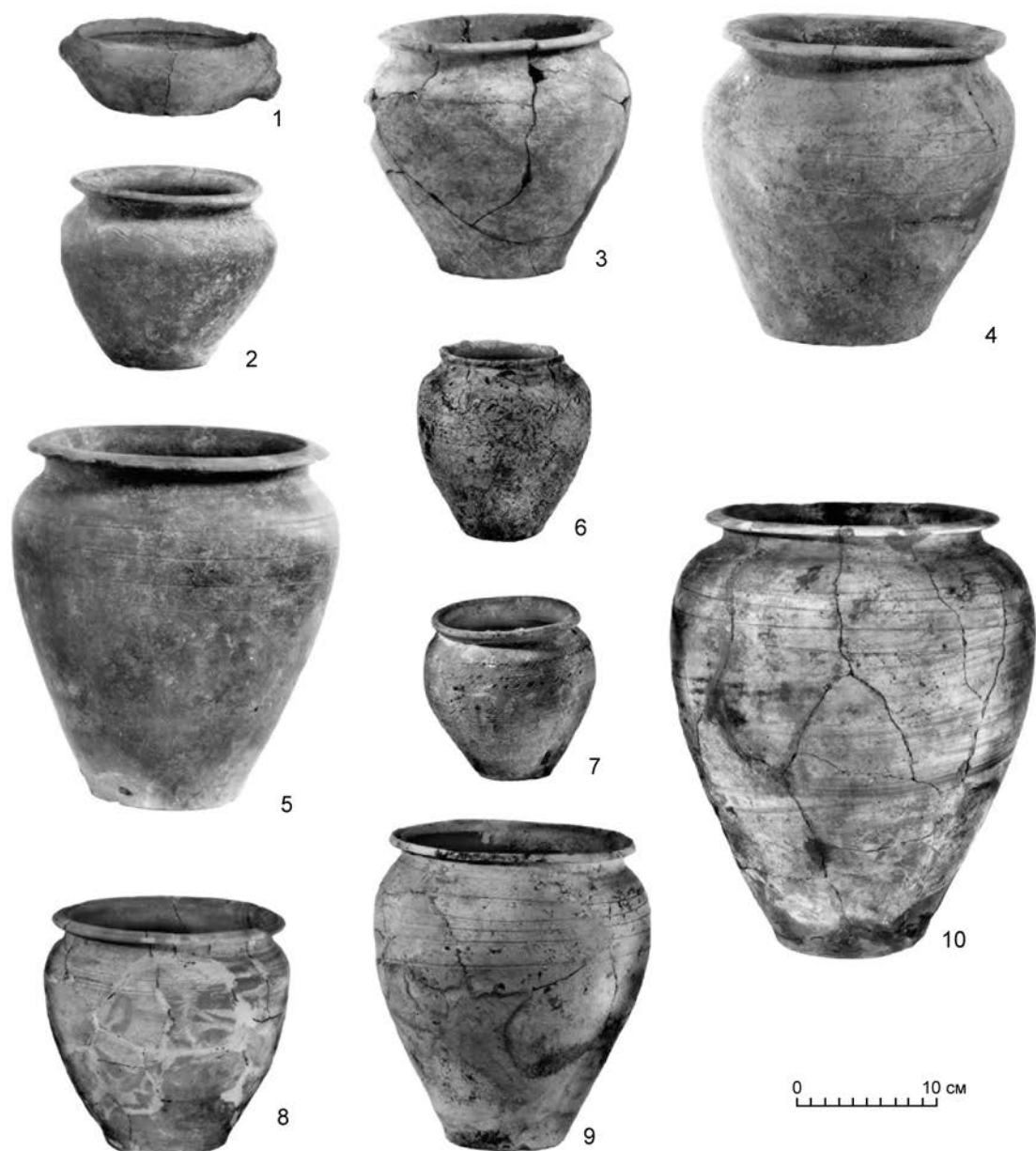


Рис. 5. Комплексы керамических сосудов, обнаруженные на линии оборонительных клеток «посада»: 1–5 — кв. аβγ 97 (ГП-57); 6–10 — кв. ДЗ в кр. 112–113 (ГП-62).

Фото из личного архива М. К. Каргера

гончара, различные условия работы способствовали появлению множества вариантов одной и той же формы. По существу, это является другой стороной процесса, который наблюдается во многих регионах Древней Руси во второй половине XII — XIII в., — стандартизации ремесленной продукции.

«Изяславльские» горшки четко подразделяются на две группы: горшки, которые можно определить как «обычные» древнерусские горшки предмонгольского времени (I), и горшки с цилиндрическим горлом (II).

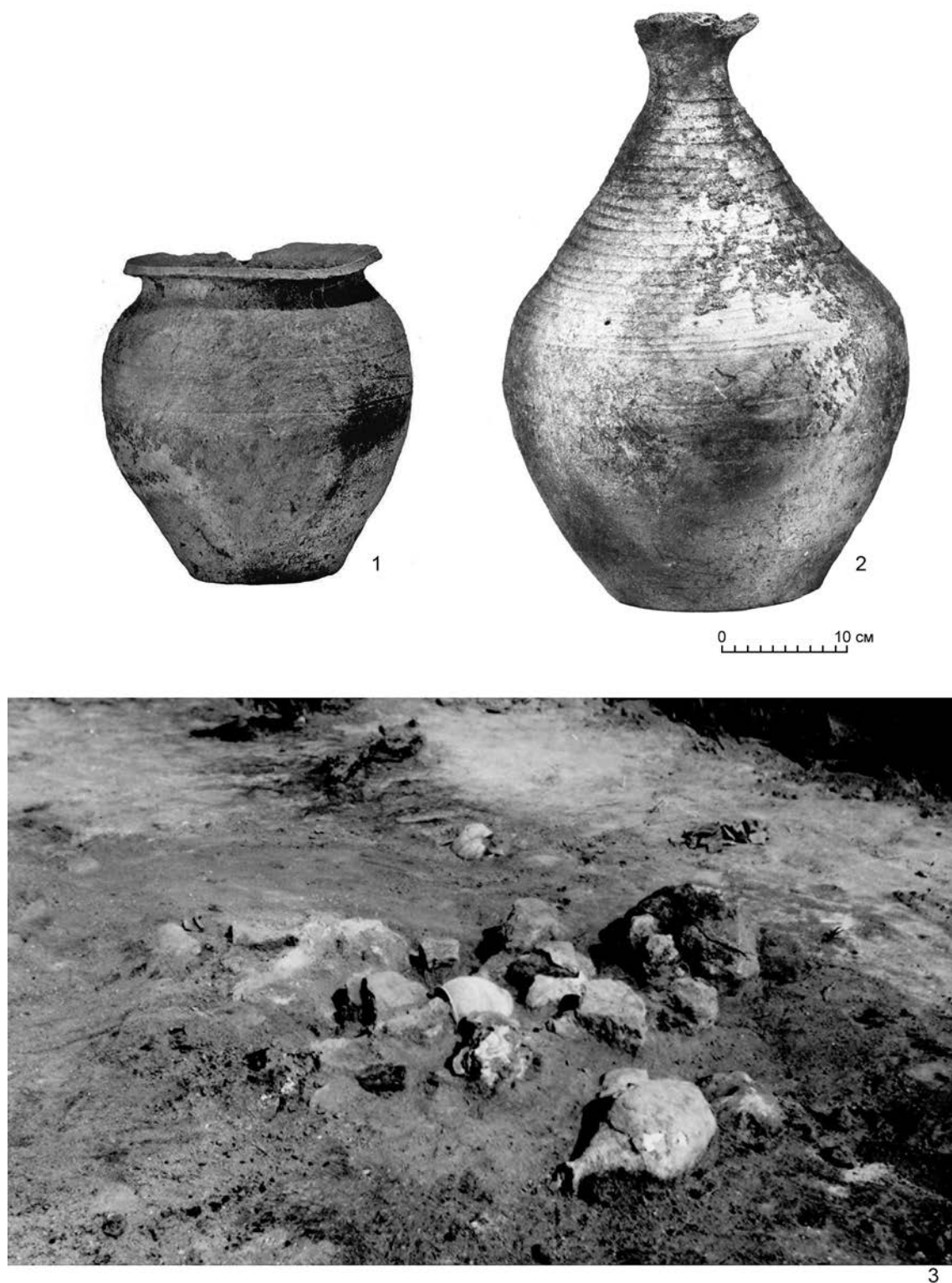


Рис. 6. Комплекс керамических сосудов, обнаруженных на линии оборонительных клеток в детинце в кв. Я-43–44 (ГД-57): 1–2 — сосуды; 3 — полевой снимок комплекса, вид с юго-запада. Фото из личного архива М. К. Каргера

1. К первой группе горшков относятся сосуды с более или менее конусовидным туловом, достаточно хорошо выраженными плечиками; горло сосуда широкое, с отогнутым наружу венчиком. В массе сосуды рассматриваемого типа однородны. Об этом свидетельствует как облик сосудов в целом, так и характер глиняного теста (глина и отошитель плохо промешаны), обжиг в большинстве случаев неравномерный (в изломе черепок редко однослойный, чаще двух-, трехслойный). Техника изготовления: наблюдаются следы жгутовых полос, заметно выраженная асимметричность большой группы целых горшков, ангобированность (ангоб преимущественно белый).

Большинство целых горшков, происходящих из раскопок городища, имеет небольшие размеры — высота сосудов 10–20 см, лишь некоторые достигают 25–47 см.

Проведенный анализ основных измерений сосудов — соотношение высоты, диаметров дна и горла и наибольшего диаметра тулова — позволяет выделить следующие три подгруппы:

- 1) высота сосуда меньше наибольшего диаметра тулова, то есть горшок приземистой формы, с широким горлом;
- 2) высота сосуда равна наибольшему диаметру тулова;
- 3) высота сосуда больше наибольшего диаметра тулова.

Вполне естественно, что к последней третьей подгруппе относятся более стройные, конусообразные горшки, главным образом больших размеров.

Из 127 целых горшков к первой подгруппе относится 64, ко второй — 19 и к третьей — 44 сосуда, то есть горшки, высота которых меньше или равна наибольшему диаметру тулова, преобладают. Следует оговорить, что выделение трех подгрупп по соотношению высоты сосуда и наибольшего диаметра тулова в известной мере условно, так как зачастую разница между ними ничтожна (за исключением больших сосудов). Более любопытные наблюдения дали измерения диаметра днищ у всех горшков. Оказалось, что диаметр днищ у большинства сосудов колеблется незначительно. Это можно связать лишь с технологическим моментом: изготавливая сосуды различных размеров, гончар пользовался одной и той же подставкой гончарного круга, поэтому высокие, большие сосуды получались конусообразными, небольшие и средние сосуды — более приземистыми.

Таким образом, можно констатировать наличие небольших, средних и довольно значительных по размерам горшков и предположить лишь различное их функциональное назначение (более определенно можно говорить о больших сосудах, высота которых 30–47 см, они использовались как сосуды для хранения пищи).

Существенным является и тот факт, что ни с одной из выделенных подгрупп нельзя связать определенный тип венчика или характер орнаментации сосуда. Эти наблюдения и выводы явились, по существу, отправным моментом для более детального анализа «изяславльских» горшков. Стало ясно, что в основу классификации этой группы керамических изделий должен быть положен наиболее существенный и характерный признак сосуда — венчик. Удалось выделить шесть основных типов венчиков, которые являются ведущими в «Изяславле» и представлены многочисленными и устойчивыми сериями (рис. 7). Выделяя небольшое количество основных типов венчиков, пришлось отказаться от подтипов, которые незначительно отличаются от основного типа, поскольку отличия эти возникали в процессе изготовления сосуда.

1 тип. К первому типу относятся венчики, которые завершают вертикальную или слегка наклонную (внутрь или наружу) или плавно изогнутую шейку горшка. Венчик отогнут

Тип	Виды венчиков горшков первой группы		
I			
			
			
II			
III			
			
IV			
V			
VI			

Рис. 7. Типы венчиков горшков первой группы (схема)

наружу и оканчивается прямым срезом или овальным закруглением, реже срез венчика слегка подгранен³ (рис. 7: I; 8; 9).

Горшки с подобным типом венчика известны на средневековых памятниках широкого круга — от западных рубежей Древней Руси до восточных. Это позволяет считать тип I одним из наиболее распространенных и относить его к общерусским керамическим традициям, тем более что хронологические рамки бытования таких венчиков так же обширны — XI–XIII вв. В XI–XII вв. известны они в Белой Веже (Плетнёва 1959: рис. 14: 1–4), в древнем Плеснеске (Кучера 1961: рис. 3: 1; 1962: рис. 19/4). В более позднее время в XII–XIII вв. подобные венчики встречаются на памятниках Галицкой земли (Бовшив: Крушельницка 1964: табл. IV, рис. 1; Нижний Струтин: Раппопорт, Малевская 1963: рис. 5: 21–22 и др.) и Волынской (Головно, Родзая Стан: Rauhut 1960: tabl. I: 14, III: 2). Горшки с венчиками типа I найдены также в Колодяжине (Юра 1962: рис. 37: 2, 4) и Воине (Довженок и др. 1966: табл. IX, 1).

Аналогичная картина наблюдается и в западнославянских землях. Подобные венчики были обнаружены на памятниках XI–XII вв. в Моравии (Novotný 1961: obr. 19 (s)), при раскопках Пражского града в слоях XII — первой половины XIII в. (Borkovský 1962: obr. 8: 57). Известны они и в Польше (Łaszczewska 1962: tabl. VII, 9).

II тип. *Ко второму типу* относятся венчики также отогнутые наружу, край венчика овальный. Венчик сверху заканчивается небольшим валиком, который образует уступ для керамической крышки. Этот тип венчика, подобно типу I, широко распространен как территориально, так и хронологически⁴ (рис. 7: II; 10; 11).

На Волыни подобные венчики найдены на многих поселениях XI–XIII вв. — Боромель, Демидовка и Карповка (под Ровно) (Rauhut 1960: tabl. I: 2, V: 7, 9). При раскопках церкви Василия во Владимире-Волынском венчики типа II были обнаружены на уровне древнего пола постройки⁵. Известны такие венчики в древнем Плеснеске (Кучера 1961: рис. 3: 1), Колодяжине (Юра 1962: рис. 37: 5, 6; 40: 3), Воине (Довженок и др. 1966: табл. VII, 2; X, 29). В древнем Новгороде исследователи отмечают их и в послемонгольских слоях (Смирнова 1956: рис. 6: 10).

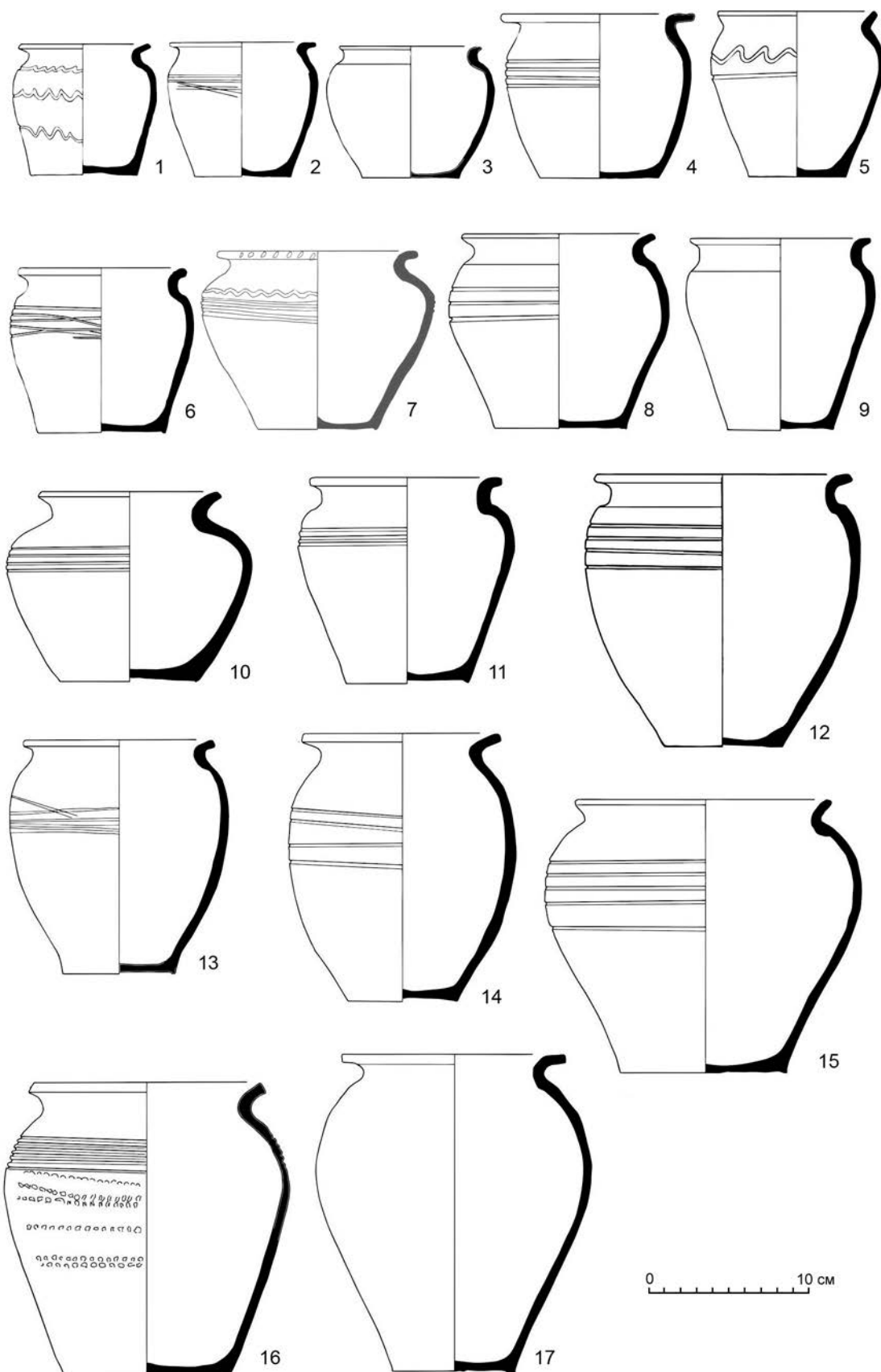
В землях западных славян венчики типа II известны на протяжении XI–XIII вв. (Hejma 1956: obr. 16; Abramowicz 1959: rys. 8; Borkovský 1962: obr. 8: 31–32).

III тип. *К третьему типу* относятся венчики на прямой, наклонной или плавно изогнутой шейке. Край венчика косо срезан и немного оттянут (рис. 7: III; 12; 13).

³ Некоторые варианты горшков с венчиком типа I можно соотнести с горшками типа IV по типологии М. В. Малевской, разработанной для галицкой керамики, которые, по ее же мнению, соответствуют типу IV для керамического комплекса Новогрудка, где они присутствуют «во всех постройках XII в. и в значительно большем количестве, чем первые три типа, в постройках первой половины XIII в.», и типу III для керамики из раскопок Данилова, где они присутствуют в незначительном количестве (Малевская 1969: 9–10, рис. 3: 8–14; 1971: 28–29, 31–34, рис. 5: IV, рис. 7: III). При этом отмечается некоторая архаичность облика этих сосудов (Малевская 1969: 10). — *Прим. А. Песковой.*

⁴ Горшки с венчиком типа II соотносятся с горшками типа I по типологии М. В. Малевской (как для галицкой керамики, так и для Новогрудка и для Данилова) (Малевская 1969: 6–8, рис. 2: 1–6; 1971: 28, 32–34, рис. 5: I, 7: I). На территории Галицкой земли они появляются, по наблюдениям М. В. Малевской, не ранее XII в., тогда как в других землях, как, например, в Новогрудке, они известны уже с конца XI в. и бытуют повсеместно до середины XIII в. (Малевская 1969: 8). — *Прим. А. Песковой.*

⁵ Раскопки 1956 г. Архитектурно-археологической экспедиции ЛГУ и ЛОИА АН СССР под руководством М. К. Каргера.



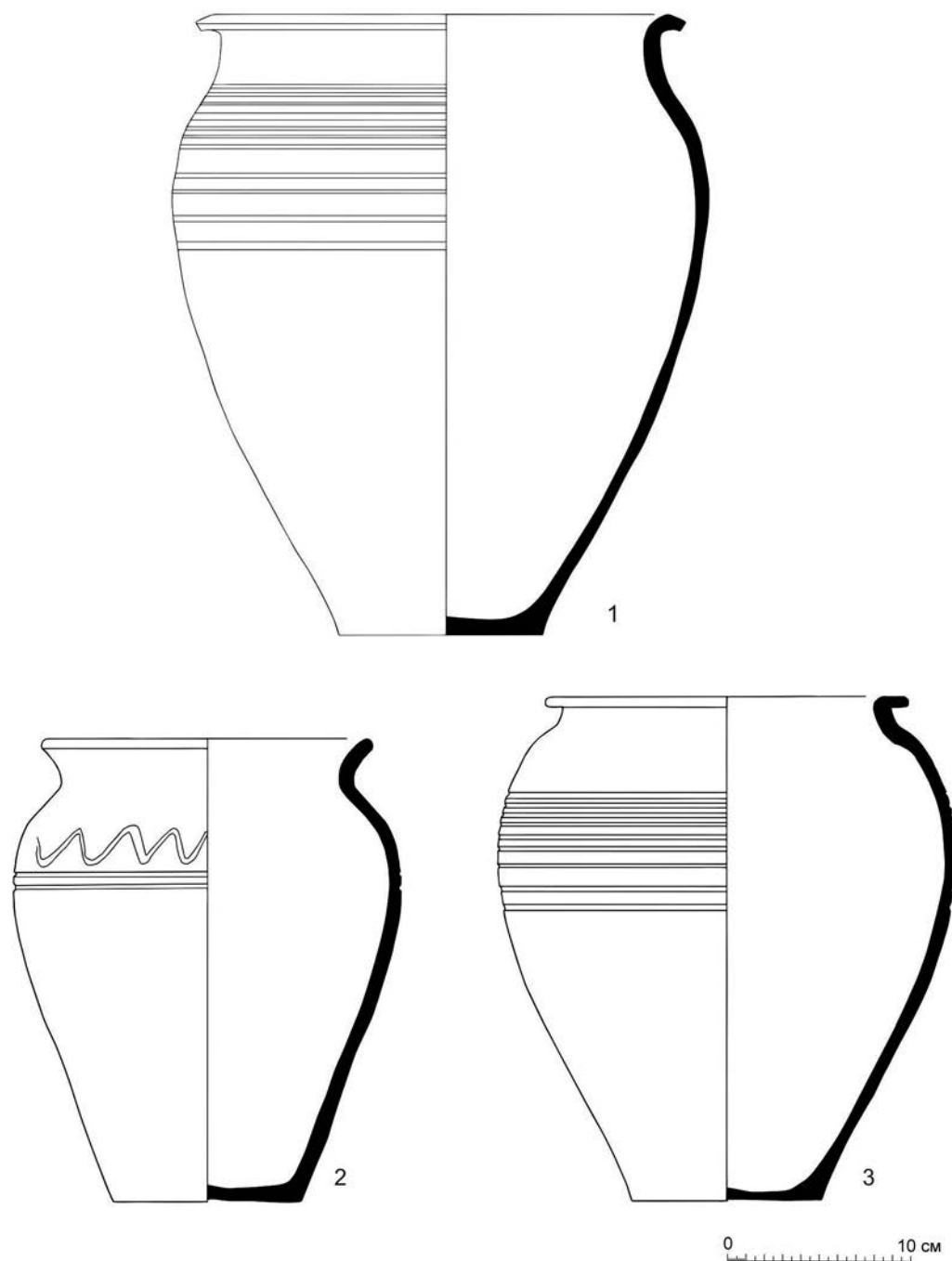


Рис. 9. Горшки первой группы, тип I (продолжение): 1 — б/н; 2 — ГД-58/8917; 3 — б/н

Рис. 8. Горшки первой группы, тип I: 1 — ГП-57/2011; 2 — ГП-61/3262; 3 — ГП-59/2942; 4 — б/н; 5 — ГД-57/7643; 6 — ГП-61/3982; 7 — ГП-62/983; 8 — б/н; 9 — Г-59/Галич(?); 10 — ГД-58/9106; 11 — ГП-57/9647 или ГП-64/1639; 12 — б/н; 13 — ГП-61/1953 или ГП-59/2961; 14 — ГД-58/3563; 15 — ГП-61/1956; 16 — б/н; 17 — ГД-58/6416

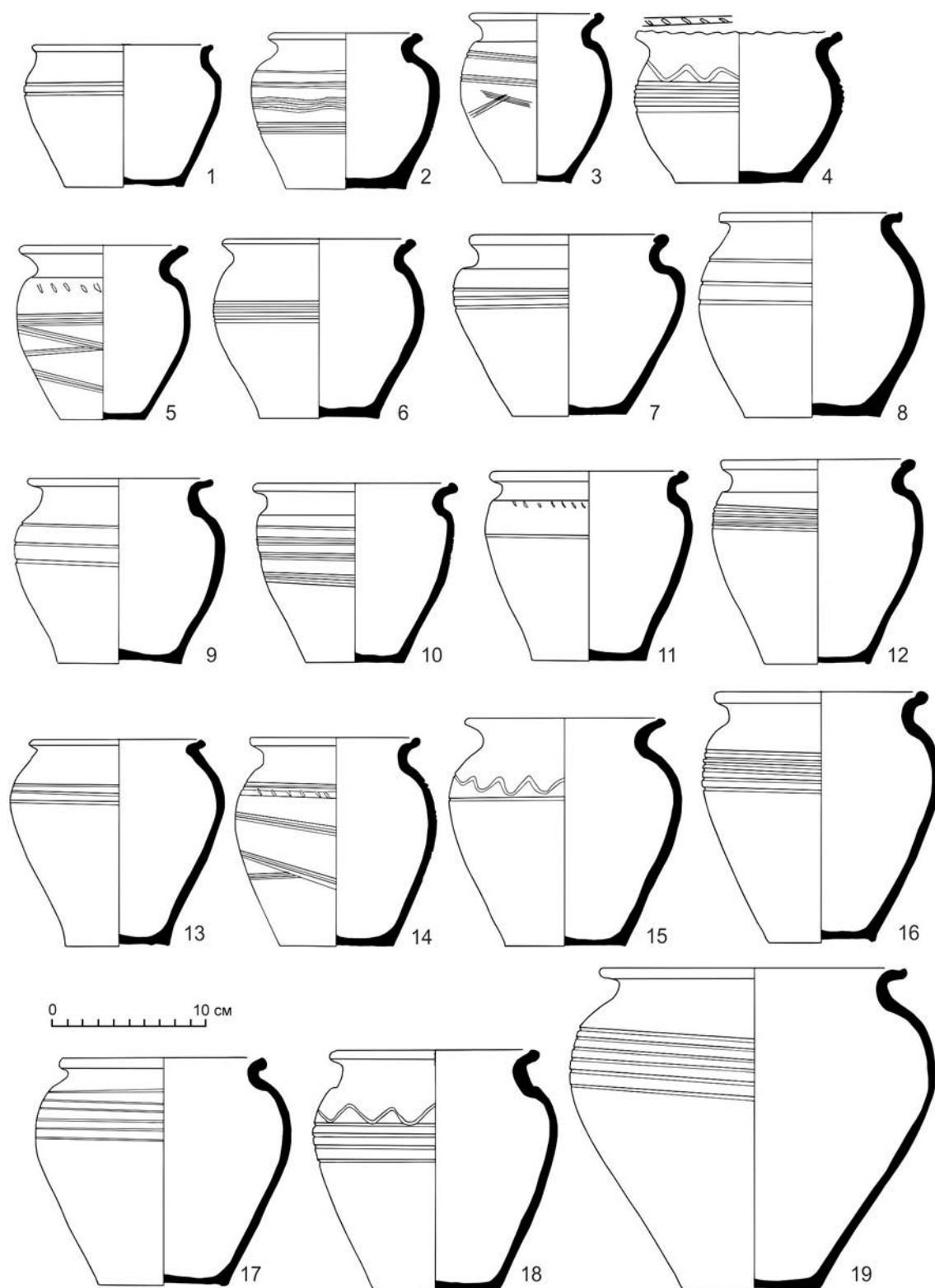


Рис. 10. Горшки первой группы, тип II: 1 — ГД-59/35773; 2 — ГП-62/987; 3 — ГП-58/5288; 4 — ГП-57/9492; 5 — ГП-62/1762; 6 — ГП-61/?; 7 — ГП-60/8065; 8 — ГП-59/2951; 9 — ГП-60/5867; 10 — ГП-60/5314; 11 — ГД-57/3491; 12 — ГП-60/2537; 13 — ГП-59/2980; 14 — ГП-63/541; 15 — ГП-60/2535; 16 — ГП-59/2956; 17 — 6/н; 18 — ГП-59/2944; 19 — ГД-57/?

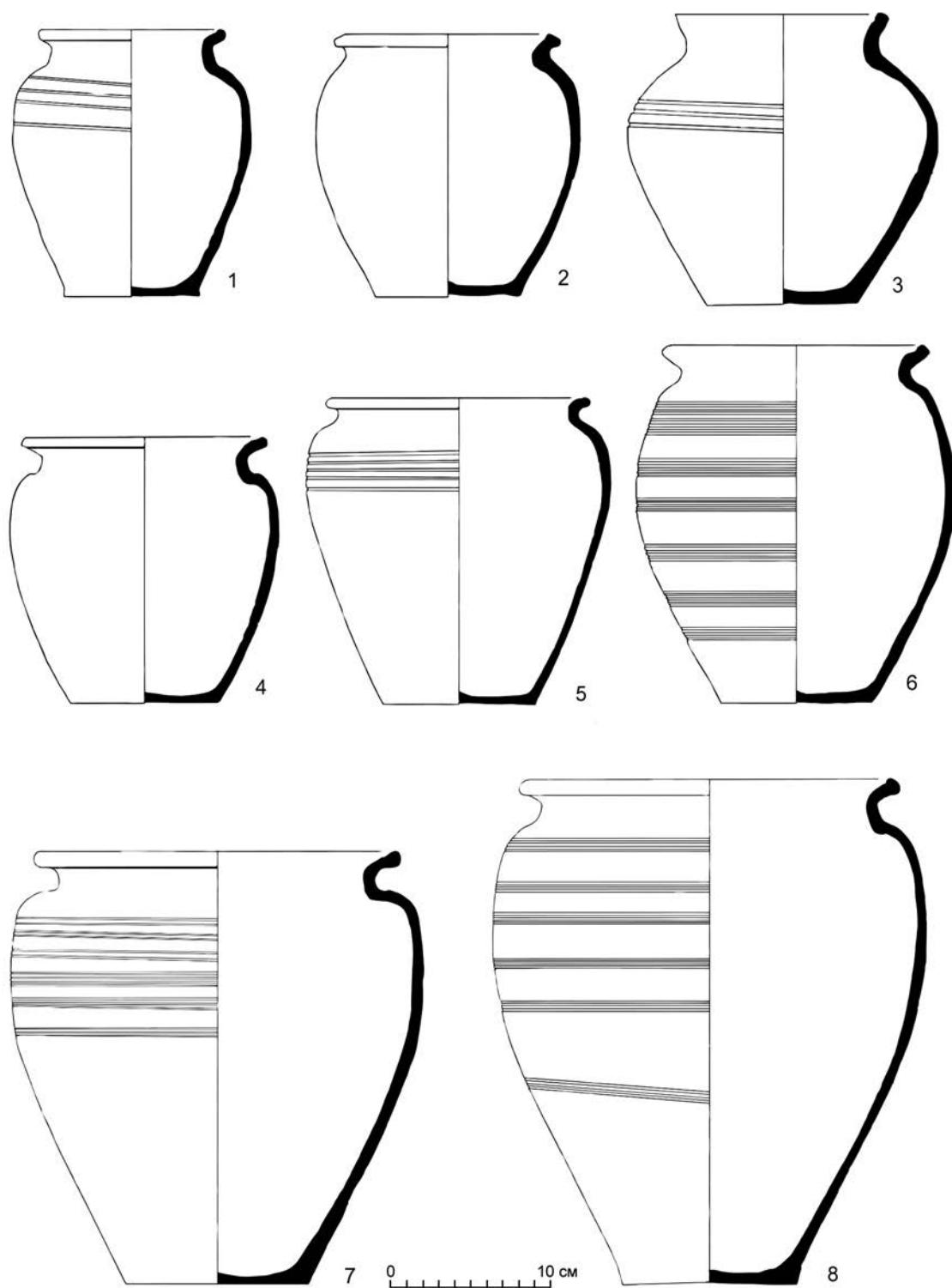


Рис. 11. Горшки первой группы, тип II (продолжение): 1 — ГП-59/6398; 2 — ГП-59/9108; 3 — ГД-57/9643; 4 — ГП-62/1000; 5 — б/н; 6 — ГП-62/2993; 7 — б/н; 8 — ГП-62/2934

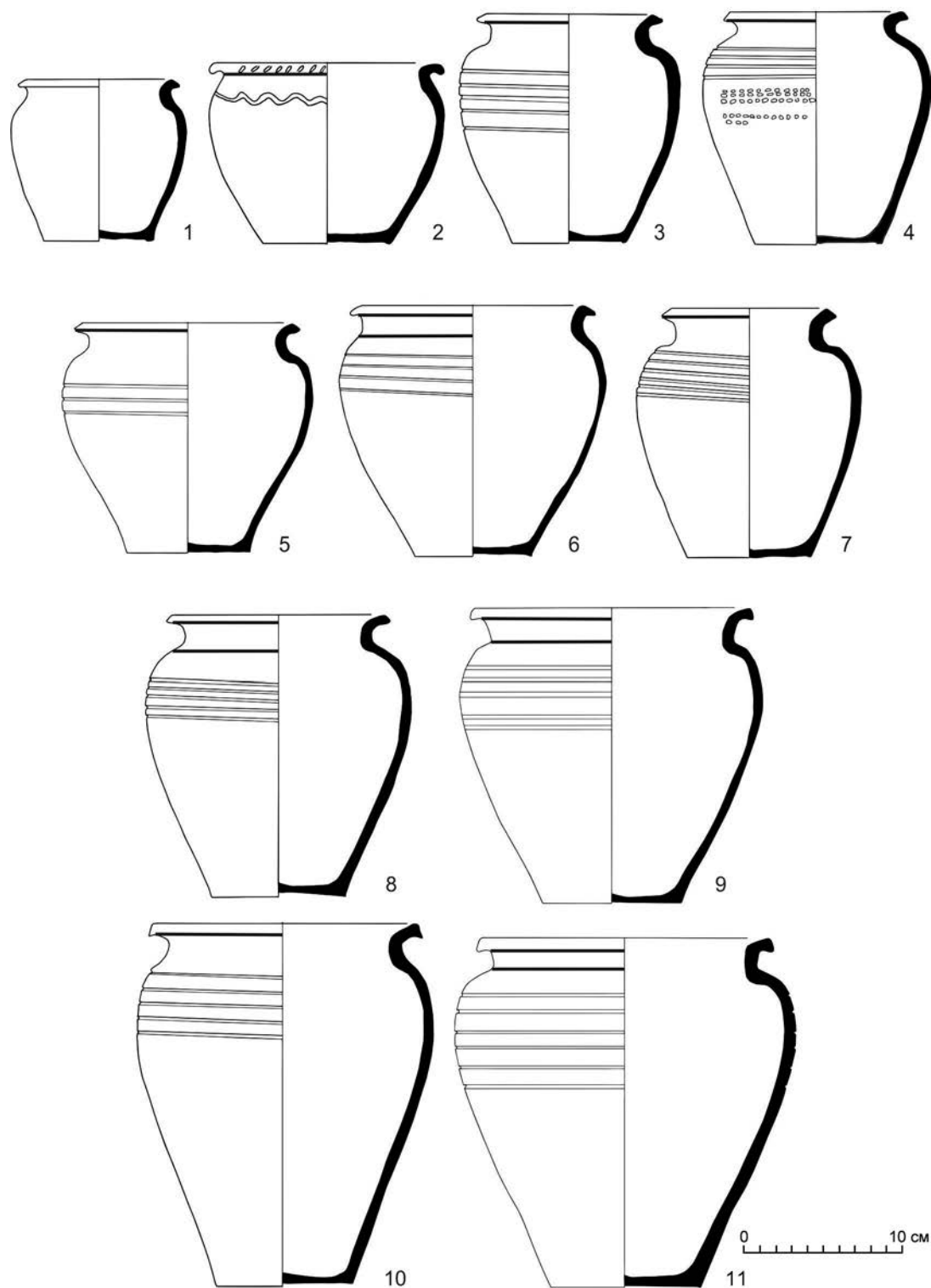


Рис. 12. Горшки первой группы, тип III: 1 — ГП-62/908; 2 — ГД-57/7633; 3 — ГП-62/991; 4 — ГП-59/2950; 5 — ГП-57/9401; 6 — ГП-62/2940; 7 — ГП-59/2947; 8 — ГД-58/5875; 9 — ГП-59/3358; 10 — ГД-58/9882; 11 — 6/н

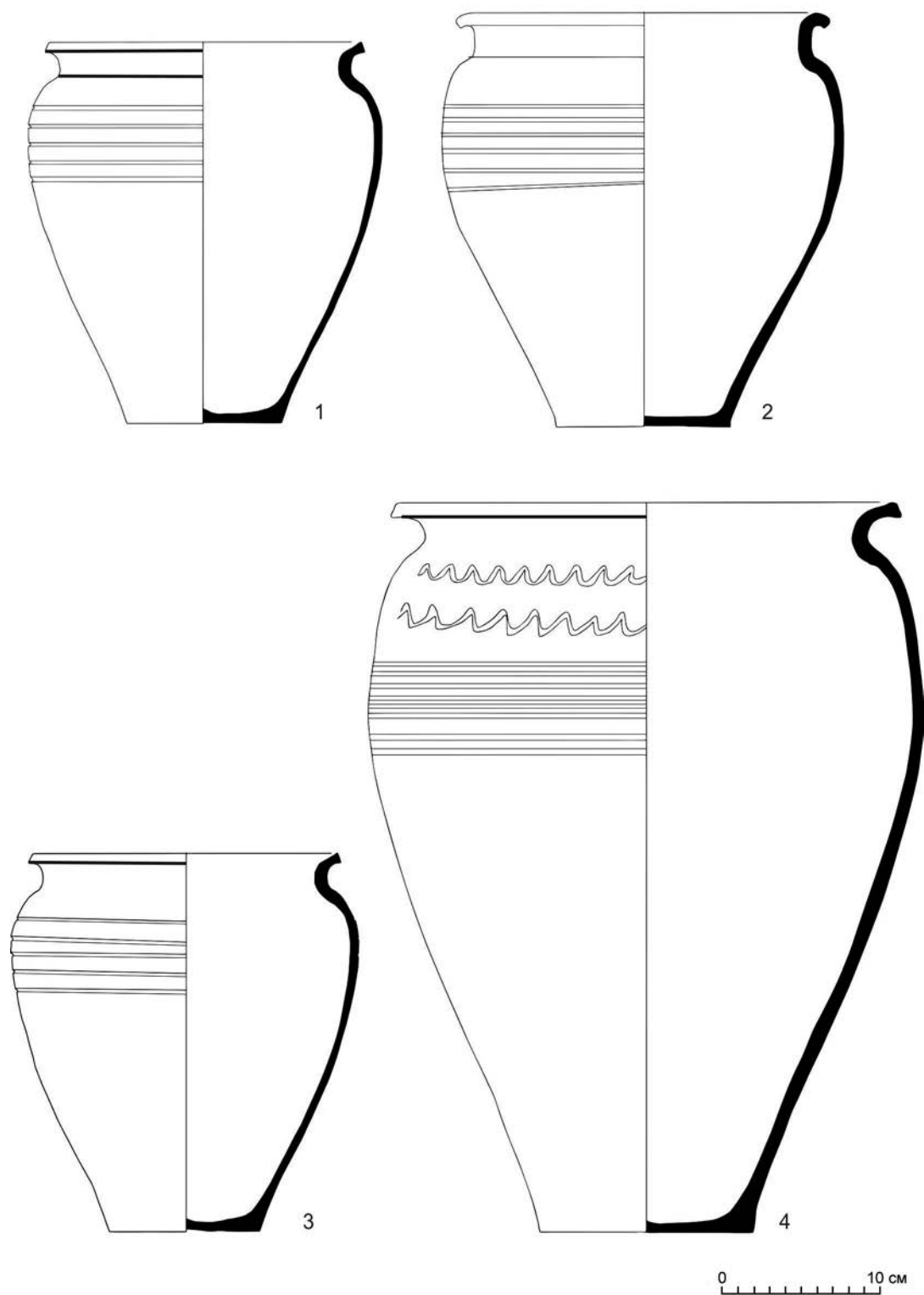


Рис. 13. Горшки первой группы, тип III (продолжение): 1 — ГД-58/11229; 2 — б/н;
3 — ГП-62/1004; 4 — ГП-62/2947

Данный тип венчика распространен на более ограниченной территории, охватывающей главным образом юго-западные области Древней Руси — Галицкую и Волынскую⁶. Более узкими оказались и хронологические рамки венчиков III типа — XII–XIII вв. В Галицкой земле они известны в Подгородье (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 15), в Бовшиве (Крушельницка 1964: табл. IV, 5). В стольном городе Волынского княжества венчики III типа найдены при шурфовке на территории у Успенского собора⁷. Встречаются подобные находки и на памятниках более западных территорий (Holl 1963: кер. 70: 1, 5, 6).

IV тип. К *четвертому типу* относятся венчики очень близкие как по профилю, так и по характеру обработки самого среза — закраина косо срезана и немного оттянута. От предыдущего типа они отличаются лишь наличием небольшого выступа или гребешка, образующего с внутренней стороны венчика паз — для упора керамической крышки (рис. 7: IV; 14).

Кроме «Изяславля» подобные венчики известны в Бовшиве (Крушельницка 1964: табл. IV, 2–3), Гологорах и Олешкове (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 11, 24–25), то есть в Галицкой земле.

V тип. К *пятому типу* относятся венчики, резко отогнутые наружу. Край венчика как бы подогнут под плоскость венчика и слегка оттянут (рис. 7: V; 15: 2, 4).

Венчики типа V довольно редко встречаются при раскопках древнерусских памятников. Можно указать лишь на находку в Новгороде в слоях XII в. (Смирнова 1956: рис. 5, 8) и в Турове (раскопки храма середины XIII в.)⁸. Обильнее аналогии венчикам типа V представлены в керамике западных соседей Руси — в Пражском граде (Borkovský 1962: obr. 8: 28) и Будайском дворце (Holl 1963: кер. 70: 2, 6).

VI тип. Венчики *шестого типа* завершают прямую, наклонную или овальную шейку. Плоскость венчика резко отогнута наружу, край венчика всегда ниже перегиба шейки и венчика. Кончик венчика незначительно расширяется (рис. 7: VI; 15: 5, 6).

Венчики, аналогичные типу VI, известны как на поселениях Галицкой земли (Подгородье, Второе Городище (Раппопорт, Малевская 1963: рис. 6: 5, 12, 19, 20)), так и на Волыни (Rauhut 1960: tabl. I, 8)⁹.

⁶ Горшки с венчиком типа III можно соотнести с горшками типа II по типологии М. В. Малевской, разработанной для галицкой керамики, определяемого ею как «собственно галицкий тип» (Малевская 1969: 7–8, рис. 2: 9–13). Но галицкий тип венчиков по Малевской включает в себя не только простые короткие венчики с косо срезанным краем, но и усложненные — с внутренним валиком для упора крышки, которые у О. В. Овсянникова выделены в отдельный тип IV (Там же: 7–8, рис. 2: 8, 14). — Прим. А. Песковой.

⁷ Работы производила Галицко-Волынская архитектурно-археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР и ЛГУ под руководством М. К. Каргера в 1956 г.

⁸ Столь же резко отогнутые венчики на городище Гринчук Каменец-Подольского района Хмельницкой области выделены в тип III (Пачкова, Петрашенко 1982: 57, рис. 3: 9), есть они и среди керамических материалов летописного Василева на Днестре (Михайлина и др. 2014: 152, 155, рис. 1: 3, 8).

⁹ Ближайшие территориально аналогии венчикам типа VI встречаются и среди керамики, происходящей из раскопок городищ Болоховской земли, в том числе из заполнения жилища № 13 на городище у с. Тележинцы в верховьях Южного Буга (Якубовский 1995: рис. 3: 20, 39, 41) и в Губине в верхнем течении Случи (Винокур и др. 2004: рис. 54, I: 20; 58, I: 3; 64, I: 21; 65: 5). Довольно близкие по форме венчики зафиксированы в Днепровском левобережье на сельском поселении Лисогубовка Конотопского района Сумской области (Украина), датированные второй половиной XIII — XIV в. (Беляева 1982: 25, 116, рис. 1 (карта) и рис. 24: 10–12). — Прим. А. Песковой.

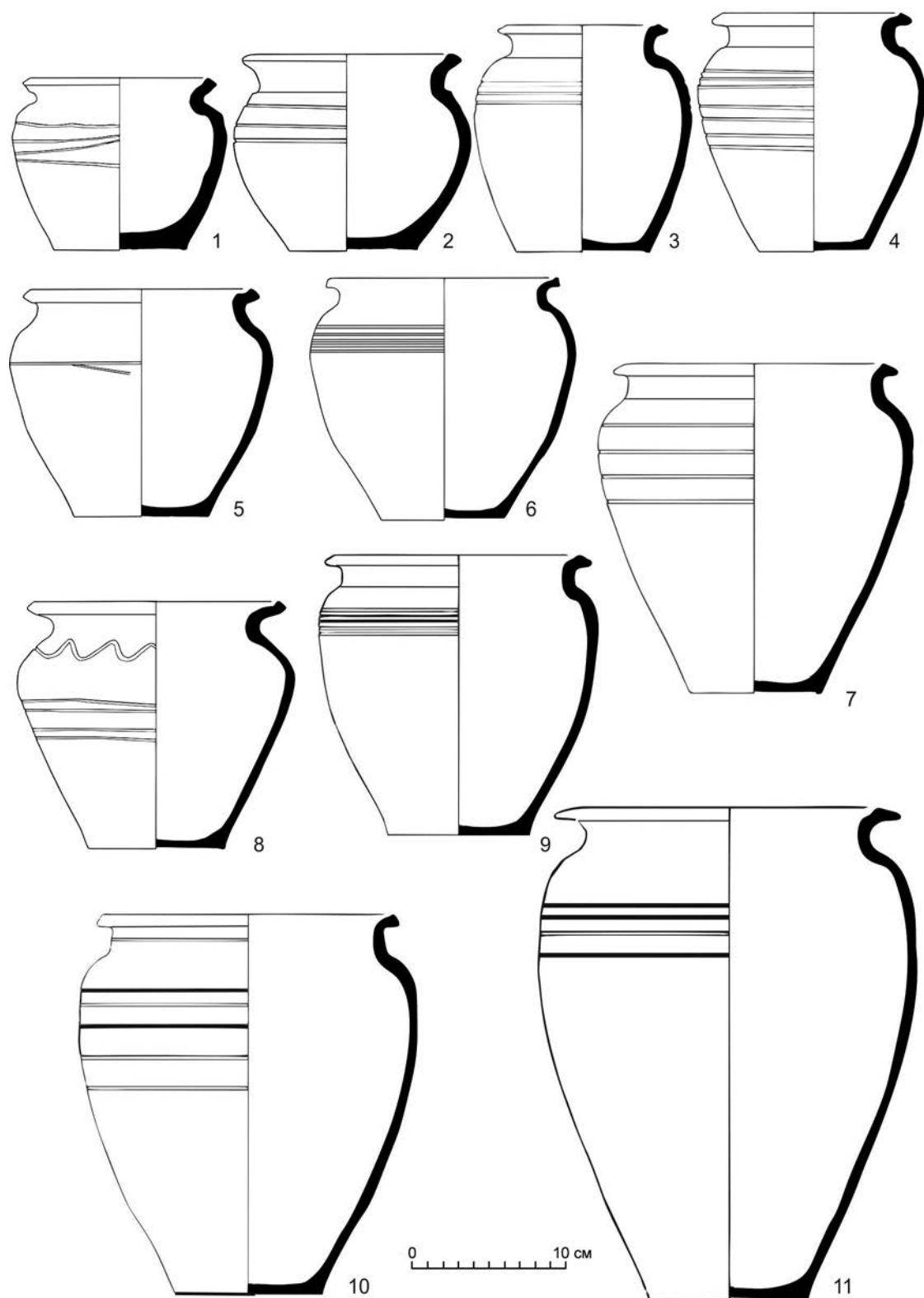


Рис. 14. Горшки первой группы, тип IV: 1 — ГП-62/992; 2 — ГД-58/?; 3 — ГД-58/5881; 4 — ГП-62/990; 5 — ГП-57/9646; 6 — ГП-57/9649; 7 — ГП-57/9593; 8 — ГП-57/9589; 9 — ГП-62/1003; 10 — ГД-59/5042; 11 — ГП-62/1062

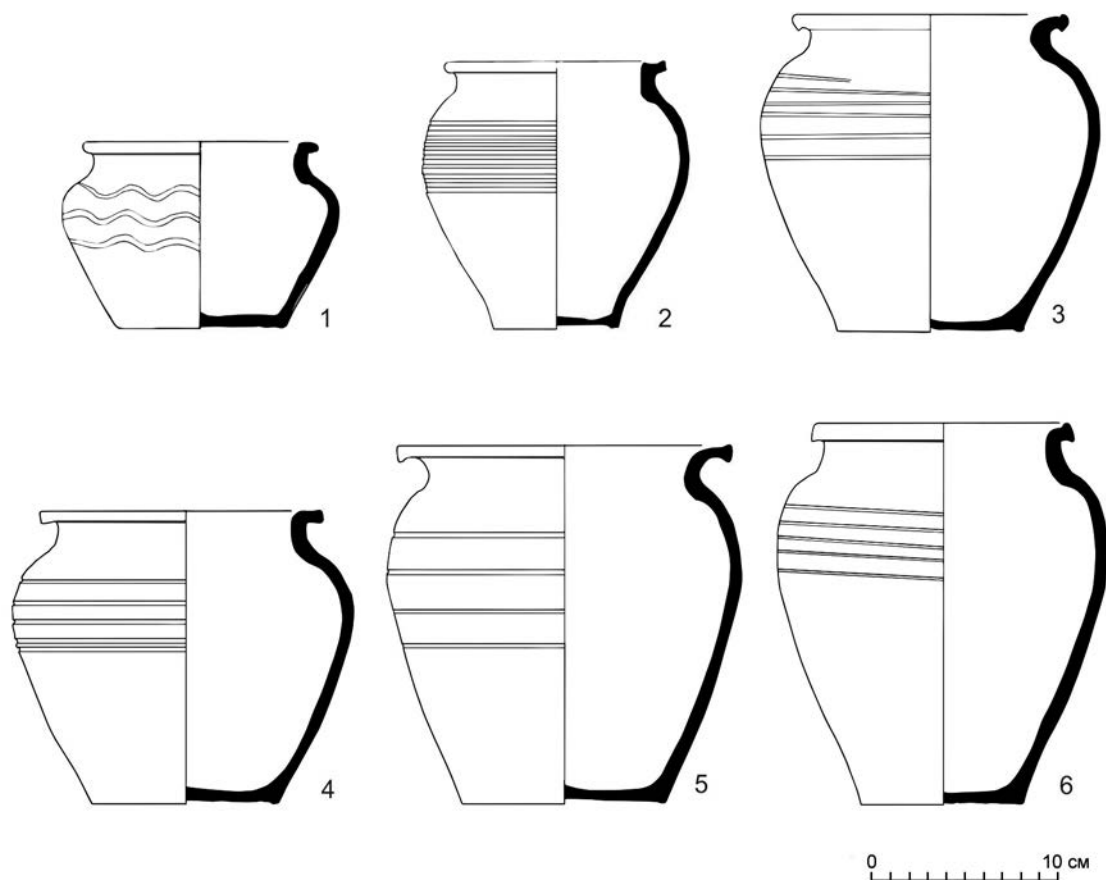


Рис. 15. Горшки первой группы, типы V–VI и индивидуальные формы: 2, 4 — тип V (ГП-62/989, ГД-58/3565); 5, 6 — тип VI (ГП-57/9594, ГП-63/544); 1, 3 — индивидуальные формы (ГП-62/989, ГД-58/3565) (возможно, названные индивидуальными формами относятся ко второй половине XIII — XIV в. — Прим. А. Песковой)

Вполне естественно, что выделенные нами шесть типов венчиков, встречающихся среди изяславских горшков, не дают исчерпывающей картины. Во-первых, выделены лишь те типы, которые представлены многочисленными и устойчивыми сериями. Незначительные модификации этих типов дают самые разнообразные варианты. Во-вторых, имеются венчики, которые ввиду их малочисленности не характерны для данного памятника и могут рассматриваться лишь как индивидуальные типы.

Количественное соотношение основных типов венчиков в керамике древнего «Изяслава» распределяется следующим образом:

- I тип — 12,9 %;
- II тип — 8,8 %;
- III тип — 15,4 %;
- IV тип — 29 %;
- V тип — 3,7 %;
- VI тип — 23,8 %.

Соотношение основных типов венчиков оказывается, таким образом, весьма впечатляющим: первые два типа (I–II) составляют 21,7 % общего числа венчиков, остальные типы составляют подавляющее большинство. Особенно хочется отметить преобладание IV и

VI типов, которые в «Изяславле» являются наиболее характерными. Венчики типа V представлены незначительным количеством (3,7 %), но они принадлежат к тому же кругу галицко-волинских типов, что и IV и VI типы. Неслучайно мы определяем их как «галицко-волинский» тип. В настоящее время, когда керамические материалы, добытые археологами в Галиче и Владимире-Волинском, не опубликованы, трудно говорить, насколько те или иные типы являются «галицкими» или «волинскими». Это можно будет решать лишь в результате проработки материалов со многих памятников обеих земель. Пока лишь можно предполагать, в значительной степени условно, что выделенный тип III «волинский»¹⁰.

Тем не менее существенным является то, что ведущие типы венчиков горшков с изучаемого городища находят подавляющее большинство аналогий в западнорусских землях.

Орнаментальные мотивы, встречающиеся на горшках из «Изяславля», имеют, как правило, несложный характер. Большинство сосудов украшено параллельными прямыми или волнистыми линиями или сочетанием тех и других. Рисунок нанесен обычно небрежно. Овальные или четырехугольные вдавления, нанесенные на поверхность сосуда штампом, единичны (рис. 16). Рисунок располагается чаще всего на плечах горшка, реже спускается ниже, занимая приблизительно одну треть тулова. Значительная часть сосудов вообще не имеет орнаментации.

Среди горшков I группы выделяется одна небольшая подгруппа сосудов. По размерам и пропорциям эти сосуды мало отличаются от остальных «изяславльских» горшков, венчики также укладываются в рамки выделенных нами типов. Однако имеется еще ряд признаков, на наш взгляд значительных, позволяющих рассматривать их особо. Во-первых, эти сосуды отличаются от остальных тестом — глина сероватого цвета, более тщательно промешана, отошитель хорошо размельчен, поверхность сосуда имеет слегка блестящий оттенок от примеси слюды. Характерным признаком этой группы является и орнамент — рисунок наносился многозубчатым гребенчатым штампом, рельеф вдавлений слабый. Орнамент покрывает большую часть тулова горшка. Трудно сказать, с чем можно связать наличие этой группы горшков среди «изяславльской» керамики: то ли она несет на себе своеобразные черты индивидуальности почерка одного мастера или «мастерской», то ли здесь прослеживается отголосок более древних традиций керамического ремесла (например, в характере и способе нанесения орнамента). Пожалуй, в пользу последнего предположения свидетельствует наличие среди других типов керамической посуды древнего «Изяславля» сосудов с подобным орнаментом и близким составом глины (среди больших тарных сосудов, кувшинообразных и т. д.)¹¹.

¹⁰ В опубликованных к настоящему времени материалах из раскопок таких волинских городов, как Пересопница, Луцк, Владимир-Волинский, данное предположение не находит подтверждения (см., например: Терський 2003; 2006; 2010). — Прим. А. Песковой.

¹¹ Относительно происхождения традиции украшать керамические сосуды штампованным орнаментом у исследователей и по сей день нет единого мнения. Керамика с таким орнаментом в небольшом количестве встречается во многих регионах древней Руси, в том числе и в Галицкой земле. Однако, отмечая единичные находки керамики с штампованным орнаментом на городище у с. Гринчук на Днестре, исследователи пишут, ссылаясь на работу В. А. Мальм, что это отличительная черта керамики северо-западной и северо-восточной Руси (Мальм 1967: 132; Пачкова, Петрашенко 1982: 60). А на поселениях Нижней и Средней Сулы появление штампованной орнаментации фиксируется уже в XI в. и связывается с притоком западнославянского населения (польских переселенцев) (Моргунов 2012: 154). — Прим. А. Песковой.



Рис. 16. Редкие виды орнаментации на горшках первой группы (1 — ГП-57/7633; 2 — ГП- 60/7329; 3 — ГП-62/2946; 4 — б/н). Фото из личного архива М. К. Каргера

II. Ко второй группе горшков относятся горшкообразные сосуды с цилиндрическим горлом (рис. 17–18). С группой I их роднит состав глины, характер обжига и орнамент, профиль тулова, отличаются же они только различным оформлением верхней части.

Всего насчитывается 184 фрагмента венчиков рассматриваемой группы керамики. Сосуды сделаны из серой или красной, реже из светло-коричневой глины. В качестве отошителя в большинстве случаев использован кварц, реже известь, кварц с примесью извести или слюды встречается в единичных случаях. Значительная часть сосудов при изготовлении была покрыта светлым ангобом. По качеству обжига равномерно и неравномерно

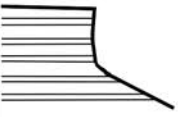
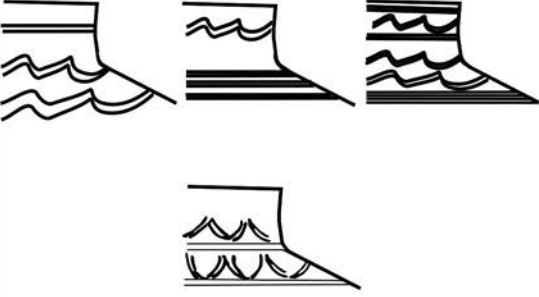
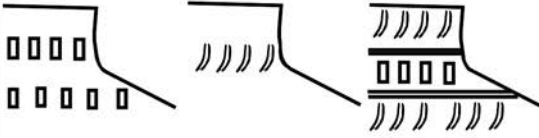
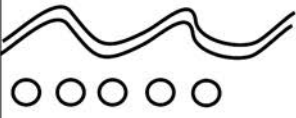
Виды орнамента на тулове	Кол-во	Виды орнамента на горле	Кол-во
	33		3
	22		3
	12		8
	3		3
	1		1
	1		1
	1		

Рис. 17. Орнаментальные мотивы на горшках второй группы (с цилиндрическим горлом) (схема)

обожженные сосуды встречаются приблизительно поровну. В основном данный тип керамики представлен мелкими фрагментами. Диаметры венчиков колеблются от 9 до 23 см, но основную массу посуды данного типа представляют сосуды с диаметром венчика от 12 до 19 см. Сосуды с большим или меньшим диаметром составляют незначительное количество. Всего при определении диаметров нами был учтен 161 фрагмент венчиков из 184 (остальные представлены очень мелкими фрагментами). Значительные размеры венчиков позволяют считать эти сосуды одной из групп кухонной керамики, по своему функциональному назначению довольно близкой горшкам. Некоторые сосуды с диаметром 9–11 см ближе к кувшинам, однако не они определяют лицо всей рассматриваемой группы керамики. Общий вид сосудов данного типа — горшкообразное тулово, довольно четко отделенное от плечиков горло с венчиком. Горло сосудов представляет собой вертикальную или слегка отогнутую (внутрь или наружу) стоечку. Набор типов венчиков, наиболее часто встречающийся, такой же как у кувшинообразных сосудов с цилиндрическим горлом и валиком на нем или как у кувшинообразных сосудов с цилиндрическим горлом и ушками на плечиках. Вся рассматриваемая группа довольно однообразна, существовала одновременно, поэтому вряд ли целесообразно выделять среди этих сосудов более дробные типы. Можно указать еще на один вариант горла (он присутствует во всех трех видах и со всеми типами венчиков) — горло, имеющее небольшое утолщение в виде очень слабо выделенного валика. Эта деталь встречается при рассмотрении как некоторых видов кувшинов, так и горшков.

Беря за основу оформление самого окончания венчика — закраины, можно выделить следующие типы венчиков рассматриваемой группы сосудов (рис. 18: 1–20).

1. Край венчика оформлен в виде ровной площадки — горизонтальной, скошенной внутрь или наружу (соответственно виды венчика — с вертикальным или наклонным горлом; варианты венчика зависят от наклона площадки), особые варианты этого типа представляют венчики с горлом, имеющим небольшую выпуклость.

2. Край венчика в виде овального закругления (соответственно виды и варианты венчика).

3. Край оформлен в виде площадки (горизонтальной или скошенной), имеющей небольшой бортик, отогнутый наружу или внутрь (большинство случаев). Виды и варианты венчиков — соответственно.

4. Край венчика оформлен в виде площадки (как и у предыдущих типов), но имеет небольшие бортики, отогнутые внутрь и наружу одновременно. Виды и варианты венчиков — соответственно.

Первые три типа венчиков употребляются чаще и составляют большинство.

Из 184 фрагментов 92 украшены обычным для «изяславльской» керамики орнаментом из параллельных прямых и волнистых линий, вдавлений и сочетаний всех трех элементов (рис. 17). Фрагментарность посуды данного типа несколько искажает наши представления о степени декора сосудов (в тех случаях, когда орнамент располагался на не дошедших до нас плечиках или тулове сосуда и его не оказалось у рассматриваемых нами фрагментов горла, эти фрагменты были зачислены нами в состав не орнаментированных). Орнаментальная зона в большинстве случаев располагалась на плечиках, когда размеры черепка позволяли уловить это, но имеется некоторое количество сосудов, у которых было украшено и горло (19 из 92).

Сосуды описанного типа известны по раскопкам древнерусских памятников предмонгольской поры, но в небольшом количестве. Известны такие сосуды в Плеснеске, в XI в. (Кучера 1961: 150–151, рис. 2: 1, 3; 4; 1962: рис. 20: 6, 9), на древнерусском городище Замчище

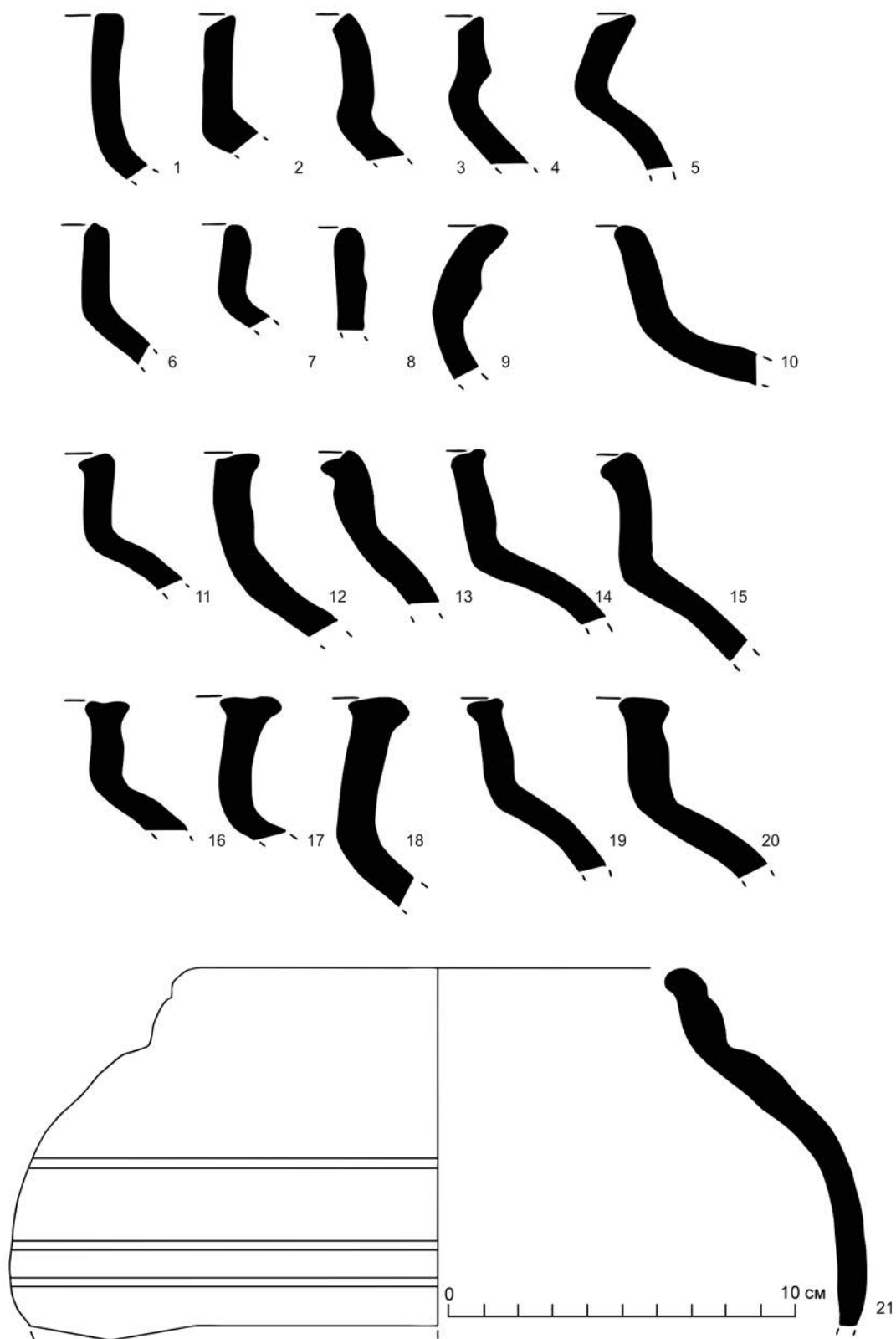


Рис. 18. Типы венчиков горшков второй группы (сосудов с цилиндрическим горлом):
1–20 — типы венчиков; 21 — фрагмент сосуда (ГД-57/9809)

в Судовой Вишне (Ратич 1962: табл. I, 14). Можно указать еще ряд находок подобного типа. Так, во Владимире-Волынском они датируются XI–XII вв.¹², известны в Луцке и в районе Головно (Rauhut 1960: tabl. XI, 5; XII, 3; XXIV, 2)¹³. Во вроцлавской керамике такие сосуды датируются XII — началом XIII в. (Kramarek 1959: tabl. I, c), встречаются они и среди керамики Чермно (Abramowicz 1959: 15).

Признавая функциональное назначение рассмотренной нами группы сосудов очень близким горшкам, мы не склонны трактовать их как один из типов горшков. Сосуды подобного облика занимают как бы промежуточное положение между горшками и кувшинообразными сосудами некоторых типов. В частности, у них все венчики характерны не для горшков, а для кувшинов. Сосуды с широким цилиндрическим горлом могли закрываться глиняными крышками, как плоско-цилиндрическими, так и некоторыми видами конических. Распространенность сосудов подобного облика на памятниках Волынской и Галицкой земель позволяет считать их непременной составной частью керамического комплекса этой территории, что, впрочем, не исключает их присутствия и за пределами этих районов¹⁴.

Таким образом, на протяжении всего существования древнего «Изяславля» в нем бытовали две группы горшков — «обычные» древнерусские горшки с наклонной, прямой или овальной шейкой и отогнутым наружу венчиком и горшки с цилиндрическим горлом (сужающимся или, наоборот, расширяющимся).

Выделение шести основных типов венчиков в I группе горшков позволяет считать, что этот вид керамической посуды наряду с общерусскими формами (а иногда и гораздо шире) имеет свои специфические, характерные для западно-русских земель формы. Весьма существенно, что среди «изяславских» горшков не встречено ни одного фрагмента горшка с небольшой плоской ручкой, которые типичны для Киевской земли. Это обстоятельство несомненно нужно учитывать при общей характеристике керамического производства в древнем «Изяславле», тем более что в количественном отношении горшки являются наиболее распространенным типом керамической посуды.

¹² Во Владимире-Волынском в ур. Апостольщина горшкообразный сосуд с цилиндрическим горлом был обнаружен в хозяйственной яме с керамикой XI в. (Терський 2010: 254–255, рис. 166: 1). — *Прим. А. Песковой.*

¹³ М. В. Малевская отмечала находки сосудов с низким вертикальным горлом также в Галиче и на Ленковецком городище (Малевская 1969: 10, рис. 4: 1–4), присутствуют они и в материалах из раскопок окольного города и одного из пригородов Звенигорода (Гупало 2014: рис. 42: 3; 44: 2; 47: 1–2; 50: 3; 82: 12; 100: 1, 5; 131: 1). Приведенные аналогии указывают на локализацию использования сосудов данного типа главным образом на юго-западе древней Руси, однако они встречаются и на других территориях, как, например, на Черниговщине — на сельском поселении Автуничи при раскопках древнего колодца, в основном с керамикой XII в. (Веремейчик, Готун 1995: 91–92, рис. 11). В достаточно полно изученном древнем Новогрудке такие сосуды, представленные, как и в «Изяславле», тоже фрагментарно, обнаружены в комплексах с конца X по XII в., «а в XIII в. их производство почти прекратилось» (Малевская-Малевич 2005: 43–45, рис. 18 и 26). — *Прим. А. Песковой.*

¹⁴ Значительное количество горшкообразных сосудов с низким цилиндрическим горлом было обнаружено в жилых и хозяйственных объектах XI — первой половины XIII в. летописного Дорогобужа на Горыни (Прищепа 2011: 46, рис. 31: 5; 56, рис. 44: 3; 84, рис. 87: 6; 89, рис. 94: 12, 13; 91, рис. 97: 34; 114, рис. 130: 23; 116, рис. 133: 14, 136: 39; 123, рис. 147: 13) и одного из крупных центров Болоховской земли Губина (Винокур и др. 2004: 64, I: 14, 18; 66, I: 1, 4; рис. 67, II: 1, 18, 23; и др.). Известны такие сосуды, в том числе сосуд с горлом, имеющим слабо выраженный валик, и на болоховском городище Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 4, 11, 15). — *Прим. А. Песковой.*

Тарная керамика

Среди «изяславльской» глиняной посуды особо интересна тарная керамика, состоящая из нескольких групп сосудов. Этот интерес тем больше, что каждая группа представлена не единичными сосудами, а многочисленными сериями, что дает возможность рассмотреть весь ассортимент тарной посуды. Под тарной посудой мы имеем в виду керамические емкости, функциональное назначение которых состоит не только в хранении различных продуктов на месте, но и в транспортировке (перевозке или переноске) жидких и сыпучих тел на короткие или значительные расстояния.

Наличие довольно большого количества тарной керамики в общей массе посуды вполне объяснимо, ибо в каждом жилище находилось несколько видов сосудов-тар.

Определенная часть рассматриваемой в данном разделе посуды непосредственно связана с экономической жизнью древнего города и отражает его определенный хозяйственный уклон, рыночные связи.

В разделе тарной керамики рассматриваются следующие группы посуды:

- 1) кувшины и кувшинообразные сосуды,
- 2) большие толстостенные сосуды (типа пифоса),
- 3) амфоры.

Кувшины и кувшинообразные сосуды

В данном разделе рассматриваются, по существу, несколько групп сосудов кувшинообразной формы.

1. Собственно кувшины — сосуды с несколько шаровидным туловом и вытянутым горлом.
2. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем («плечики»).
3. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками (иногда исследователи несправедливо определяют их как «амфорки киевского типа»).
4. Небольшие кувшинообразные сосуды с узким горлом и широко раскрытым венчиком (типа «lahen»).

Все рассматриваемые здесь группы посуды отличаются по своим технологическим свойствам (составу глины, обжигу, обработке поверхности), а самое главное — своим назначением.

Собственно кувшины составляют небольшую группу «изяславльской» керамики. Большею частью это небольшие фрагменты горла (50 фрагментов), целыми найдено лишь три кувшина (*цв. вклейка, фото 1; рис. 19*). Сосуды сделаны из сероватой или желтовато-красноватой глины, отощитель, обычный для «изяславльской» керамики, измельчен гораздо тщательнее, чем для других групп сосудов. Представляется возможность выделить четыре типа (в известной мере условно, так как большинство находок представлены слишком незначительными фрагментами).

1. К первому типу относятся кувшины с широким туловом, плавно сужающимся ко дну, с довольно высоким горлом, которое заканчивается раструбом. В коллекции присутствуют два целых сосуда этого типа (*цв. вклейка, фото 1: 3, 4*).

Сосуд 1. Высота 37,2 см, диаметр дна 13 см, диаметр горла (раструба) 11 см. Раструб имеет слив. Венчик раструба слегка закруглен. Сосуд побывал в пожаре, но следы ангоба видны хорошо. Кувшин сделан на подставке, его дно слегка вогнуто.

Сосуд 2. Высота 30,5 см, диаметр дна 11 см, диаметр раструба 9 см. На нем также видны следы пребывания в пожаре. Кувшин покрыт светлым ангобом. Дно почти ровное, имеется

клеймо в виде княжеского знака. Венчик раструба имеет более сложный контур, весь раструб напоминает чашечку.

К первому типу можно отнести еще 15 фрагментов подобных кувшинов, в основном это части горла или раструба. Большинство кувшинов имеет в чашеобразном раструбе слив. Кроме того, к первому типу относятся несколько фрагментов кувшинов не с чашеобразным, а с воронкообразным горлом, не имеющим слива.

Одним из вариантов кувшинов первого типа является кувшин с длинным горлом, заканчивающимся чашеобразным раструбом (рис. 19: 2, 15, 16). Тулово сосуда не сохранилось, поэтому трудно судить об его облике в целом. Характерной деталью этого кувшина является ручка, которая была прикреплена одним концом к горлу, другим к тулову сосуда. Кувшин сделан из красной глины, покрыт ангобом. Горло орнаментировано прямыми параллельными линиями, тулово — волнистыми линиями.

Кувшины первого типа декорированы сочетанием волнистых и прямых линий и выглядят довольно нарядно. Особую нарядность придает кувшинам горло, украшенное, как правило, волнистыми линиями (цв. вклейка, фото 1: 1; рис. 19). В одном случае это сочетание волнистых и прямых линий, и еще в одном случае волнистые линии расположены зонами. Этот прием состоит в том, что между двумя зонами, украшающими горло волнистыми линиями по окружности, располагается зона волнистых линий, нанесенных по диагонали. Фрагмент одного кувшина с ручкой украшен кольцевыми вдавлениями (судить об облике сосуда в целом трудно) (рис. 19: 8).

Кувшины первого типа могли служить как для подачи напитков на стол (сосуды небольшого и среднего размера), так и для непродолжительного хранения (сосуды большого размера).

2. Ко второму типу кувшинов относится несколько фрагментов с воронкообразным или чашеобразным раструбом и с небольшим валиком или утолщением при переходе от горла к раструбу (рис. 19: 4). Два из них покрыты светлым ангобом, третий — великолепным коричневым лощением¹⁵. Считается, что валик на горле глиняных кувшинов имитирует деталь, характерную для металлических кувшинов.

Кувшины подобной формы, правда, поливные, имеются в Любече, Чернигове, где они датируются XI–XIII вв. (Макарова 1965: 234, рис. 1: 14, 15, 21; 1967: табл. XIII, 7, 8). Кувшины с чашеобразным раструбом и валиком под ним присутствуют в керамическом комплексе XIII в. Венгрии, где они представлены многочисленной и устойчивой серией (Holl 1956: кер. 2 (е), кер. 12; 1963: кер. 68: 1–3, 5).

К этому же типу относятся фрагменты горла кувшинов из красноватого теста с примесью слюды, покрытых великолепным белым ангобом. Характерной чертой сосудов этого типа является наличие валика перед раструбом и сложно профилированный раструб горла. Фрагмент горла точно такого же кувшина рассматривается нами среди поливной керамики «Изяславля». На древнерусских памятниках предмонгольской поры мы не могли найти аналогий кувшинам данного типа.

3. К третьему типу относятся кувшины с прямым невысоким горлом (рис. 19: 6, 13). Один фрагмент имеет как бы гофрированное горло¹⁶, плавно переходящее в тулово.

¹⁵ Фрагмент горла красноглиняного кувшина со слабо выраженным воронкообразным раструбом со сливом и с небольшим валиком при переходе от горла к раструбу, украшенного ниже валика широкими вертикальными полосами лощения, был обнаружен в слоях XIII–XIV вв. на среднеднепровском поселении Ломоватое 2 (Сымонович 1960: 25, рис. 10: 4). — Прим. А. Песковой.

¹⁶ Фрагменты кувшинов с невысоким «гофрированным» горлом (один из них с ручкой) зафиксированы на одном из болоховских городищ у с. Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 2, 3,

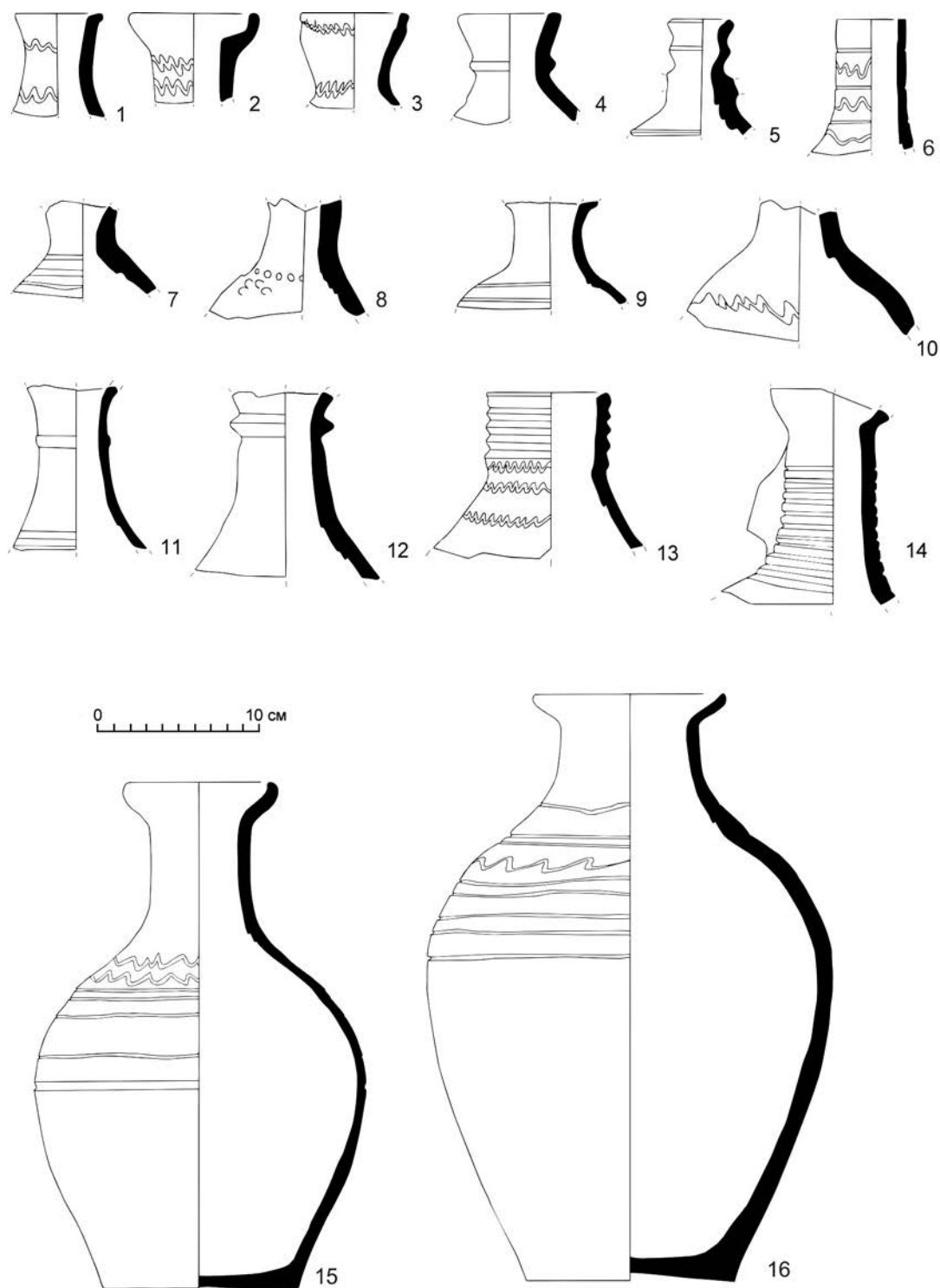


Рис. 19. Кувшины: 1–14 — фрагменты горла (ГП-63/9503; ГП-57/6661; ГД-57/873; ГП-62/1332; ГП-63/9598; ГП-61/2844; ГД-57/1437; ГП-61/4950; ГП-60/3149; ГП-63/10151; ГП-62/2954; ГП-64/1508; ГД-58/5873; ГП-61/2295); 15 — кувшин с чашеобразным раструбом (ГП-64/ 1643); 16 — кувшин с коническим раструбом (ГД-58/3567)

Диаметр горла 7,5 см, высота 5,5 см. Орнамент в виде волнистых линий нанесен на тулово, начиная с места присоединения горла. Кувшин сделан из красной глины с примесью кварца.

К этому же типу в качестве особого варианта можно отнести прямое горло кувшина, прорезанное глубокими линиями на несколько долек, покрытых волнистым орнаментом, и еще один фрагмент.

4. К четвертому типу кувшинов можно отнести один сосуд — с узким и высоким горлом, имевшим довольно сложную профилировку. Особенностью этого сосуда являются две ручки, которые верхними концами крепились к горлу кувшина, нижними — к тулову (на горле хорошо видны следы ручек). Тулово орнаментировано параллельными линиями. Глиняное тесто темно-серое, сосуд покрыт ангобом.

Для всех типов кувшинов характерна одна особенность — горло присоединялось к кувшину уже после того, как было изготовлено тулово. На это указывает наличие швов этого соединения, зачастую не сглаженного. В свою очередь это доказывает, наряду с некоторой асимметричностью тулова, наличием следов ленточной техники, на изготовление их на ручном гончарном круге.

Можно предполагать, что большинство кувшинов изготовлено местными гончарами. Поэтому особый интерес представляют два фрагмента верхних частей кувшинов. Эти части относятся, по всей вероятности, к заготовкам, то есть к кувшинам, к которым еще не приделано горло, но уже украшено тулово. Наличие незаконченных изделий (причины незаконченности неясны) позволяет уверенно говорить о местном производстве. Некоторые данные этнографии подтверждают именно такое толкование находки этих фрагментов на городище¹⁷.

Находки кувшинов на городище древнего «Изяславя» распределяются следующим образом: приблизительно 1/3 найдена на детинце и 2/3 на посаде. Однако следует учитывать, что некоторые типы кувшинов, местное производство которых вызывает сомнение, найдены на посаде (например, фрагмент лощеного сосуда с валиком на горле). Трудно сказать, являлись ли кувшины со сложнопрофилированным валиком привозными или делались на месте. Наличие подобных типов среди поливных изделий «Изяславя» позволяет предположить, что местные гончары могли подражать привозным изделиям. Все кувшины, рассмотренные нами, отличаются от остальной керамики древнего «Изяславя» более тщательной выделкой и более богатым орнаментом, что является вообще характерной чертой кувшинов предмонгольского времени (Каргер 1958: рис. 99: 1–2; Кишваси-Комша 1957: табл. IV, 22, 24, 25; Solle 1959: 2, obr. 83 (u)).

Сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем составляют особую группу. Всего среди керамического материала «Изяславя» учтено 545 фрагментов венчиков от сосудов

14, 17). Известен фрагмент сосуда с «гофрированным» горлом в материалах из раскопок постройки второй половины XIII в. в предместье Луцка Помостиче (Терский 2006: 90–91, рис. 76: 1). В Среднем Поднепровье на сельском поселении в Григоровке сосуды с «гофрированным» горлом зафиксированы как в слое XI–XII вв., так и в объектах второй половины XIII в. (яма 43) (Петрашенко 2005: 52, рис. 29: 2, 3; 73: 3). Присутствие здесь данного типа керамики исследователи связывают с носителями этой традиции — выходцами с территории Польши (Кучера 1986: 450; Петрашенко 2005: 52). В летописном Юрьеве на Роси фрагмент такого горла обнаружен в постройке с керамикой XII–XIII вв. (Орлов и др. 1985: рис. 6: 7). — Прим. А. Песковой.

¹⁷ При изготовлении кувшинов в горных районах Таджикистана производственный процесс распадается на две стадии — тулово будущего кувшина и заготовка горла делаются отдельно. Затем заготовки соединяются и место соединения заглаживается (см.: Пещерева 1947: 44).

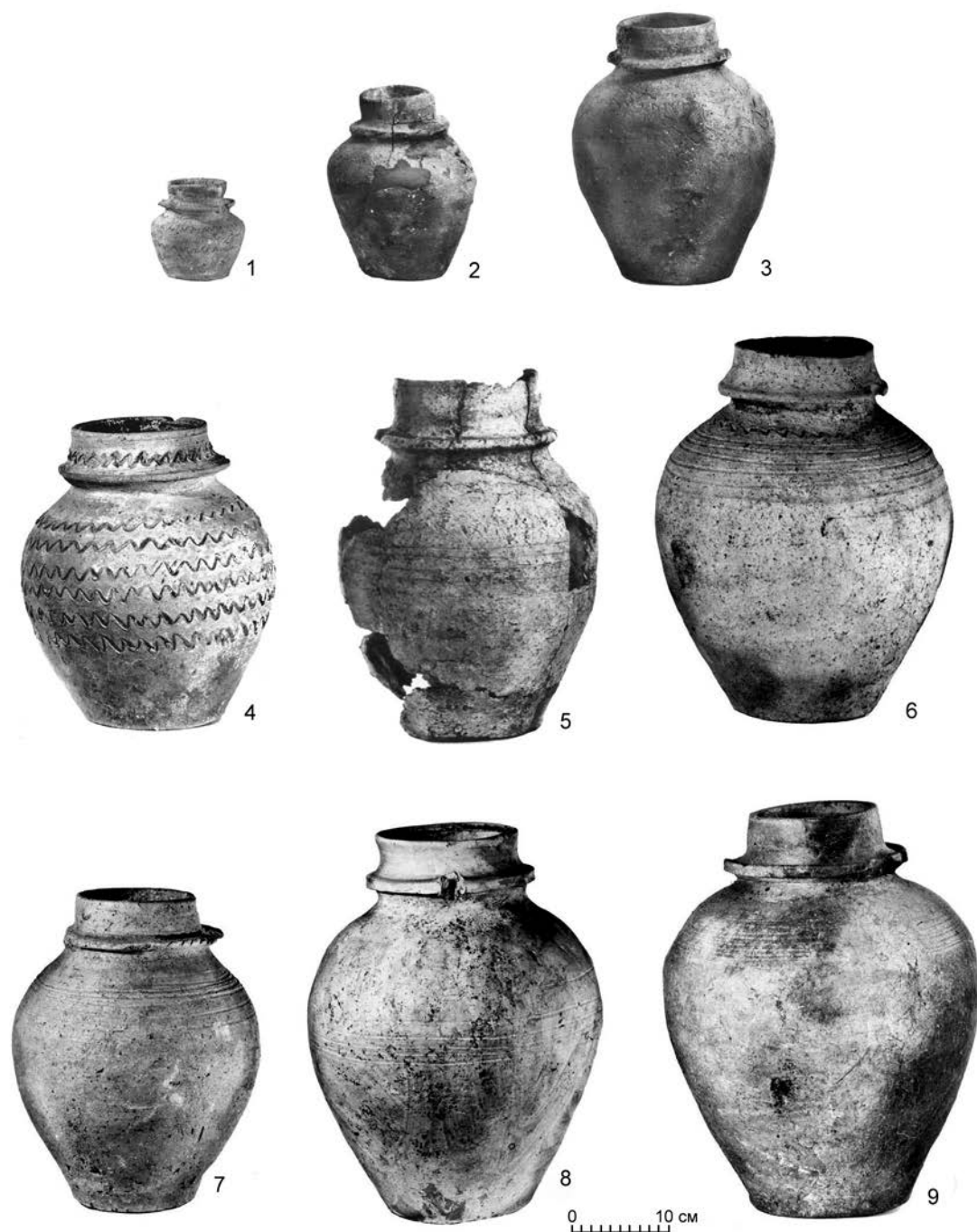


Рис. 20. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом с валиком: 1 — ГП-59/2943; 2 — ГП-57/9596; 3 — ГП-57/9595; 4 — ГП-63/538; 5 — б/н; 6 — ГП-59/2945; 7 — ГП-60/2598; 8 — ГД-58/3571; 9 — ГД-58/3566. Фото из личного архива М. К. Каргера

данного типа (небольшие фрагменты стенок, которые, вероятно, все-таки встречались, не учтены из-за трудности их опознания) и девять целых сосудов (рис. 20; 21).

Следует указать, что такое количество фрагментов и целых сосудов с цилиндрическим горлом и валиком на нем встречено на древнерусском памятнике впервые. Изучению

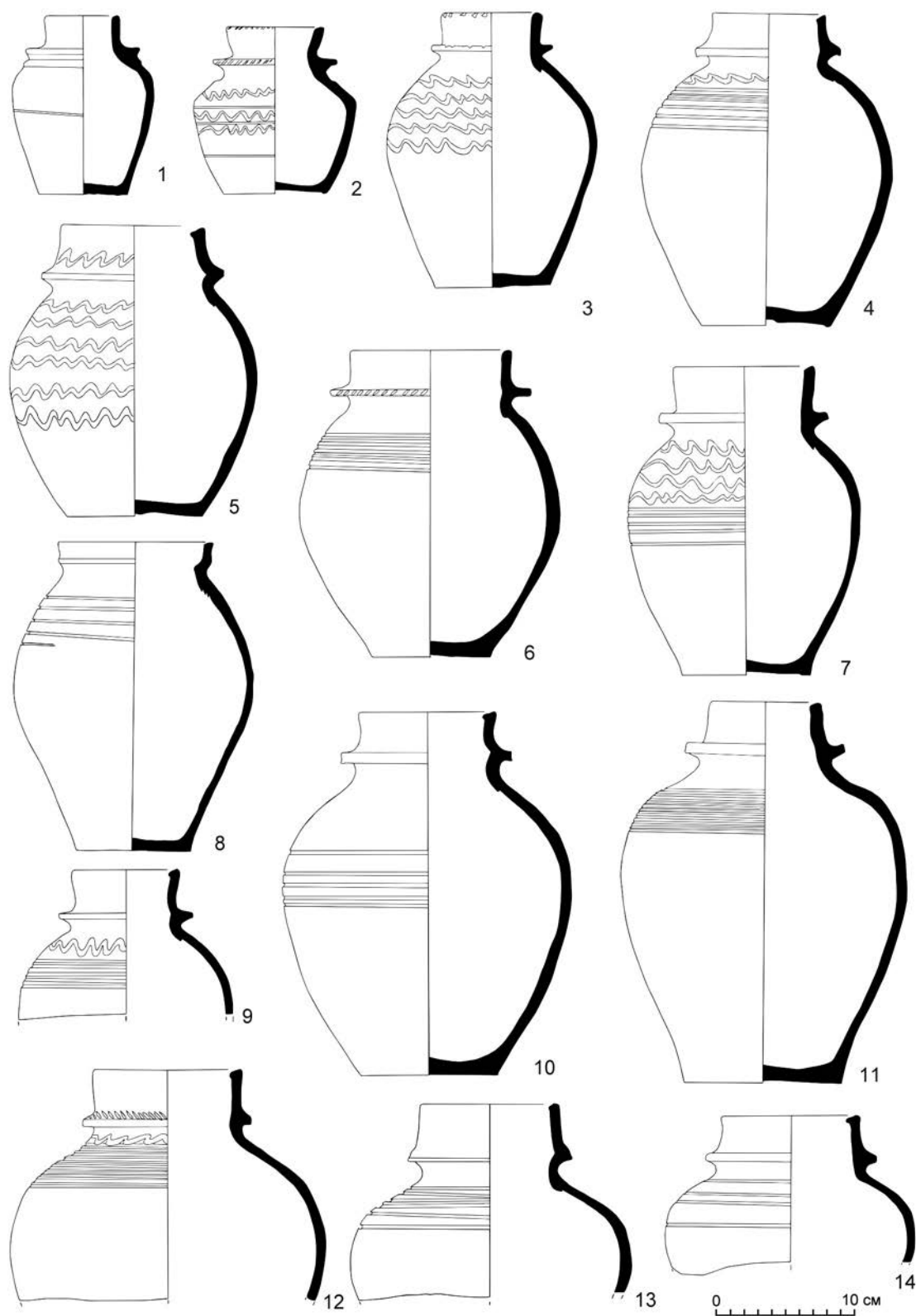


Рис 21. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом с валиком: 1 — ГП-57/9596; 2 — ГП-59/2943; 3 — ГП-57/9595 (?); 4 — ГП-59/2945; 5 — ГП-63/538; 6 — ГП-60/2598; 7 — б/н; 8 — ГД-58/5775; 9 — ГП-61/1952; 10 — ГД-58/3571; 11 — ГД-58/3566; 12 — ГД-58/5121; 13 — ГП-59/5330; 14 — ГД-58/3622

подвергся весь имеющийся материал с целью исследования состава теста, из которого сделаны сосуды, определения отошителей и характера обжига и внешнего оформления сосудов. При типологическом исследовании были использованы все целые сосуды и 472 фрагмента венчиков (не вошли наиболее мелкие, трудноопределимые фрагменты).

Сосуды данного типа встречены во время раскопок детинца и посада. По внешнему виду они отличаются от общей массы «изяславльской» керамики. Это аккуратно сделанные кувшинообразные сосуды с тщательно обработанной поверхностью, в большинстве случаев покрытые светлым ангобом. Качество глины хорошее, отошителем обычно использовали кварц, нередко отошитель тщательно измельчен. Реже в отошитель входит известь как единственная примесь или вместе с кварцем. Обжиг сосудов разнообразен: около 30 % черепков имеют равномерный обжиг, вся толща черепка хорошо прокалена и имеет кирпично-красный или розоватый цвет, реже светло-коричневый. Почти 25 % черепков имеют трехслойную в изломе структуру: красный — темный — красный цвет. Для большинства сосудов характерно отсутствие следов вторичного обжига, происходившего обычно при функционировании посуды — на них нет следов пребывания в печи. Поэтому из массы «изяславльской» глиняной посуды эта группа выделяется своим более нарядным видом. Несмотря на различные размеры сосудов, на них отчетливее видны следы стандартизации, чем на других группах керамики «Изяславля», — узкое высокое горло, перехваченное выступающим валиком, выпуклые шаровидные бока, плавно суживающиеся книзу. Приведем размеры целых сосудов.

№	Высота сосуда, см	Диаметр дна, см	Диаметр венчика, см	Наибольший диаметр тулова, см
1	12,1	7,5	7	11,2
2	14	7	5,6	11
3	20,5	8,6	7,1	15,6
4	23,4	9,1	12,2	20
5	22	10,4	10,6	18,7
6	24,5	10,1	8,9	19,6
7	24,1	10,0	10,9	18,1
8	27,6	10,5	10,5	22,0
9	29,2	12,1	8,3	21,9

При типологическом анализе сосудов данной группы следует указать, что этот тип довольно устойчив и однороден. Состав глины, качество обжига, орнамент, а также форма валика не могут быть взяты при классификации в качестве каких-то существенных критериев для более дробного деления внутри разбираемой группы сосудов. Можно указать лишь на несколько вариантов: сосуды с вертикальным горлом, с горлом слегка наклонным внутрь (слабоконическим) и с горлом, расширяющимся кверху. Особую, правда, небольшую группу составляют сосуды, имеющие вместо валика лишь небольшое утолщение (ложный валик). Наряду с сосудами, у которых отмеченный нами вариант горла выражен хорошо, есть

много таких, которые можно назвать промежуточными. Более определенно можно говорить о типах венчика. Однако они не связываются с тем или иным вариантом горла, а распределяются более или менее равномерно по всей массе сосудов.

Количественное соотношение различных вариантов сосудов данной группы выглядит следующим образом: с вертикальным горлом 179 фрагментов, с наклонным внутрь — 156 фрагментов, с отогнутым наружу — 77 фрагментов. Характерно, что любой из перечисленных вариантов не имеет свойственной только ему формы закраины венчика. Нам кажется вполне возможным выделить следующие четыре типа венчиков:

- 1) венчик заканчивается овальным закруглением;
- 2) край венчика ровный — горизонтальный, скошенный внутрь или наружу, редко на поверхности края венчика имеется неглубокая бороздка;
- 3) закраина венчика имеет выступ (варианты — выступ внутрь сосуда или наружу, при этом выступ может быть горизонтальным, скошенным внутрь или наружу);
- 4) закраина венчика имеет два выступа (варианты — выступ горизонтальный или скошенный).

Наибольшее количество принадлежит венчикам с прямым срезом (тип 2); венчики 1-го и 3-го типов распределяются равномерно. Не типичен венчик 4-го типа.

Функциональное назначение кувшинов состоит, скорее всего, в хранении и транспортировке на незначительные расстояния жидких продуктов питания. На это указывает приспособление на горле — бортик или валик, под который наматывалась веревка (или ремень) и пропускалась через имеющиеся в валике два симметричных паза. В результате получалась петля, за которую можно было держать сосуд или подвешивать его. За петлю можно было опускать в воду сосуд со скоропортящимися продуктами или просто для охлаждения. Однако следует отметить, что ни на одном сосуде не заметно следов стертости от бечевки или следов самой бечевки.

Валик присоединялся к сосуду уже после того, как он был готов. На некоторых фрагментах части валика отвалились и отчетливо видно место соединения. Большинство сосудов покрыто ангобом и орнаментировано. Ангоб наносился на сосуд после орнамента, поэтому нередко сохранился только в орнаментальных углублениях.

Орнамент зафиксирован на 219 фрагментах. Безусловно, это число отражает лишь какую-то часть орнаментированной посуды данного типа — различное расположение орнаментированных участков на сосудах не позволяет говорить об отсутствии украшений на сосудах, от которых сохранились лишь мелкие фрагменты. По характеру орнаментирования все сосуды можно разбить на две большие группы: сосуды, у которых валик не украшен орнаментом, и сосуды, у которых орнаментом, кроме тулова и горла, украшен и валик.

1. К первой группе относятся сосуды с украшенными шейкой, туловом или горлом. Орнамент состоит из следующих элементов:

- а) параллельные прямые линии, от 1 до 4 линий (39 раз),
- б) волнистые линии, от 1 до 6 линий (16 раз),
- в) сочетание первых двух элементов (12 раз).

2. Ко второй группе относятся сосуды, у которых наряду с туловом и горлом украшен валик, и не только торец валика, но и плоскость его. Вторая группа отличается от первой тем, что для украшения валика введен новый элемент орнамента — овальные вдавления, которыми обычно покрывается исключительно валик (за несколькими исключениями).

Основные элементы орнамента второй группы:

- а) овальные вдавления (113),

- б) параллельные линии и вдавления (9),
- в) волнистые линии и вдавления (24),
- г) сочетание всех трех элементов (6).

Валики, как правило, украшены вдавлениями, расположенными вертикально или наклонно, горизонтальных вдавлений мало. Горло кувшина обычно украшалось любым из трех элементов (вдавлениями очень редко) или оставалось неорнаментированным. Прослеживается преобладание вдавлений, но это только за счет значительного количества находок орнаментированных валиков. В одном случае соответственно расположенными вдавлениями сделана имитация «волны».

Декор на сосудах рассматриваемой группы располагается обычно на плечиках сосуда неширокой орнаментальной полосой. Встречаются, хотя и нечасто, сосуды, у которых орнаментом покрыта значительная часть тулова. Вообще рассматриваемые сосуды отличаются от остальной «изяславской» керамики богатством декора, что в сочетании с не закопченной красной поверхностью придает им нарядный вид.

Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем встречаются на древнерусских памятниках предмонгольской поры, но на довольно локализованной территории. Кроме городища древнего «Изяславля», насколько можно судить по публикациям, подобные сосуды в небольшом количестве встречены в следующих пунктах: городище древнего Плеснеска (Кучера 1962: рис. 20: 4), Райковецкое городище (Гончаров 1950: табл. XXV, 4), Колодяжин (Юра 1962: рис. 38: 1), древний Галич (Пастернак 1944: рис. 81: 3)¹⁸. То есть территория распространения кувшинообразных сосудов с вертикальным горлом и валиком на нем лежит западнее Киева, причем западная граница распространения этих сосудов проходит по границе восточных и западных славян.

Таким образом, группа рассмотренных сосудов, составляющая часть, по всей вероятности, тарной посуды в «изяславской» керамике, отчетливо выделяется как устойчивая серия, характеризующая местное гончарное производство и занимающая в бытовом укладе горожан свое определенное место. Отсутствие этой группы керамики в районах, прилегающих к Киеву, и распространение в юго-западных древнерусских землях позволяет рассматривать ее присутствие в «изяславском» комплексе гончарных изделий как галицко-волинское влияние.

Сосуды с цилиндрическим горлом и ушками. В керамическом материале древнего «Изяславля» можно выделить еще одну группу небольших сосудов — это кувшины с цилиндрическим горлом и парой ушек. Группа эта невелика — представлена семью целыми сосудами, восемью крупными фрагментами и 37 ушками, то есть можно говорить о 50–55 кувшинах. Глиняное тесто серое или красноватое (приблизительно поровну), в качестве отощителя использован кварц, примесь слюды встречается редко. Большинство экземпляров покрыто ангобом, как правило, белым (рис. 22; 23).

¹⁸ Количество сосудов с вертикальным горлом и валиком, найденных в «Изяславле», в настоящее время наиболее сопоставимо с аналогичными находками на территории летописной Болоховской земли: в Губине они составляют весьма заметную часть в керамическом комплексе XII–XIII вв. (Винокур и др. 2004: рис. 55, I: 3; 55, II: 1; 58, II: 4; 66, I: 3; 67, II: 16; 71: 3; 72: 1, 3; 75, I: 2; 2006: рис. 9: 22, 10: 24), известны также на городищах на р. Згар и у с. Тележинцы в верховьях Южного Буга (Якубовский 1983: рис. 46: 1, 10, 12; 1995: 235). В Погорынье можно отметить сосуды рассматриваемого типа на полу жилища XI — начала XII в. в Остроге (Прищепа, Позіховський 2011: 137, рис. 10: 19) (валик слабо выраженный) и в заполнении построек XII–XIII вв. волинского Дорогобужа (Прищепа 2011: 67, 101, 142, 143, рис. 62: 11; 112: 20; 151: 6). Несколько обломков сосудов с валиком было обнаружено и при раскопках летописного Кременца (Прищепа 2014: 306). — Прим. А. Песковой.

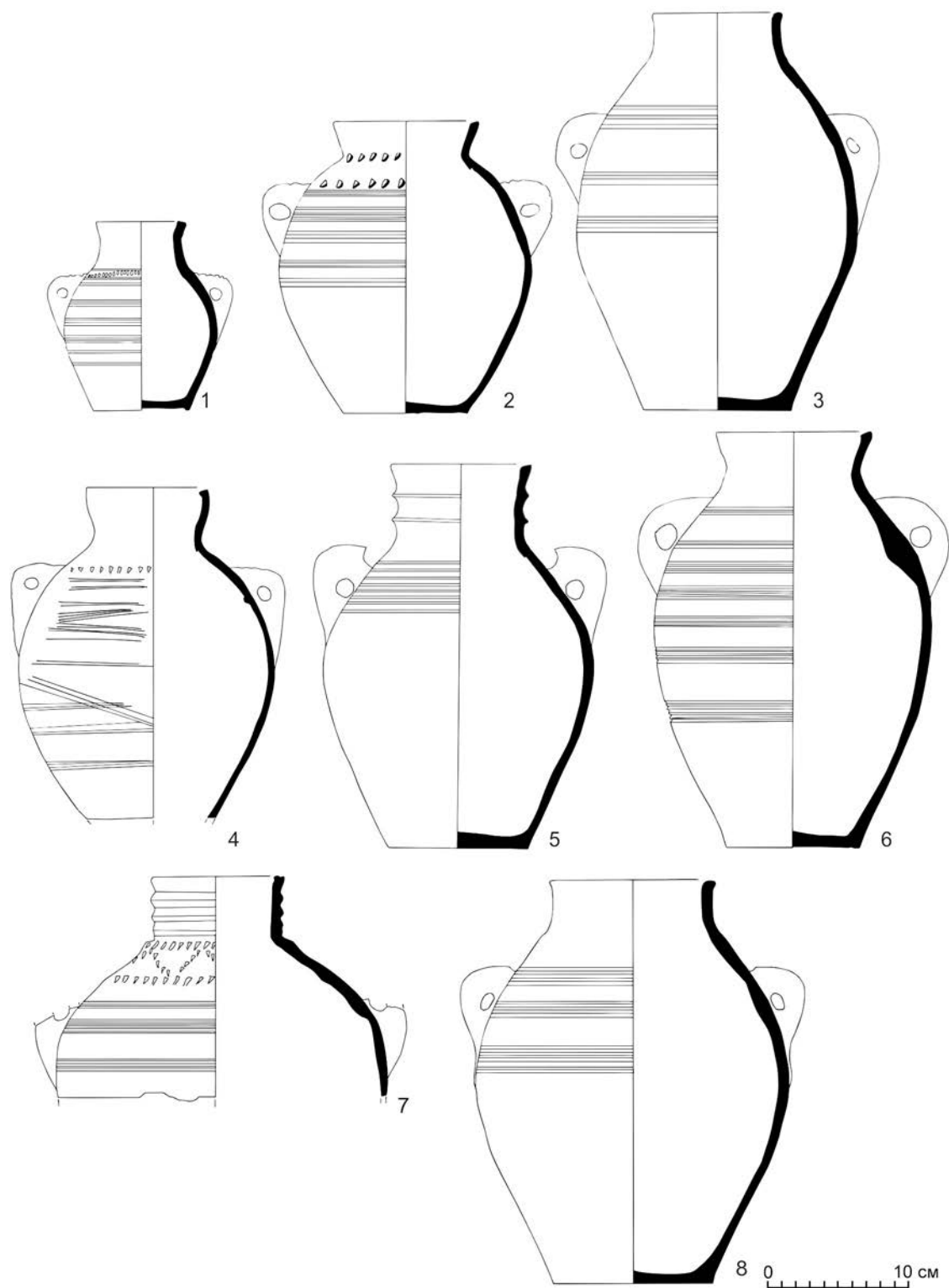


Рис. 22. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками: 1 — ГД-58/5879; 2 — ГД-58/3564; 3 — ГП-61/1958; 4 — 6/н; 5 — ГП-62/997; 6 — 6/н; 7 — ГД-57/2616; 8 — ГП-61/1959



Рис. 23. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и ушками: 1 — ГД-58/5879; 2 — ГД-58/3564; 3 — ГД-57/2616 (или 2618); 4 — ГП-61/1959; 5 — 6/н; 6 — ГП-62/997; 7 — ГП 59/2946. Фото из личного архива М. К. Каргера

Тип сосудов довольно устойчив, хотя по форме тулова среди рассматриваемых сосудов можно выделить два варианта:

1. К первому варианту (рис. 22: 3, 6, 8; 23: 5) относятся сосуды со слегка вытянутым туловом. Переход от тулова к горлу плавный, что делает сосуды стройными, удлиненными. Ушки располагаются в верхней части тулова или ближе к середине. Горло прямое или слегка отогнутое. Закраина венчика овальная или горизонтально срезанная, иногда имеет слабо выраженный бортик, нависающий наружу. К первому варианту относятся лишь три целых сосуда.

№	Диаметр дна, см	Наибольший диаметр тулова, см	Диаметр горла, см	Высота сосуда, см
1	9,4	19,5	11	29,3
2	11,5	22,8	12	29,7
3	10,5	20	9,5	28,5

Кроме того, к первому варианту можно отнести один фрагмент верхней части такого же сосуда.

2. Ко второму варианту (рис. 22: 1, 2, 4; 23: 1, 2, 6) относятся сосуды очень близкие к описанным выше, но отличающиеся более резким переходом от тулова к горлу, что придает сосудам в целом некоторую шарообразность. При этом необходимо учитывать, что и высота сосудов второго варианта несколько меньше. Приводим измерения трех целых сосудов и двух графически реконструированных:

№	Диаметр дна, см	Наибольший диаметр тулова, см	Диаметр горла, см	Высота сосуда, см
1	7	11,5	6,8	14
2	8,5	19,5	9,5	26
3	9	18,5	10,5	21,3
4	10,5	20	10,5	28,5
5	10,5	22,7	9,2	28

Можно отметить два сосуда, отличающихся от остальных наличием на горле нескольких валиков, что придает горлу своеобразную «реберчатость» или «гофрированность».

Все сосуды рассматриваемых групп украшены параллельными линиями, нанесенными острием или гребенкой (архаический орнамент, отмеченный нами и на группе горшков), или сочетаниями линий и вдавлений. В большинстве случаев орнамент располагается в верхней части сосуда, занимая подчас большую часть тулова.

Особенно богато украшен один из сосудов с реберчатым горлом — под самым горлом проходят две линии, нанесенные треугольным штампом, между ними — имитация волнистой линии, также из треугольных вдавлений. Ниже, вероятно, большую часть сосуда покрывали полосы из прямых параллельных линий, выполненные многозубчатым штампом.

В археологической литературе сосуды, очень близкие по облику «изяславльским», получили название «амфорок» так называемого «киевского типа». Однако среди них есть как сосуды, близкие нашим находкам, так и сосуды несколько иного облика. «Классическим»

типом «киевской амфорки» являются сосуды с массивным, книзу расширяющимся туловом, с ушками, посаженными у самого перехода горла к тулову (Самойловский 1952: рис. 1). «Амфорки киевского типа» в широком понимании этого типа известны во многих древнерусских городах предмонгольской поры: в Киеве (Каргер 1958: табл. LXXVI; Гончаров 1957: рис. 5: 2), Вышгороде (Довженко 1950: табл. IV, 1–5; 1952: табл. I, 5), Колодязине (Юра 1962: рис. 38: 2–4), Княжей Горе (Rauhut 1960: tabl. IX, 6)¹⁹.

Хотя кувшинообразные сосуды с ушками, выделенные нами в первый вариант, несколько похожи на «киевские амфорки», вряд ли их можно так назвать. Наряду с массивностью, небрежностью в изготовлении «амфорок киевского типа», следует указать на отсутствие орнаментальных узоров на них. На «изяславльских» же кувшинах богатый орнамент нанесен не только на тулово, но зачастую на горло и ушки. Ушки к сосуду прикреплялись уже после изготовления его и нанесения орнамента при помощи небольшой палочки. Об этом свидетельствуют отдельные находки ушек. Все сосуды рассматриваемой группы сделаны на гончарном круге ленточным способом, хорошо прослеживаются швы, соединяющие горло с туловом.

Трудно определенно говорить о хозяйственной функции кувшинов данной группы. Вероятно, по своей функции, как в известной мере и по форме, они близки сосудам с цилиндрическим горлом и валиком, то есть могли быть использованы как тарная посуда. Не исключена возможность использования их и в качестве столовой посуды — для подачи вина на стол. Однако наличие пары ушек указывает скорее на их тарное назначение. В свое время

¹⁹ В Белорусском Поднепровье единичные находки «амфорок киевского типа» фиксируются в Копыси, на городище Черкасово, в Друцке (разные варианты) (Левко 2012: 194, рис. 3). В летописном Юрьеве на Роси, так же как и в Друцке, и в Григоровке, сосуды с ушками представлены как киевским вариантом, так и волинским, датирующимися XII–XIII вв. (Орлов и др. 1985: рис. 6: 3, 4; 7: 4, 5). В Пересопнице фрагменты «амфорок киевского типа» находили в хозяйственных ямах у вала детинца (Терський 2003: 53).

Особого внимания заслуживают находки кувшинообразных сосудов с ушками, происходящие из раскопок В. А. Петрашенко на сельском поселении у с. Григоровка в Среднем Поднепровье, так как они связаны как с объектами рубежа XI–XII вв., так и с объектами, датированными второй половиной XIII–XIV вв. Важно отметить, что надежность датировки объектов на данном памятнике подкрепляется толстым наносным слоем песка, которым домонгольский горизонт отделен от слоев второй половины XIII — XV в. (Петрашенко 2005: 162). Ушки от таких сосудов были обнаружены в заполнении нижней камеры гончарного горна, встречались они и в слое рубежа XI–XII вв., что, по мнению исследовательницы, возможно, связано с проживанием на этой территории гончаров из Полесья и Западной Волыни (Там же: 72–73, 128). В постройке № 14, датированной второй половиной XIII — XIV в., были найдены два сосуда: один, напоминающий «амфорку киевского типа», другой — «кувшин с массивной ручкой и узким горлом со сливом, верхняя часть горшка покрыта густым рифлением» (Там же: 195, рис. 28: 1, 2; приложение 1: рис. 21: 5, 6). В постройке № 17 среди керамики XIII–XIV вв. присутствует фрагмент сосуда с ушками (Там же: 52, рис. 29: 1; приложение 1: 201, 203, рис. 24: 2). В заполнении ямы 43, относимой В. А. Петрашенко ко второй половине XIII в., был обнаружен сосуд светло-желтого цвета большого объема, с ушками, изготовленный «из плотного глиняного теста амфорного типа» (Там же: 52, 165–166, 204, рис. 73: 1). Из той же ямы происходит развал сосуда с невысоким «гофрированным» горлом и венчиком со сливом и следами ручки, вылепленный из глины с примесью крупных кусков шамота (Там же: 165–166, 204, рис. 73: 3). Показательно, что вместе с керамикой XIII–XIV вв. в яме было найдено кресало овальной формы (Там же: 165), известной и по находкам в «Изяславле».

Во Владимире-Волынском сосуды с ушками неоднократно зафиксированы в комплексах сооружений XIV в. (соор. № 8, 23, 24) при раскопках на Апостольщине (Терський 2010: рис. 105: 1, 3; 106: 7; 108: 2, 3). — *Прим. А. Песковой.*

Б. А. Рыбаков выделил один тип сосудов с ушками — «корчажец», который трактовал как меру вина на одного человека, ставившуюся перед каждым сидящим (Рыбаков 1946: 138, рис. 62). Даже если в летописных источниках «корчажец» и выступает в такой функции, связывать его с типом данного сосуда нет оснований.

Наличие целой серии сосудов с цилиндрическим горлом и ушками в «Изяславле» значительно расширяет наше представление о керамическом комплексе этого древнего города. Широкая распространенность сосудов данного облика в Киевской земле и на запад от Киева свидетельствует о том, что наличие сосудов такого типа можно считать обычным явлением в керамическом наборе горожан данной территории²⁰.

Правда, в Киеве выявлена еще одна группа сосудов с ушками — это горшки-рукомойники. От рассматриваемых сосудов они отличаются более приземистой формой и более широким горлом (Каргер 1958: 417, рис. 98).

Сосуды с «гофрированным» горлом и ушками встречаются в землях западных славян, например, на средневековых памятниках Чехословакии, где они, правда, датируются несколько более ранним временем, чем «изяславльские» (Eisner 1960: fig. 2–3).

Небольшие кувшинообразные сосуды («lahen»). Сосуды рассматриваемой группы встречаются при раскопках памятников предмонгольской поры лишь в единичных случаях. Тем не менее можно говорить, что эта группа сосудов занимает определенное место в ассортименте древнерусской бытовой керамики. Сосуды подобного облика называют обычно кувшинами (Загорульский 1963: 64), название «lahen» («бутылкообразные») менее удачное (Vaňá 1956: 105–147).

Всего на «изяславльском» городище найдено 23 целых кувшинообразных сосуда (рис. 24–27) и 32 фрагмента. Целые сосуды хорошо сохранились благодаря массивности стенок, компактности и приземистой форме. Нет никаких оснований связывать этот тип керамики с каким-то микрорайоном «Изяславля», на посаде и на детинце они распределены более или менее равномерно. Следует оговорить, что эта группа кувшинов не представлена одним единым стандартом, можно выделить подтипы или виды, но общая форма, манера изготовления и функциональное назначение позволяют рассматривать их совокупно.

Для всей группы характерна небольшая высота 11,4–17,3 см, диаметр дна 6,6–9,6 см, диаметр горла 4,0–7,5 см. Глиняное тесто серое или красноватое, в качестве отощителя использован кварц. Особенностью формы является узкое горло с широко отогнутым венчиком, диаметр горла почти всегда составляет половину диаметра наиболее широкой части тулова. Нижняя часть, как правило, массивная, тяжелая. Среди сосудов можно выделить две группы:

I группа представлена кувшинами с чашевидными венчиками, закраина венчика овальная, с горизонтальным срезом или имеет более сложный профиль, ранее отмеченный нами при типологии горшков;

²⁰ Сегодня сосуды с ушками известны и к востоку от Киева: на сельском поселении Автуничи на Черниговщине при расчистке древнерусского колодца было обнаружено наряду с целыми сосудами данного типа (3 целых и 4 фрагментированных сосуда) еще свыше 50 ушек (Веремейчик, Готун 1995: 91–92, рис. 11). В то же время в летописном волинском Дорогобуже, материалы которого сегодня опубликованы с максимальной полнотой (Прищеп, Нікольченко 1996; Прищеп 2011), сосуды с ушками, называемые иногда по аналогии с «амфорками киевского типа» «волинскими амфорами», не зафиксированы. При этом в Губине — одном из городов Болоховской земли — сосуды с ушками представлены довольно выразительно — одним целым сосудом и 20 фрагментами ушек (Винокур и др. 2004: рис. 54, II: 2, 3, 7; 57, II: 1; 59, II: 6; 66, II: 5; 67, I: 1, 2; 70, II: 18; 72: 4, 6, 7; 75, I: 1, 3; 76: 4, 6, 7, 9, 12, 13; 133, II (цв.)). Есть они и в материалах других болоховских городищ — летописного Кобуда (Виногородська 2006: 16, рис. 5) и городища у с. Тележинцы (Якубовский 1983: рис. 46: 5, 9, 16, 18, 19). — Прим. А. Песковой.

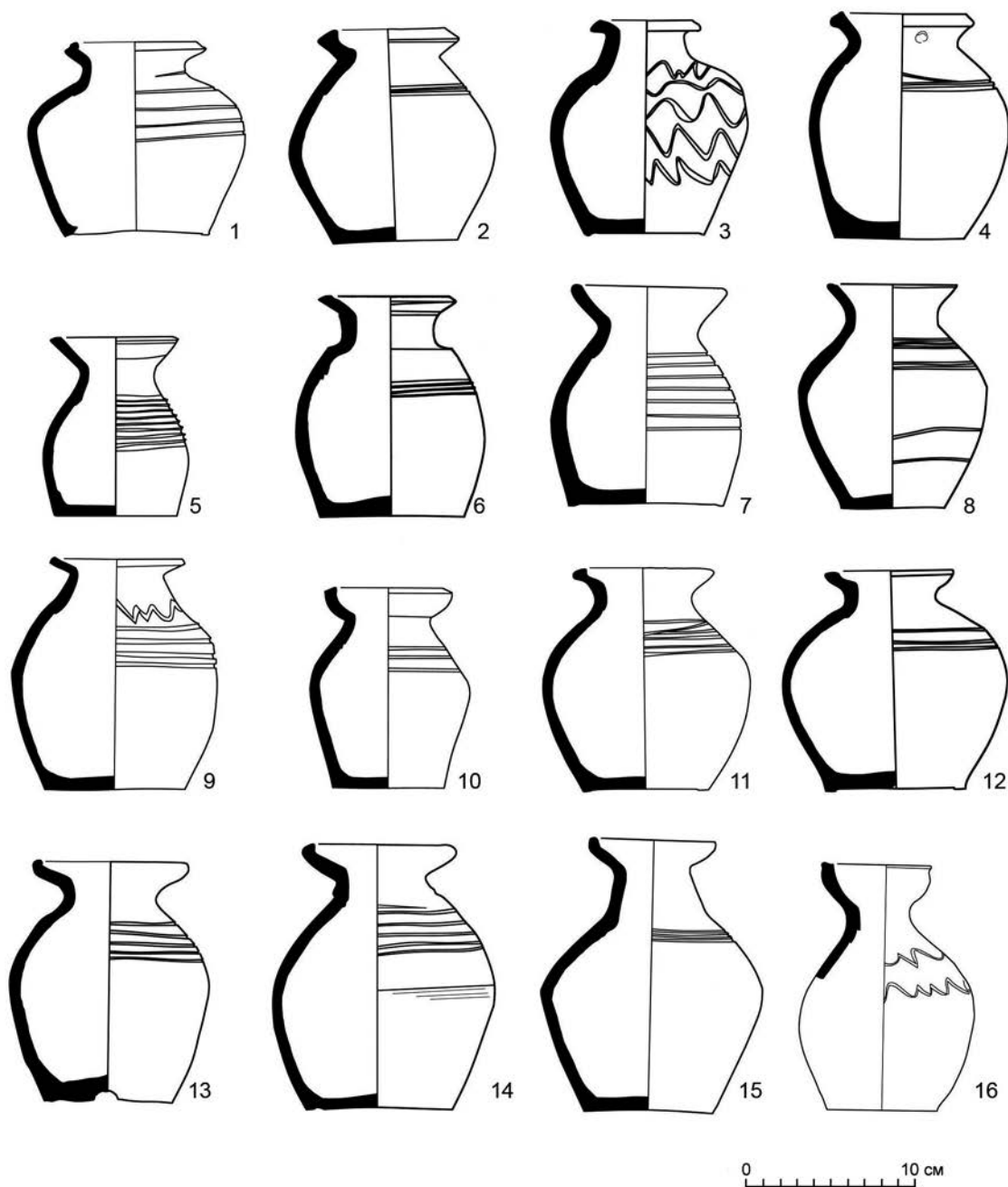


Рис. 24. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–16 — целые сосуды (ГП-62/2942; ГД-58/5874; ГД-58/3575; ГП-60/5868; ГП-59/2955; ГП-62/994; ГП-57/9591; ГП-62/982; 6/н; ГД-57/9604; ГП-62/993; ГП-60/2538; ГП-57/9489; ГД-57/9490; ГД-58/3570; ГД-58/5290)

II группа представлена кувшинами, имеющими более простой венчик — воронкообразный. Оформление закраины такое же, как у венчиков I группы и у некоторых типов горшков.

Среди кувшинчиков I группы любопытен один сосуд — чашеобразный венчик сделан из другого теста, чем тулово. Вероятно, это следы «ремонта» сосуда после того, как прежний венчик разбился. Следы древней «реставрации» отчетливо прослеживаются как с внешней, так и с внутренней сторон.

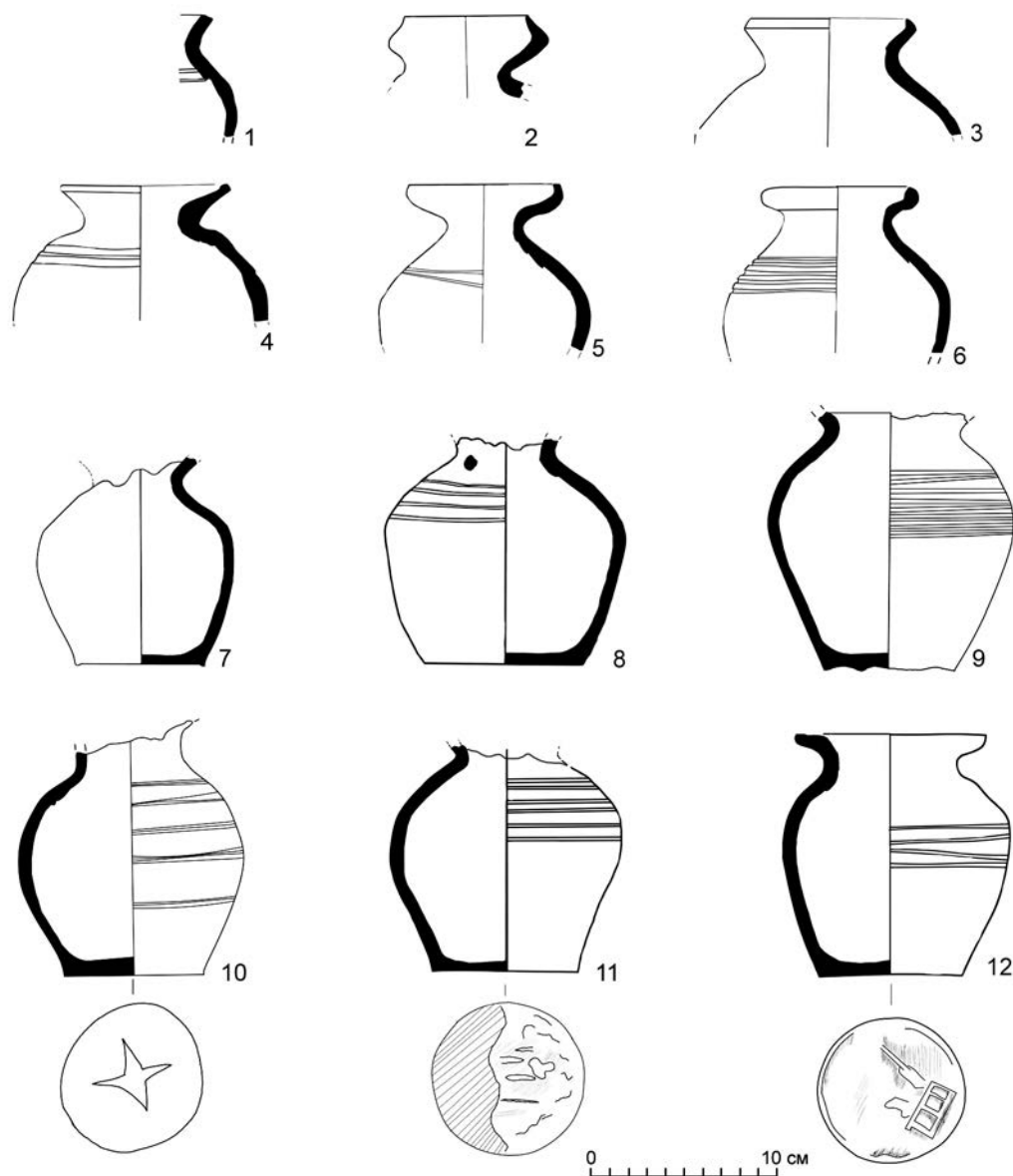


Рис. 25. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–12 — целые сосуды и фрагменты (ГП-62/2320; ГП-60/6581; ГП-59/3051; ГП-62/2300; ГП-60/6581; ГП-59/2999; ГД-58/3574; ГП-60/5869; ГП-59/3000; ГП-63/?; ГП-59/5981; ГП-57/9590)

Почти все сосуды украшены орнаментом. Основные элементы орнамента: параллельная и волнистые линии, их сочетание, вдавления. Украшается почти все тулово сосуда параллельными линиями; волнистые или параллельные линии в виде неширокого пояса располагаются на плечиках или на тулове сосуда. У одного кувшинчика овальными вдавлениями украшена закраина венчика. Большинство орнаментированных сосудов украшено параллельными линиями (26 сосудов из 30)²¹, остальные виды украшения представлены единичными случаями.

²¹ Выше автором было названо 23 целых сосуда этого типа, а приведенные здесь цифры (26 и 30 экз.), очевидно, отражают количество целых сосудов вместе с реконструированными. — Прим. А. Песковой.

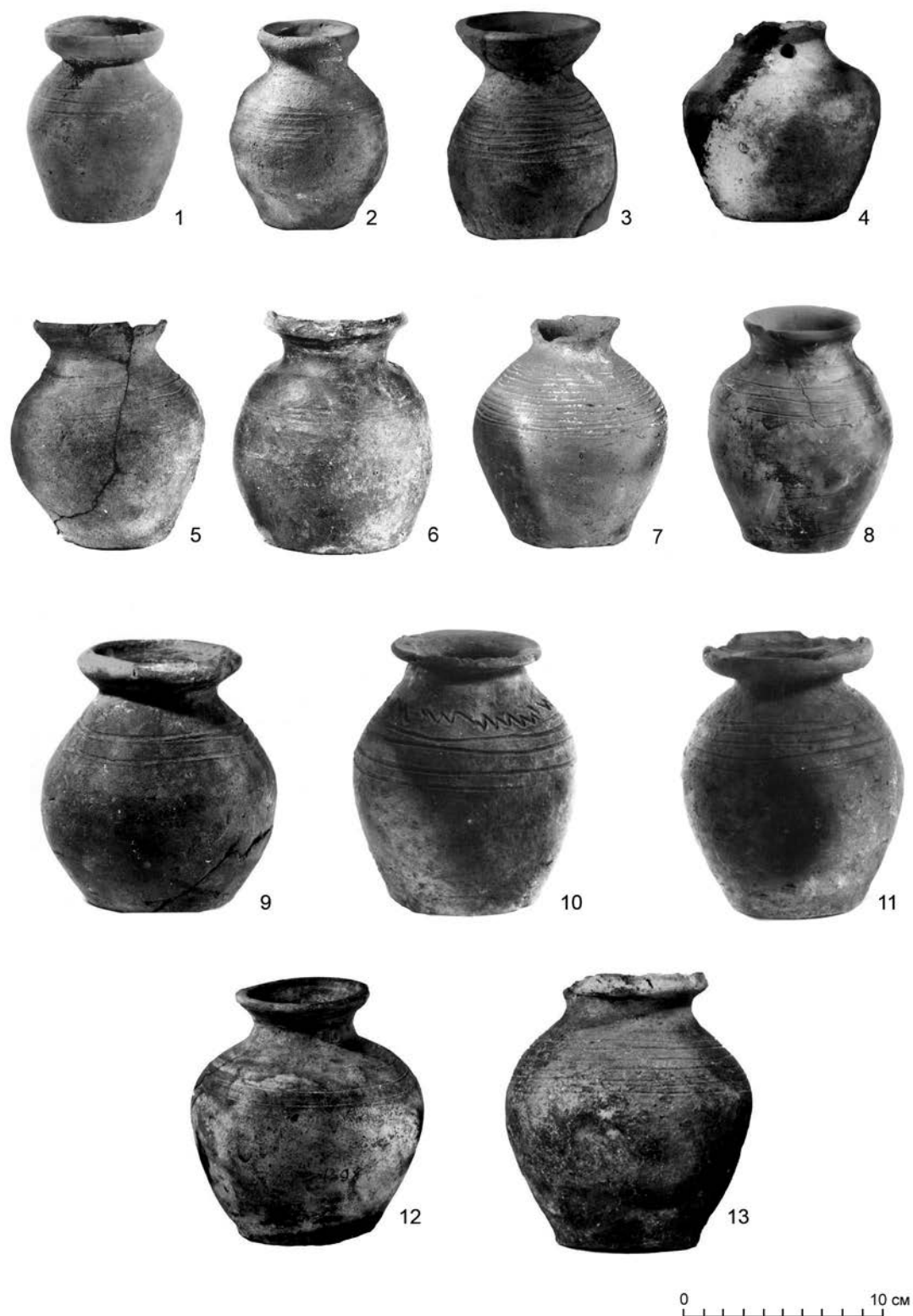


Рис. 26. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–13 (ГД-57/9604; ГП-59/2954; ГП-59/2955; ГД-58/3574; ГП-62/982; ГП-62/994; ГП-64/1638; ГП-57/9642; ГД-58/5874; 6/н; ГП-57/9489; ГП-60/2538; ГД-58/3562). Фото из личного архива М. К. Каргера

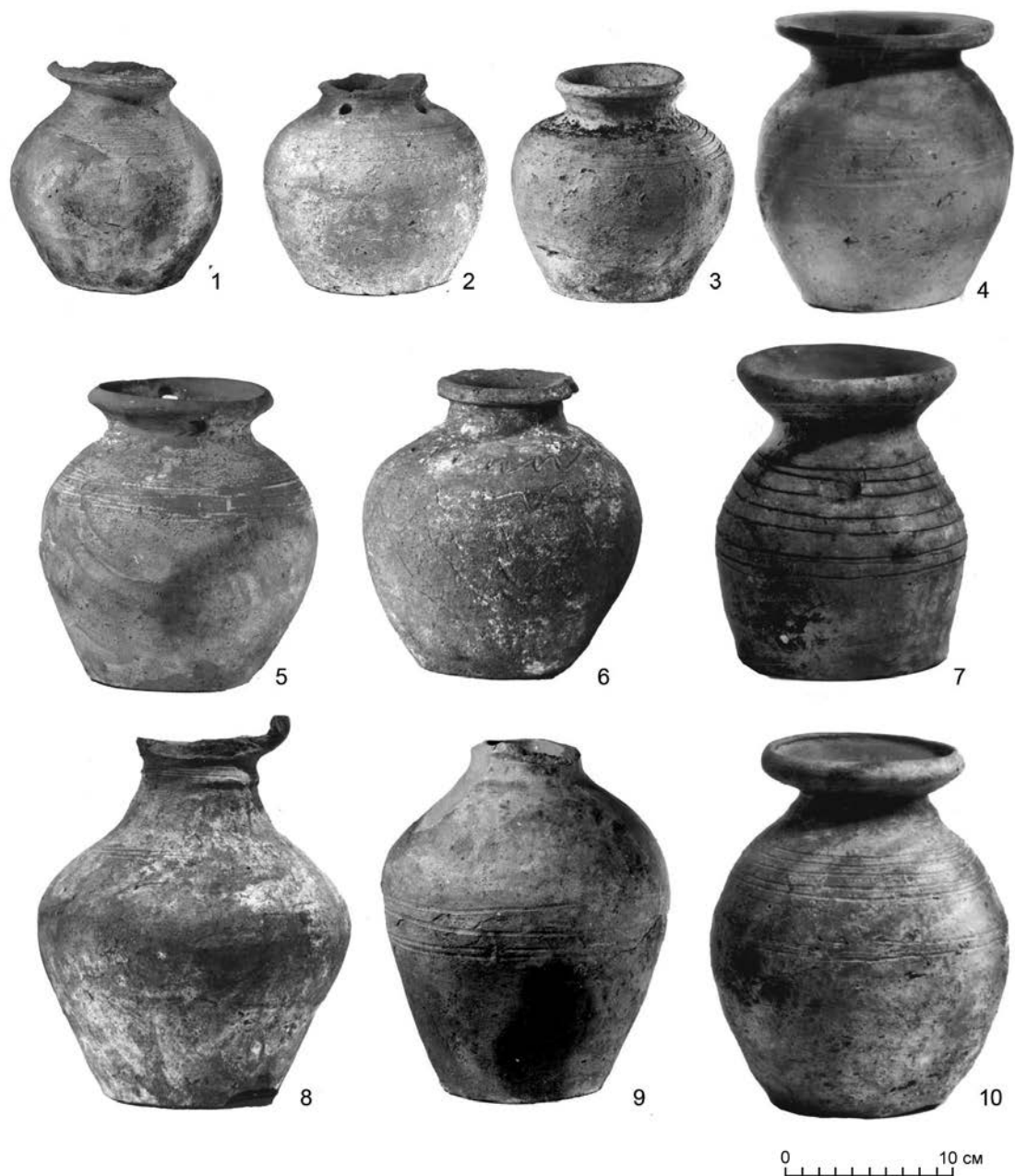


Рис. 27. Кувшинообразные сосуды («lahen»): 1–10 (ГП-62/993; ГП-60/5869; ГП-64/1642; ГП-57/9590; ГП-60/5868; ГП-58/3575; ГП-57/9591; ГД-58/3570; ГП-60/2539; ГД-57/9490). Фото из личного архива М. К. Каргера

Сосуды данной группы изготовлены на круге с подставкой (в этом случае на дне сосуда отчетливо прослеживается бортик, иногда он немного примят), подставка была ровной или немного выпуклой (соответственно дно ровное или немного вогнутое).

Иногда от круга остаются следы в виде мелких выпуклых линий, следы от структуры деревянного круга или подставки. На двух днищах хорошо видны следы от оси, протершей диск гончарного круга, одно днище имеет, наоборот, выпуклость в центре.

Все рассматриваемые сосуды изготовлены несомненно на тех же самых гончарных кругах, что и остальная глиняная посуда «Изяславля». Менялись, вероятно, только подставки. Клеймо на днищах немного, зачастую они плохо сохранились.

1. Клеймо в виде четырехугольника, разбитого на более мелкие секции, причем клеймо расположено не в центре днища, а смещено немного в сторону.

2. Клеймо в виде выпуклого круга.

3. Клеймо в виде четырехугольной звезды.

Нами уже отмечалась небрежность в изготовлении сосудов данной группы — массивность стенок, асимметричность сосудов, грубость швов, соединяющих раструб горла с туловом, небрежность в нанесении орнамента. Вероятно, в известной мере это объясняется той функциональной ролью, которую они исполняли в быту. В связи с этим любопытно отметить на многих кувшинах такие детали, как приспособление для их транспортировки. На одном кувшине имеются две дырочки, расположенные одна против другой в основании горла, на другом — по паре дырочек, расположенных симметрично. Они позволяют реконструировать систему подвески: бечевка или тонкий ремень обматывался вокруг горла и пропусклся через дырки в горле. Это обеспечивало большую устойчивость кувшина при переноске его за петлю; иногда вокруг горла сосуда обвязывалась бечева, концы которой, проходя около раструба горла, помещались в специально сделанных для них углублениях-пазах, что также обеспечивало устойчивость сосуда при переноске.

Сосуды с таким узким горлом и воронкообразным или чашевидным раструбом до сих пор встречались на древнерусских памятниках предмонгольской поры лишь единицами. Вполне возможно, что это объясняется незначительной долей сосудов данного типа в наборе древнерусской керамики. Напомним, что на раскопанном полностью городище найдено 23 целых сосуда и 32 фрагмента. Из аналогий можно указать на единичные находки подобных кувшинчиков, сделанные при раскопках древнего Минска²² (Загорульский 1963: 64), Райковецкого городища (Гончаров 1950: табл. XXV, 5), древнего Колодяжина (Юра 1962: рис. 39: 2, 3)²³.

Весьма характерно, что подобные сосуды найдены пока лишь в немногих пунктах древней Руси, главным образом в западных районах. Сосуды, близкие «изяславским» по форме, декоративному оформлению и, вероятно, назначению, известны в средневековых памятниках западных славян. В Чехии, например, они известны с рубежа X–XI вв. (Turek 1948: 498) и в XII в., хорошо датируются монетами (Richter 1959: 4–22).

Теперь совершенно ясно, что сосуды, встреченные ранее при раскопках древнерусских средневековых городов в единичных экземплярах, составляют в ассортименте древнерусской тарной керамики хотя и не большую, но особую группу. В таких сосудах могли переносить жидкие продукты на незначительные расстояния во время сенокоса, жатвы и других полевых работ.

Нами уже отмечалось, что подобные сосуды к востоку от Киева, так же как и в самом Киеве, не встречены.

²² Минский кувшинчик отличается богатой орнаментацией, состоящей из параллельных и волнистых линий, сплетающихся с полосами из вдавлений.

²³ Два сосуда рассматриваемого типа были обнаружены на детинце летописного Дорогобужа под каменной вымосткой, датированной Б. А. Прищепой XII — первой половиной XIII в. (Прищеп 2011: 26–28, рис. 14, 16: 1, 2), известны такие сосуды и на болоховском городище у с. Тележинцы, один из них со сквозными отверстиями на шейке (Якубовский 1983: рис. 46: 20; 1995: 235). — Прим. А. Песковой.

Большие пифосообразные сосуды для хранения (корчаги)

Значительную группу «изяславской» тарной керамики составляют большие пифосообразные сосуды с довольно узким горлом и высоким конусообразным туловом. Количественно они представлены 238 фрагментами. Предположительно можно говорить о 80–100 сосудах подобного типа. Сосуды сделаны из красной или серой глины. В качестве отощителя использованы кварц, известь, реже смесь кварца и извести. Значительная часть фрагментов покрыта ангобом, обычно светлым. Обжиг стенок сосудов (толщина стенок 1,2–2,0 см) различен — толстые имеют трехслойный в изломе черепок, более тонкие стенки прокалены лучше. По структуре тесто довольно пористое.

Полностью удалось восстановить лишь два сосуда.

1. Большой сосуд высотой 79,5 см, диаметр горла 17,3 см, диаметр дна 18,5 см (рис. 28). Тулово сосуда конусовидное, постепенно расширяющееся кверху (наибольший диаметр тулова 53 см), заканчивается довольно высоким горлом (высота горла около 8 см). Верхний край горла сосуда отогнут незначительно наружу почти под прямым углом. Примерно на середине тулова проходит налепной валик толщиной 1,5 см, шириной 2,0 см. Валик украшен редкими вдавлениями. Орнаментальная зона располагается в верхней части сосуда, начиная от горла, и состоит из пяти параллельных линий (линии выполнены небрежно и в строгом смысле слова не являются параллельными). Сосуд сделан из красновато-желтой глины.

2. Второй сосуд несколько меньших размеров: высота его 63 см, диаметры горла и дна 19 см. Тулово сосуда раздутое, суживается книзу. Наибольший диаметр тулова 50 см. Тулово заканчивается горлом, высота которого 3,5 см. Горло чуть расширяется кверху. Закраина венчика оформлена в виде ровной горизонтальной площадки. Орнаментальная зона располагается в верхней части сосуда сразу же после горла и состоит из одной волнистой линии и шести параллельных прямых. Сосуд сделан из такой же глины, что и первый.



Рис. 28. Пифосообразный сосуд (б/н).
Фото из личного архива М. К. Каргера

Эти два сосуда вместе с определенными фрагментами рассматриваются, несмотря на некоторые отличия, как один тип сосуда.

Общность форм упомянутых сосудов не позволяет рассматривать их в качестве критерия при классификации. В то же время можно выделить два типа венчиков, характерных для всей рассматриваемой группы сосудов (рис. 29):

Тип I. К первому типу относятся венчики, оканчивающиеся ровной площадкой, горизонтальной или слегка закругленной. Различные варианты горла (вертикальное, наклонное внутрь или наружу) дают различные варианты венчика этого типа.

Тип II. Ко второму типу относятся венчики, верхняя часть которых в виде небольшого бортика отогнута наружу или внутрь. Причем верхняя площадка венчика может быть горизонтальной, скошенной внутрь или слегка овальной. Вместе с различными вариантами горла они дают довольно значительное число вариантов венчика этого типа.

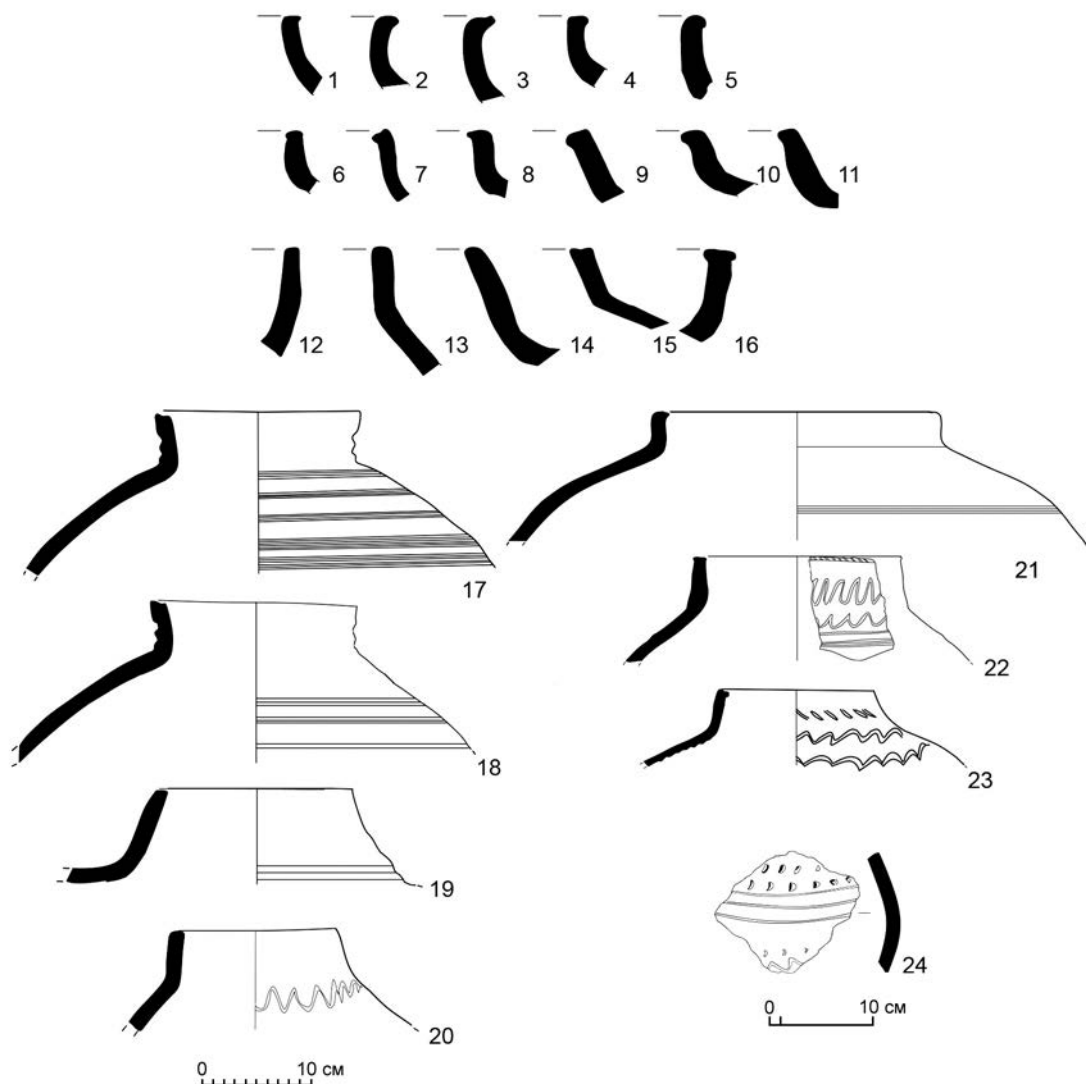


Рис. 29. Фрагменты пифосообразных сосудов: 1–16 — типы венчиков; 17–24 — крупные фрагменты сосудов (17–18 — ГП-62/1886; 19 — ГП-60/9023; 20 — ГД-58/8665; 21 — ГД-58/5376; 22 — ГД-58/11045; 23 — ГП-64/1600; 24 — ГП-62/2843)

К этому же типу можно отнести еще один венчик, у которого небольшой выступающий бортик имеется как с наружной, так и с внутренней стороны.

Почти все рассматриваемые нами сосуды, за редким исключением, орнаментированы. Декор представлен следующими элементами: волнистая линия, параллельные линии, вдавления (овальные, круглые и треугольные). Более сложные орнаментальные узоры состоят из различных сочетаний этих элементов. Насколько можно судить по фрагментам, орнаментом покрывалась верхняя часть сосуда, иногда большая часть тулова. Орнамент из параллельных линий представлен двумя вариантами: линии, нанесенные довольно широкой закругленной палочкой, и линии, нанесенные зубчатым штампом. Если орнамент из первых линий обычно располагается в верхней части тулова, то многозубчатый орнамент покрывает большую часть сосуда, опускаясь до самого конца.

В орнаментации больших сосудов следует отметить одну любопытную деталь. Орнамент из волнистых линий располагается не только по окружности сосуда, но и спускается почти вдоль сосуда, значительно расширяя орнаментальную зону. Этот прием уже отмечался нами при рассмотрении некоторых типов кувшинов, использовался он и при украшении крышек. Насколько можно судить по фрагментам, некоторые из рассматриваемых сосудов были декорированы довольно богато: орнамент начинался на горле и занимал верхнюю половину тулова. Особо следует отметить фрагмент одного сосуда: волнистыми линиями было украшено горло, сочетания волнистых и прямых линий с овальными вдавлениями украшали его тулово.

Такие сосуды были предназначены, как установлено раскопками, для зерновых запасов. В одном целом сосуде из «Изяславля» было найдено зерно. Большие сосуды с зерном, правда, немного иного типа, были обнаружены в ряде жилищ древнего Киева, в частности, в «землянке художника» и в землянке с хрустальными бусами; они по горло были врыты в земляной пол жилищ (Каргер 1958: табл. LXXIV, LXXV, рис. 100). Почти такая же корчага была обнаружена под древним полом Софийского собора и в других районах Киева (Там же: рис. 101). В. К. Гончаров определяет большие керамические сосуды как корчаги для хранения зерна (Гончаров 1950: 119). Б. А. Рыбаков, перечисляя типы сосудов, характерные для домонгольской Руси, упоминает большие сосуды «типа макотры», однако не конкретизирует их назначение (Рыбаков 1948: 173).

Сосуды описываемого типа известны по раскопкам Колодяжина (Юра 1962: рис. 37: 1) и Райковецкого городища (Гончаров 1950: 119, табл. XXV, 1; 1952: 138, табл. 1: 12). Можно предполагать аналогичные находки и на других памятниках близлежащих территорий²⁴. В «Изяславле» трудно говорить определенно о количественном соотношении сосудов с валиком и без него, однако создается такое впечатление, что корчаг без валиков было больше. Рассматриваемые сосуды не могли быть изготовлены без соединительных швов. Вполне возможно, что они были сделаны из трех больших глиняных полос. Тогда понятно и функциональное назначение валика на некоторых из них — он прикрывает очень важный шов, служит своеобразным глиняным обручем, украшающим тулово корчаги. Подобные явления хорошо известны на примере изучения средневековых пифосов Северного Причерноморья (Якобсон 1966: 189, 193, 195–196).

Амфорная керамика

Амфоры являются постоянной находкой в средневековых слоях городов домонгольской Руси. Никто не оспаривает сейчас неместный характер этого типа керамики²⁵, резко

²⁴ В летописных городах региона фрагменты пифосообразных сосудов фиксируются постоянно, хотя и в небольшом количестве. При раскопках на Замковой горе в Кременце, упоминаемом летописью сразу вслед за Каменцем и Изяславем среди городов, оказавшихся на пути движения войск Батыя, были обнаружены фрагменты больших сосудов с вертикальным венчиком (Прищепа 2014: 306, рис. 4: 24). Несколько крупных обломков сосудов, в том числе одного, богато украшенного по тулову линейно-волнистым орнаментом, найдено в слоях XII — первой половины XIII в. летописного Дорогобужа (Прищепа, Нікольченко 1996: 217, рис. 83: 3; Прищепа 2011: 144). С. В. Терский упоминает о корчагах в керамическом комплексе XII — первой половины XIII в. летописной Пересопниці (Терський 2003: 53). — *Прим. А. Песковой.*

²⁵ В свое время Б. А. Рыбаков, определяя надпись на киевской амфоре как надпись, сделанную по сырой необожженной глине мастером-гончаром, предположил тем самым местное, киевское происхождение сосуда и датировал его XI в. (Рыбаков 1946: 134–135). М. К. Каргер, тщательно исследовавший фрагмент амфоры с надписью, убедительно показал, что надпись процарапана по уже

отличающейся от керамической продукции древнерусского города по форме и составу теста, а также по своим технологическим показателям. Наличие амфорной керамики, ее количество и ассортимент отражают определенную степень внешнеторговых городских связей, а в известной мере и социальный облик поселений.

Теперь уже установлено, что амфоры, также получившие у населения древнерусского города название «корчаги», служили для хранения и транспортировки жидкостей — вина²⁶, деревянного масла²⁷, а также горчицы²⁸ и нефтепродуктов (Авдусин 1951: 77–78, рис. 36; Корзухина 1961: 226–230) и являлись широко распространенным в древней Руси видом тарной посуды.

О значительном распространении амфорной тарной керамики свидетельствуют хотя бы такие записи. Ключница князя Всеволода Ярославича послала монахам вина: «...три возы полны суще корчаг с вином» (Житие 1971: 111, л. 51 в). При дележе имущества и двора Святослава в Путивле в погребках обнаружилось «...500 берковец меду, а вина 80 корчаг» (ПСРЛ II 1908: 6654 (1146 г.), стб. 334). В письменных источниках амфоры обычно связываются с крупным княжеско-боярским²⁹ или монастырским хозяйством. Однако нельзя, вероятно, отрицать наличие запасов вина и масла и у имущей купеческой верхушки древнерусского города. Вместе с тем необходимо учитывать, что корчагами в древней Руси назывались не только амфоры, а более широкий круг керамической тары значительной вместимости.

Всего на городище найдено 750 фрагментов амфорной керамики, одна целая амфора и значительная часть еще одной амфоры. Среди амфорного материала можно выделить пять типов сосудов (рис. 30: 4; 31; цв. вклейка, фото 2; 4: 4).

I тип³⁰. Представлен лишь пятью фрагментами, среди них горло с двумя ручками (очень важная при определении типа сосуда верхняя часть), несколько фрагментов ручек и стенок. Глина светло-красного оттенка, качество глины и обжиг хорошие, тесто однородное без заметных примесей. Основные особенности сосудов данного типа — отчетливо выраженное горло, поднимающееся над местом присоединения верхнего конца ручек и имеющее

обоженному сосуду, и не мастером, а владельцем амфоры, и относится к XII–XIII вв. (Каргер 1958: 422–423).

В 1980-е гг. мнение Б. А. Рыбакова поддержали С. А. Высоцкий (Высоцкий 1985: 104–105) и П. П. Толочко (Толочко 1981: 287). Однако этот вопрос и по сей день остается открытым и, по мнению В. Ю. Коваля, требует проведения «трассологической экспертизы с привлечением широкого круга специалистов» (Коваль 2003: 340). — Прим. А. Песковой.

²⁶ «...а вино свое храни, купив корчагу» (Вопрошание Кириково 2012: 298, вопрос 3, л. 274 б).

²⁷ «И се некто от богатыхъ принесе къръчагу велику зело пълну масла древянааго» (Житие 1971: 114, л. 53 в).

²⁸ Прочтение надписи на гнездовской амфоре как «гороухща» было пересмотрено в работах А. А. Мединцевой, которая склоняется к предположению, что на ней «записано имя владельца — Горуна, Горуниши» (Мединцева 2000: 31). — Прим. А. Песковой.

²⁹ Амфоры встречены в доме боярина в древнерусском Новогрудке (Гуревич 1964: 100).

³⁰ Амфоры типа I (по Овсянникову) сопоставимы с новогрудскими амфорами типа III (по Малевской), найденными в двух постройках XII и первой половины XIII в. (Малевская 1969: 187–188, рис. 1: III); оба автора приводят общую аналогию — амфору-голосник из Пятницкой церкви в Чернигове. В группировке амфор В. Ю. Коваля это тип VII, встреченный «пока только в Новогрудке» (Коваль 1999: 248, рис. 2: 8; 2003: 350). К этому же типу отнесена амфора, происходящая из раскопок на детинце летописного Звенигорода-на-Белке (Гупало 2014: 125, фото 13). — Прим. А. Песковой.

небольшой венчик в виде уплощенного валика. Ручки небольшие, уплощенные в виде скобочек, в сечении имеют незначительный рельеф. На одной из ручек на верхней плоскости имеется граффити. Тулово сосуда, судя по фрагментам стенок, было покрыто каннелюрами (рис. 30: 4).

Аналогий амфорам первого типа известно пока еще немного. Можно указать на амфору-голосник из Пятницкой церкви рубежа XII–XIII вв. в Чернигове (Рыбаков 1949: 77, рис. 42) и на находку в яме конца XI — первой половины XII в. в Старой Рязани (Монгайт 1955: 187–188, рис. 145). Некоторые черты сходства есть и с амфорами, изображенными на известной миниатюре Радзивилловской летописи («Белгородский кисель»). Б. А. Рыбаков определял этот тип как корчагу-амфору «киевского типа XI–XIII вв.» (Рыбаков 1946: рис. 62 (б, в))³¹. Определение, вероятно, не совсем удачное. Хотя все приведенные примеры амфор довольно близки, они не являются полными аналогиями³².

В «Изяславле» этот тип амфор оказался представленным лишь единичными находками. По пяти фрагментам трудно судить о количестве сосудов данного типа на изучаемом поселении, предположительно можно говорить о 2–3 амфорах.

II тип³³. Второй тип амфор представлен часто встречающимися при раскопках древнерусских городов грушевидными слегка удлиненными сосудами с массивными ручками, высоко поднятыми над горлом. Ручки в сечении овальные или почти круглые. На горле имеется слабовыраженный венчик, отогнутый слегка наружу. Стенки амфор толстые, массивные, покрытые глубокими каннелюрами, причем глубокие линии иногда слегка как бы смазаны, и это сделано еще до обжига сосудов, сразу же после изготовления. Поверхность амфор часто покрыта светлым ангобом. Тесто сосудов красное, иногда малиновое по цвету, отчетливо выделяется наличием в тесте примеси костры, которая, выгорая, придавала поверхности пористость, как бы «конопатость». Иногда вместе с кострой в тесте встречается беловатая минеральная примесь — известь. Обжиг амфор второго типа хороший, равномерный. Всего в «Изяславле» найдено 135 фрагментов амфор данного типа — фрагменты ручек, горла, стенок. На одном фрагменте ручки имеется граффити (рис. 30: 3).

Внешний облик описываемых амфор хорошо известен по находкам в средневековых городах Северного Причерноморья, где они датируются XI–XII вв. (Якобсон 1951: рис. 10: 33–36), к этому же времени относятся находки из Созополя и Плиски в Болгарии (Чангова 1959: 255–256, обр. 10–11). Зафиксированы случаи использования таких амфор в кладке архитектурных памятников. Например, в кладке Золотых ворот в Киеве, в храме конца XI в., раскопанном в усадьбе Киевского художественного института (в последнем случае дата сосуда подтверждается арабской надписью XI в. на нем) (Каргер 1958: 425–427, рис. 105–106).

³¹ Следует отметить, что прорисовка миниатюры, опубликованная Б. А. Рыбаковым, неточна, да и сам оригинал не вполне точно дает представление о типе амфоры.

³² Вообще амфоры с горлом, возвышающимся над небольшими скобообразными ручками, характерны для предшествующего, более раннего времени, чем XII–XIII вв. Достаточно вспомнить амфору X в. из Гнёздова (Авдусин 1951: рис. 36а), некоторые амфоры IX–X вв. из средневековых городов Северного Причерноморья (Якобсон 1951: рис. 6), амфоры IX–X вв. из Созополя в Болгарии (Чангова 1959: рис. 6). В днепровском Надпорожье можно указать и более ранние аналогии — так называемые «реберчатые» амфоры VI–VIII вв. (Бодянский 1960: рис. 2: 3).

³³ Амфоры типа II (по Овсянникову) сопоставимы с новгородскими амфорами типа I (по Малевской), «найденными в постройках и культурном слое только XII в.» (Малевская 1969: 185, рис. 1: I). У Ковалёва это амфоры типа II/2, поступавшие на Русь из порта Трилии (из окрестностей Никеи) в XII в. (Коваль 1999: 247, рис. 2: 4). — Прим. А. Песковой.

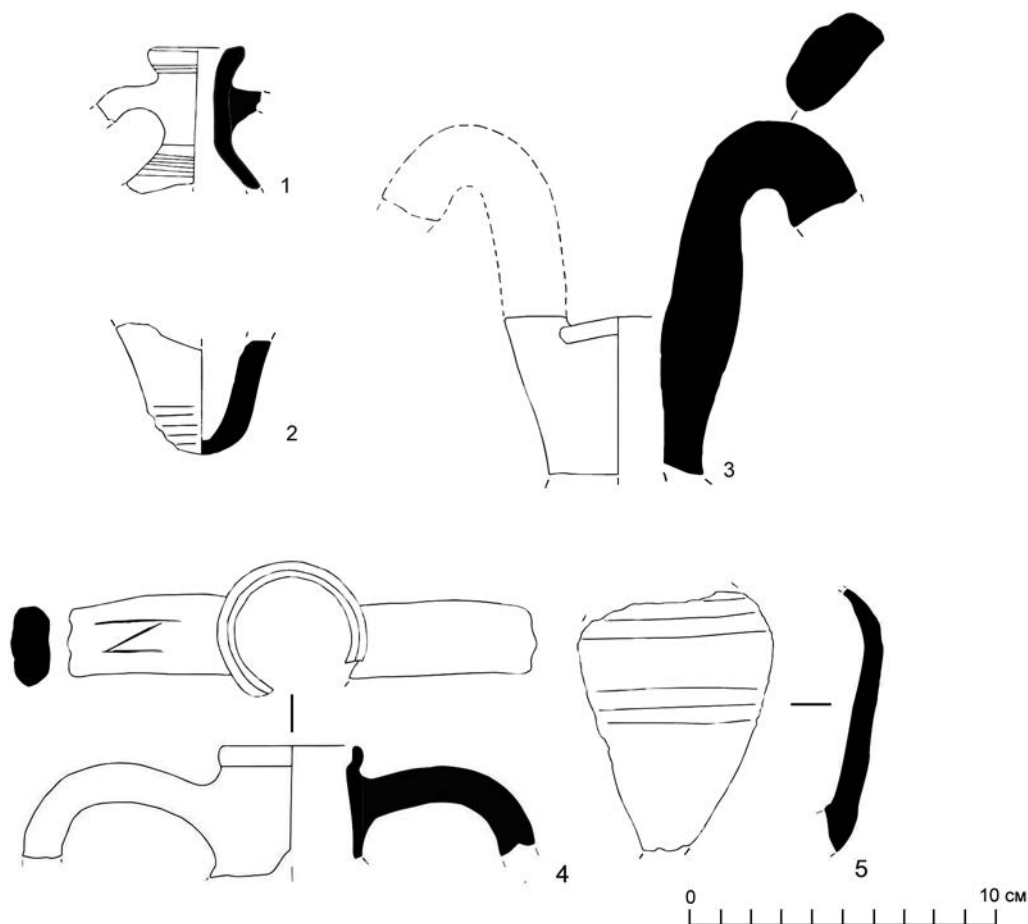


Рис. 30. Фрагменты амфор: 1, 2, 5 — маломерные типов IV и V (ГД-57/7466; ГП-63/11249; ГП-61/4832); 3 — тип II (ГП-60/8068); 4 — тип I (ГП-61/3943)

В качестве голосника амфора второго типа была использована в церкви над р. Луг во Владимире-Волынском («Старая Кафедра») (Воронин 1954: рис. 76). Известны такие амфоры и по раскопкам в усадьбе Софийского заповедника в Киеве (Каргер 1958: 425, рис. 105). Вероятно, можно предполагать, что амфоры, выделенные нами как тип II, распространяются на древнерусских поселениях в XI в. и продолжают существовать в XII в.

III тип³⁴. Третий тип амфор в количественном отношении является преобладающим — 597 фрагментов и один целый сосуд. Амфоры этого типа характеризуются хорошим составом теста, равномерным обжигом, значительная часть фрагментов покрыта ангобом. Толщина стенок, неодинаковая по всему профилю, значительно тоньше, чем у типа II. Форма сосуда грушевидная, с расширяющимися кверху боками. Ручки, в сечении овальные или слегка уплощенные, подняты высоко над горлом.

³⁴ Амфоры типа III (по Овсянникову) сопоставимы с новгородскими амфорами типа II (по Малевской), «найденными почти в каждой постройке XII — первой половины XIII в. в количестве от двух до шести экземпляров» (Малевская 1969: 185, 187, рис. 1: II). У Ковалы это амфоры типа I/2, поступавшие на Русь, по предположению И. В. Волкова, в XII–XIII вв. предположительно из Трапезунда (Волков 1996: 91–93; Коваль 1999: 247, рис. 2: 2; 2003: рис. XIIIa — фото амфоры из «Изяславля», демонстрирующей амфоры типа «Трапезунд»). — Прим. А. Песковой.

Целая амфора III типа из «Изяславля» имеет небольшую высоту — 59 см, наибольший диаметр тулова 48 см, диаметр горла 9 см (рис. 31). В верхней рифленой части амфоры имеется граффити, напоминающее букву «М», с этой же стороны сосуда есть фрагмент буквы, нанесенной темно-красной или, скорее, вишневой краской. К сожалению, букву трудно прочесть, возможно, это повторение граффити (то есть «М»). Среди фрагментов амфор III типа есть еще два фрагмента со следами такой же краски (не помечена ли такой краской одна партия поступивших в «Изяславль» сосудов?)³⁵. Амфоры с буквами, нанесенными красной краской, известны в Мирмекии в слое XIII–XIV вв. (Гайдукевич 1952: 179–189, рис. 83).

Вообще на амфорах III типа оказалось больше всего граффити. Амфоры описываемого типа являются постоянной находкой на древнерусских памятниках XII–XIII вв. и в количественном отношении преобладают над остальными типами (Каргер 1951: рис. 3: 2; Хойновский 1893: рис. 99; Довженко 1952: табл. I, 4, 6). Такие амфоры датируются XII–XIII вв. не только по форме, но и на основании палеографического анализа надписей, обнаруженных на них (Каргер 1958: 422–423; Равдина 1957: 150–153; Малевская 1962: 238–241, рис. 1–2).

В Северном Причерноморье амфоры подобного типа датируются XII–XIII вв. (Якобсон 1951: 340–341, рис. 11: 37, 38). В Болгарии у них более широкая датировка — XI–XIII вв. (Чангова 1959: обр. 12–13).

IV тип³⁶. Амфоры четвертого типа составляют среди «изяславльских» находок небольшую, но любопытную группу. От остального амфорного материала они отличаются как качеством глины (тесто со значительной долей примеси известняка в качестве отощителя, обжиг неравномерный — тесто красное по краям и темно-серое в середине), так и формой ручек. Ручки амфор этого типа имеют в сечении довольно сложный фигурный профиль (рис. 30: 1). Всего в «Изяславле» найдено 11 фрагментов от амфор IV типа, три из них покрыты светлым ангобом. Невысокие технологические данные этой группы керамики могли бы дать повод к предположению о производстве их местными гончарами. Однако наличие подобных находок в других древнерусских городах³⁷ исключает эту гипотезу. Вероятно,

³⁵ Находки амфор XII–XIII вв. с метками-дипинто, нанесенными минеральными красителями, на территории Древней Руси по-прежнему очень редки. Опубликована одна амфора, происходящая из раскопок на Манежной площади в Москве (Векслер, Коваль 1998: 163–166). В. В. Булгаков сообщает еще о двух таких находках — в Софийском соборе в Киеве (из раскопок Ф. М. Молчановского 1936 г.) и, что примечательно, в Возвягле на р. Случь (из раскопок Б. А. Звиздецкого 1992–1993 гг.), расположенном в непосредственной близости от «Изяславля» (Булгаков 2001: 153). — Прим. А. Песковой.

³⁶ Амфоры типа IV (по Овсянникову) сопоставимы, возможно (?), с новгородскими амфорами типа V (по Малевской), аналогии которым, по наблюдению исследовательницы, лишь изредка встречаются в древнерусских городах в виде единичных фрагментов (Малевская 1969: 188, рис. 1: V). Со временем В. В. Волков выделил эту группу амфор в материалах древнего Новгорода и установил, что такие амфоры известны в незначительном количестве во многих древнерусских городах, в основном в слоях и комплексах XII в., и предположил, что они могли поступать на Русь из Палестины (Волков 1996: 95–97, рис. 4; 2001: 135–137). У Ковалья это амфоры группы IV (Коваль 1999: 248, рис. 2: 6, 7; 2003: 350, 353–360 (каталог находок; 2010: 162)). — Прим. А. Песковой.

³⁷ М. В. Малевская любезно сообщила о наличии фрагментов подобных амфор в культурном слое XII–XIII вв. древнего Новгорода [от ред.: возможно, речь идет о новгородских амфорах V типа по Малевской (Малевская 1969: 188, рис. 1: V)].

Рис. 31. Амфора III типа: 1 — амфора целая (ГП-62/2945); 2 — увеличенный фрагмент той же амфоры, с граффити (без масштаба). Фото из личного архива М. К. Каргера



1

0 10 cm



2

они имели все же единый центр производства, возможно, Северное Причерноморье. На двух ручках имеются довольно несложные граффити.

Незначительность находок амфор IV типа затрудняет реконструкцию их полного внешнего вида. Венчик горла чуть отогнут наружу. Рифление располагается, как правило, в верхней части амфор (от горла до места прикрепления нижней части ручки). Остальная часть тулова покрыта каннелюрами, причем в придонной части они рельефнее и чаще. На тулове отчетливо видны следы ленточной техники.

V тип. К пятому типу нами отнесены амфоры или, скорее, амфоровидные сосудики. Это небольшие амфорки высотой около 14 см, с наибольшим диаметром тулова 10 см, форма сосудиков грушевидная, вытянутая. К сожалению, из двух фрагментов, имеющих в нашем распоряжении, ни у одного не сохранилось верхней части (рис. 30: 2). Тулово амфорок покрыто каннелюрами, причем расположение их зонами напоминает III тип «изяславских» амфор. От всех рассмотренных амфор, найденных на городище, они отличаются плохим тестом (черепок в изломе серо-красный, пористый, наблюдается большая доля примесей кварца и известняка, обжиг неравномерный) и небрежностью изготовления. Незначительный объем сосудов лишает всякой практической целесообразности использование их в качестве тары³⁸.

Типология средневековых амфор разработана не на какой-нибудь одной узко территориальной группе памятников, а на многих памятниках средневековой Европы. Поэтому определение хронологических границ бытования импортной керамики в «Изяславле» (амфоры типов I–IV) имеет принципиальное значение.

Большая часть амфорного материала на городище принадлежит амфорам III типа, за ними следуют сосуды типа II. Типы I и IV представлены единичными фрагментами. Однако количественное соотношение фрагментов не вполне точно отражает возможное количественное соотношение целых амфор типов II и III. Тип II представлен 135 фрагментами, в том числе 43 фрагмента ручек, пять фрагментов верхней части (горла) и 87 фрагментов стенок, что позволяет предполагать, с известной долей вероятности, о 40–60 амфорах этого типа (40 — минимум, 60 — максимум). Амфоры типа III представлены 597 фрагментами и одним целым сосудом. В числе фрагментов — 48 фрагментов ручек и горла и 549 фрагментов стенок, что позволяет предполагать наличие 60–80 целых сосудов. Присутствие на городище двух значительных групп амфорной керамики (типы II и III) наталкивает на размышления — могли ли эти две группы в полном объеме присутствовать на поселении одновременно. Сосуществование на памятнике XII–XIII вв. обоих типов сосудов в какой-то период времени вполне возможно, оно не вызывает сомнений. Однако и хронологическая преемственность в их поступлении вполне реальна.

Распределение амфор различных типов на детинце и посаде выглядит следующим образом. В первую очередь бросается в глаза неравномерность распределения находок

³⁸ Известно несколько типов маломерных амфор. Возможно, описанные здесь фрагменты относятся к группе III, тип 1 (по Ковалю), с высотой не более 35 см и максимальным диаметром 13–15 см (Коваль 2010: 161, цв. ил. 69: 2, 3). И. В. Волков выдвинул «зыбкую гипотезу» о происхождении группы маломерных «желтоглиняных амфор» с о. Хиоса в Эгейском море (Волков 1996: 97, рис. 5). В Причерноморье и на Балканах редкие находки этой группы датируются XI–XII вв., в Новгород они поступали вплоть до монгольского нашествия (Там же: 97; Коваль 2010: 160–161). Близка «изяславским» фрагментам по размерам и форме тулова целая амфора (высота 31,5 см, максимальный диаметр тулова 20 см, объем сосуда 2,24 л), происходящая из раскопок на Киевском Подоле (комплекс 1160–1170-х гг.) (Зоценко 2001: 185–187, мал. 21). — *Прим. А. Песковой.*

описанных нами типов амфор и их количественного соотношения. На детинце зафиксированы находки только двух типов — II и III, на посаде представлены все типы амфор. Предположительное количественное соотношение целых сосудов двух основных типов, определявших амфорную керамику древнего «Изяславля», приблизительно следующее:

посад: тип II — 35–50 сосудов; тип III — 48–65 сосудов;

детинец: тип II — 5–10 сосудов; тип III — 12–15 сосудов.

Таким образом, решающая доля амфорной керамики II и III типов приходится на посаду. В данном случае мы не имеем никаких оснований говорить о привилегированном или аристократическом облике детинца. Наоборот, такой облик более присущ, согласно изученным материалам, посаду. В северо-западной части посады во время раскопок были вскрыты участки древнего города, на которых отмечалась существенная концентрация амфорного материала. Не исключена возможность, что именно в этом районе находились дома княже-ско-боярской верхушки «Изяславля» или дом наместника.

Рассмотренная в этом разделе керамика в силу своей специфики отражает довольно интенсивные экономические внешние связи древнего «Изяславля».

Глиняные крышки

Для керамических сосудов XII–XIII вв. характерны такие типы венчиков, которые предполагают употребление крышек для закрывания сосудов. Глиняные крышки, найденные во время раскопок древнего «Изяславля», составляют довольно значительную группу гончарных изделий — 185 экземпляров (целых и фрагментов), и заслуживают специального рассмотрения. Типология глиняных крышек из древнего «Изяславля», возможно, дает ответ на вопрос, какие крышки более подходят к тому или иному типу сосудов (рис. 32; 33).

I тип (рис. 32: 22–28). К первому типу относится довольно большая группа глиняных крышек (89 экз.), которые можно определить как плоско-цилиндрические. Крышки этого типа представляют собой круг толщиной 1,5–2,0 см диаметром 7–9 см. На нижней поверхности круга имеется небольшой цилиндрический или немного скошенный бортик высотой 1,5–4,0 см (вид 1). Все крышки этого типа сделаны из серой глины с примесью кварца, обжиг равномерный или трехслойный. Как особый вариант следует выделить плоско-цилиндрические крышки с сильно нависающим краем круга, который вместе со стенкой цилиндрического бортика образует своеобразный паз для сцепления с венчиком закрываемого сосуда (вид 2). Таких крышек всего четыре.

Плоско-цилиндрические крышки встречаются при раскопках древнерусских памятников, но в небольшом количестве. Известна такая крышка в древнем Колодыжине (Юра 1962: 114, рис. 39: 8). Плоско-цилиндрическую крышку, найденную в Плеснеске, М. П. Кучера почему-то определяет как «цилиндрическую мисочку с выступающими краями донца» (Кучера 1962: 51, рис. 20: 12)³⁹.

³⁹ М. П. Кучера предполагал также возможность использования таких «мисочек» в качестве светильников (Кучера 1962: 51, прим. 193). Помимо Колодыжина (3 экз.) и Плеснеска единичные находки плоско-цилиндрических крышек были обнаружены также на Малом городище летописного Городеска — два экземпляра (Выезжев 1961: 89–90, рис. 1: 1) и в Дорогобуже в слоях XII–XIII вв. — два целых экземпляра и семь фрагментов (Прищепа, Никольченко 1996: 57, рис. 81: 9–10; Прищепа 2011: 144, рис. 151: 15–16), авторы раскопок тоже определяют их как светильники, к сожалению без обоснования (о следах закопченности или нагара в этих публикациях не упоминается).

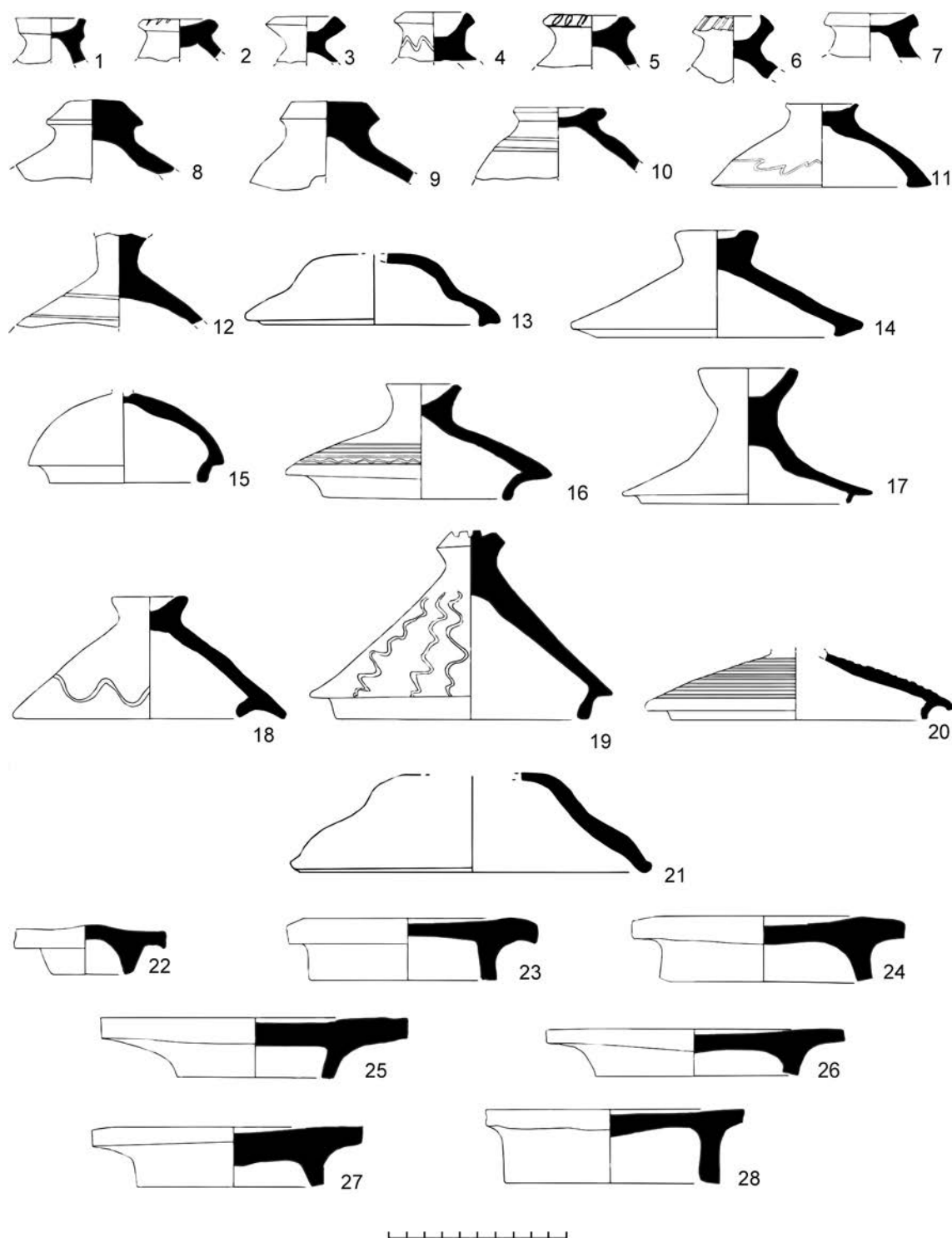


Рис. 32. Керамические крышки: 22–28 — тип I (ГП-61/3607; ГП-60/7671; ГД-57/1687; ГП-60/3883; ГД-57/7517; ГД-58/4081; ГП-61/3809); 1–12 (ГП-63/12534; ГД-58/5190; ГП-59/5022; ГП-61/1585; ГД-58/?; ГД-58/7805; ГД-58/10309; ГП-57/4233; ГП-60/3276; ГП-60/6897; ГП-63/12514; ГП-63/5841) и 14–20 — тип II (ГП-57/7937; ГП-63/7855; ГД-57/9434; ГП-59/3359; ГД-58/4382; ГП-60/8305; ГП-59/5204); 13, 21 — тип III (ГП-64/1548; ГП-63/9637)



Рис. 33. Крышки керамические разных типов: 1 — ГП-59/3359 (крышка) и ГП-59/4181 (сосуд) из разных комплексов; 2 — ГП-59/7029; 3 — ГП-61/3809; 4, 5 — ГП-60/3883 (5 — изображение увеличено). Фото из личного архива М. К. Каргера и фото А. Ю. Кононович

Крышки подобного типа могли использоваться для закрывания сосудов с вертикальным или слегка отогнутым горлом.

II тип (рис. 32: 1–12, 14–20). Ко второму типу относятся крышки конические и полу-сферические (92 фрагмента). Крышки этого типа представляют собой невысокий конус, который обычно заканчивается шишечкой (головкой). Снизу конус имеет бортик, который может быть вертикальным или наклонным (внутри или наружу) (вид 1). Особо следует

При этом в Дорогобуже найдено еще 12 обломков богато орнаментированных дисковидных крышек, но с выступом-ручкой в центре (Прищепа, Нікольченко 1996: 57, рис. 81: 11; Прищепа 2011: 144, рис. 151: 5). Там же был обнаружен большой фрагмент орнаментированной крышки, близкой по форме к плоско-цилиндрической, происходящий из заполнения ямы, относящейся к объектам третьего строительного периода (после 1084 г. — первая половина XII в.) (Прищепа 2011: 85–86, рис. 99: 21). Известны крышки этого типа и в других центрах Галицкой (Галич) и Болоховской (Тележинцы) земель (Малевская 1969: рис. 4: 18; Якубовский 1983: рис. 47: 2; 1995: 235). — Прим. А. Песковой.

выделить крышки, у которых сильно нависающий край конуса вместе с бортиком образует своеобразный паз для сцепления с венчиком закрываемого сосуда (вид 2)⁴⁰. Можно выделить еще один вариант конических крышек — они не имеют бортика, конус заканчивается плоской «ножкой» с небольшим выступом, которая и служит для сцепления с венчиком сосуда (вид 3). Таких конических крышек четыре экземпляра.

Все рассмотренные крышки второго типа сделаны из глины серого или красноватого цвета, в качестве отощителя применен кварц или смесь кварца со слюдой, причем примесь слюды встречается очень редко. Обжиг равномерный и неравномерный распределяются в количественном отношении почти одинаково. Коническая поверхность крышек украшена орнаментом. Из 44 фрагментов орнаментированных крышек 13 декорированы параллельными линиями (до 6 линий), 16 — волнистыми линиями, 10 — сочетаниями первых двух элементов; прямыми линиями с овальными вдавлениями украшены две крышки; две крышки украшены волнистыми линиями, расположенными не по кругу, а сверху вниз.

Чтобы было удобно брать и снимать коническую или сферическую крышку, на ее вершине есть шишечка, причем многие из них оформлены не в виде простого раструба или сплошной «пятки», а имеют порой сложную моделировку (рис. 32: 19). Плоско-цилиндрические крышки удобно было брать за края, выступающие над венчиком закрываемого сосуда.

Рассмотренные конические или полусферические крышки встречаются при раскопках средневековых памятников не впервые. Конические крышки, аналогичные «изяславским», найдены при раскопках Древнего Плеснеска (автор назвал этот тип «полусферическим», хотя его лучше было бы отнести к коническим) (Кучера 1962: рис. 20: 14). Конические крышки из культурного слоя Старой Рязани (Монгайт 1955: рис. 79), несмотря на некоторое сходство, отличаются как от «изяславских», так и от плеснеских — у них нет нависающей над бортиком полы, конец полы крышки непосредственно переходит в вертикальный бортик⁴¹. Среди «изяславских» крышек лишь один экземпляр можно назвать сферической крышкой (вид 4). Подобные крышки встречены среди керамических изделий Саркела — Белой Вежи, где они датируются XI–XII вв. (Плетнёва 1959: 27–30, табл. 14: 15, 17)⁴².

Кроме Плеснеска, коническая крышка, близкая «изяславским» образцам, найдена на Воляни в районе с. Затурцы, она датируется XI–XII вв. (Rauhut 1960: tabl. XI, 8)⁴³.

⁴⁰ Аналогичная крышка с пазом присутствует в керамическом комплексе постройки XI в. в Юрьеве на Роси (Орлов и др. 1985: рис. 6: 10), а также среди материалов из заполнения жилища второй половины XIII — XIV в. Малого Городского городища на Житомирщине (Капустин 2014: 124–125, рис. 6) и в материалах из раскопок усадьбы XIV в. уроч. Апостольщина Владимира-Волынского (Терский 2010: рис. 108: 8). — Прим. А. Песковой.

⁴¹ Рязанские конические крышки отнесены к IV группе керамики, которая бытует в XI–XIV вв., но наиболее характерна для XI–XII вв. А. Л. Монгайт считает, что орнамент рязанских крышек позволяет сопоставить их с западнославянскими (Монгайт 1955: 125).

⁴² С. А. Плетнёва определяет подобные крышки как «низкие конусы с шишечкой и цилиндрическим бортиком в нижней части». Нам кажется, что крышки подобного типа будет точнее называть «полусферическими», чем «коническими».

⁴³ Конические и полусферические крышки известны также и в других западнорусских городах в предмонгольский период: в Новогрудке, в Данилове (где они составляют, по наблюдениям М. В. Малевской, вторую по численности после горшков группу керамических изделий) (Малевская 1971: 31–32, рис. 6: 12–15, 7: 5–7), в Галиче (Малевская 1969: 13, рис. 4: 19, 21), на болоховских городищах в Губине и Тележинцах (Винокур и др. 2004: рис. 52: 1; 53, I: 1; Якубовский 1983: рис. 47: 5–6), в Корческе (Прищепа 2016: 121–122, рис. 84: 6), а во Владимире-Волынском (уроч.

Аналогии «изяславским» крышкам уводят нас на запад, в земли западных славян, где глиняные крышки встречаются на памятниках с IX–X вв. (Hochmanová-Vávrová 1962: tab. XI, 10) и доживают до XIV–XV вв. и даже позднее (Gajewski 1959: tabl. I, 17).

В частности в Польше, в комплексе вроцлавской керамики известны конические крышки с шишечкой, датирующиеся XII — началом XIII в., на территории Малопольши они встречаются в комплексе конца XIII — начала XIV в. (Ibid.: 350, tabl. I, 17; Reichertová 1959: obr. 5: 2, 3, obr. 7: 2, 3). В керамике Залужан они датируются послегородищенским временем (Polla 1962: obr. 97: 5, tab. VI, 2).

Довольно близкие аналогии встречаются среди средневековых гончарных изделий Будайского замка в комплексе керамики XIII–XIV вв. (Holl 1963: кер. 69: 3, 70: 3–4). Близкие крышки можно найти и в магдебургской керамике XIII–XIV вв. (Nickel 1959: abb. 10 (b)).

Трудно определенно указать на те типы посуды, которые закрывались коническими и сферическими крышками. Можно предположить, что в первую очередь это были горшки и некоторые типы тарной посуды.

III тип (рис. 32: 13, 21). К третьему типу относятся крышки, напоминающие перевернутую миску. Можно выделить два вида.

К первому виду относятся крышки, представляющие собой усеченный конус, шишечки наверху нет или она слабо выражена. Таких крышек две. Одна из них украшена крупной волнистой линией, пересеченной тремя параллельными. Нижние края крышек не сохранились, поэтому трудно судить о механизме сцепления ее с венчиком закрываемого сосуда. Очень близкая аналогия «изяславским» крышкам первого вида найдена в Колодзяжине (Юра 1962: рис. 39: 7).

Ко второму виду относится усеченный конус, но с небольшим уступом и более мягких очертаний. Подобные крышки известны в Чехии в памятниках XII–XIII вв. (Richter 1959: 10, obr. 3: 2; Reichertová 1956: obr. 2). Край таких крышек имеет «вилку» для соединения с венчиком закрываемой посуды или оканчивается просто овальным закруглением.

Таким образом, керамические крышки представлены в «Изяславле» довольно многочисленной и разнообразной группой, и в этом отношении «Изяславль» пока сравнить не с чем. Довольно большая группа глиняных крышек, происходящих из Белой Вежи, все же отличается от найденных в «Изяславле». Широкое употребление керамических крышек, в первую очередь в западных районах Древней Руси, явилось, таким образом, характерной чертой древнерусского города в предмонгольское время.

Ковшики

В «Изяславле» найдено шесть целых ковшиков, 26 фрагментов стенок с ручками и 108 фрагментов ручек, то есть можно говорить приблизительно о 140 сосудах. Это небольшие (высота 4,4–5,9 см, диаметр дна 7,8–12,0 см, диаметр венчика 10–16 см), приземистой формы сосуда, как правило, с одной ручкой. Сделаны они из серой или красноватой глины.

Апостольщина) нередко встречаются среди материалов XIV в. (Терський 2010: рис. 106: 5–6, 108: 8–9, 113: 6, 114: 6). В Новогрудке такие крышки в небольшом количестве представлены практически во всех строительных горизонтах — со 2 по 6, то есть с XI по первую половину XIII в. (Малевская-Малевич 2005: 55–56, рис. 25–26). — Прим. А. Песковой.

В качестве отошителя к глине примешивались кварц или известь, реже слюда. Большое количество ковшиков ангобировано, ангоб обычно белый. В общем, сосуды представлены одним типом, довольно четко выраженным. Можно выделить лишь некоторые варианты (рис. 34: 3–5, 7–13).

1. К первому варианту относятся ковшики, имеющие бочонкообразное тулово. Венчики у сосудов заканчиваются ровной горизонтальной или скошенной внутрь площадкой или овальным закруглением. Иногда венчик немного усложнен, он загибается внутрь в виде небольшого выступа, горизонтального или скошенного внутрь.

2. Второй вариант представлен сосудами с туловом, немного расширяющимся кверху, стенки в профиле почти прямые. Закраина венчика бывает в виде ровной площадки, овального закругления или с небольшим загибом внутрь.

3. К третьему варианту относятся ковшики с более сложным профилем — плечики имеют резкий уступ, верхний край сосуда завершается как бы невысокой стоечкой.

У всех ковшиков имеется ручка с одной стороны, причем технология присоединения ручки немного различна. Можно выделить три варианта ручек.

1. Ручка в виде закругленного кронштейна, в сечении овального или подчетырёхугольного. К тулову сосуда такая ручка присоединялась в одном месте. Для этого у ручки с одного конца имела «пяточка» — своеобразная заклепка, которая пропущена сквозь стенку сосуда и размазывалась («расклепывалась») на внутренней стороне его стенки.

2. Ручка в виде кольца или петли, в сечении круглая или овальная. К тулову сосуда такая ручка присоединялась в одном месте, точно так же как и ручки первого варианта. Ручки этого варианта могут быть почти совсем круглые или вытянутые, напоминающие ручки первого варианта.

3. К третьему варианту относятся ручки в виде разомкнутого кольца. К стенке сосуда они крепились в двух местах — в верхней и нижней части сосуда. В сечении ручки овальные или слегка утолщенные. Для присоединения к тулову сосуда на обоих концах такой ручки имеются пяточки — «заклепки».

Различным вариантам ковшиков соответствуют те или иные варианты ручек.

Все ковшики сделаны на гончарном круге. На некоторых из них (на 6 из 21 экз.) отчетливо видны следы подставки — края днищ оплыли в виде бортика.

На трех целых сосудах, изготовленных на гончарном круге с подставкой, имеются клейма, правда, сохранность их плохая. Орнаментированных ковшиков немного. Основные элементы орнамента — волнистые линии и миндалевидные вдавления. Последние нанесены главным образом по краю венчиков, лишь в одном случае они располагаются на плечиках сосуда. Волнистый орнамент украшает верхнюю часть сосуда и лишь в одном случае покрывает все тулово. В целом следует признать, что ковшиков на городище найдено довольно много⁴⁴. Наряду с деревянной и металлической посудой того же функционального назначения они являлись неотъемлемой частью кухонного керамического набора в древнерусском городе.

⁴⁴ По суммарному количеству находок керамических ковшиков и мисочек сопоставим с «Изяславлем» (64 экз. вместе с крупными фрагментами) только Звенигород-на-Белке (около 50 экз. вместе с фрагментами) (Гупало 2009: 341). Значительно реже встречаются они в других древнерусских городах. — Прим. А. Песковой.



Рис. 34. Мисочки (1, 2, 6 — ГД-58/5883; ГД-59/2962; ГП-61/1957) и ковшики (3, 4, 5, 7–13 — ГП-63/12637; ГП-57/9495; ГП-57/9493; ГП-62/2903; ГП-59/4060; б/н; ГД-58/3572; б/н). Фото из личного архива М. К. Каргера и фото А. Ю. Кононович

Мисочки

Близки к рассмотренным ковшичкам и небольшие миниатюрные мисочки, которые по форме повторяют основные варианты ковшей и имеют такие же варианты венчиков. Высота сосудов 2,9–7,7 см, диаметр венчика 8–16 см, диаметр дна 3,6–12,0 см. Всего имеется 32 целых сосуда, включая крупные фрагменты (рис. 34: 1, 2, 6).

1. К первому варианту относятся мисочки с бочонкообразным туловом, закраина венчика овальная или в виде ровной площадки, срезанной внутри. У одной мисочки венчик имеет бортик, загнутый внутрь.

2. Второй вариант представлен сосудами с расширяющимися кверху боками. Закраина венчика округлая или с бортиком, загнутым внутрь миски. Один сосуд имеет выступающий острый бортик, отогнутый наружу.

3. К третьему варианту относится один сосуд, по своему контуру напоминающий низкий широкий горшок. Венчик этой миски отогнут наружу и заканчивается ровной площадкой, срезанной под углом.

Орнаментированных сосудов мало — только два украшены волнистой линией. Внутри еще одной миски имеется небольшой участок волнистой линии. Основная масса сосудов сделана на гончарном круге, но без подставки. Клейм и следов от круга нет.

Трудно судить об определенном назначении сосудов данного типа⁴⁵, но они, очевидно, входили в широкий круг древнерусской кухонной керамики. Хотя М. П. Кучера почему-то пишет, что в XII–XIII вв. мисок уже не было (Кучера 1961: 151).

Гончарные клейма

Группа изяславльской керамики с клеймами на донцах заслуживает особого рассмотрения⁴⁶. Коллекция клейм, имеющаяся в нашем распоряжении, является уникальной. Во-первых, это одна из наиболее многочисленных групп знаков подобного рода, известных из материалов раскопок древнерусских городов, — 292 клейма. До сих пор наиболее значительные группы древнерусских клейм были обнаружены во Вщиже и Плеснеске (Рыбаков 1948: 364; Кучера 1960: 118). Во-вторых, изяславльские клейма обнаружены на территории полностью раскопанного памятника, имеющего довольно узкие хронологические рамки.

История вопроса о клеймах, их назначении и происхождении имеет уже довольно солидную историографию. Таинственные значки на донцах глиняных сосудов подобно магниту привлекали к себе многие поколения археологов и этнографов, предложивших ряд оригинальных гипотез, каждая из которых имеет свои «за» и «против»⁴⁷. Одни ученые видели в гончарных клеймах знаки гончаров-ремесленников (Козловська 1927: 7–14; Рыбаков 1948: 175–180, 352–353, 363–365, 437–438, 494–495; Мансуров 1946: 293–298; Кучера 1960: 118–123). Исходя из этого положения, делались попытки подсчитать количество мастеров, одновременно работавших в городе. Вот, например, один из таких подсчетов: в Плеснеске из 108 клейм повторяются 20, поэтому число 88 (то есть 108–20) принимается за количество гончаров, работавших в этом городе с конца X до середины XIII в. Далее, число 88 равномерно распределяется на 7–8 поколений и получается число 11–12, то есть количество мастеров, работавших одновременно (Кучера 1960: 122). Пример подобного подсчета, к сожалению, не единичен.

⁴⁵ Часть миниатюрных мисочек и ковшиков могла использоваться в качестве светильников, о чем, по наблюдениям исследователей, свидетельствуют следы нагара или закопченности на венчиках сосудов. Такие светильники-мисочки были выявлены также в Киеве (?), Дорогобуже, Плеснеске, Звенигороде, Галиче (Сергеева 1995: рис. 1, 4–6; Гупало 2009: 341–343, рис. 1–5; Прищепа 2011: 144). — *Прим. А. Песковой.*

⁴⁶ Знаки на донцах сосудов, не являющиеся оттиском рисунка, рассматриваются в разделе «Технологическая характеристика керамики Древнего „Изяславля“».

⁴⁷ Подробный обзор по историографии вопроса о гончарных клеймах см.: Рыбаков 1948: 175–181; Комша 1961: 448–461.

Другие исследователи не менее энергично отстаивают гипотезу о клеймах как метках заказчика (Розенфельдт 1962: 121–130). Один из важнейших доводов в пользу своей гипотезы они видят в многочисленности вариантов клейм. Работа на заказ вынуждала гончаров иметь набор знаков собственности того круга заказчиков, которых они постоянно обслуживали.

В последние годы появились новые точки зрения в оценке гончарных клейм. Н. В. Тухтина, используя данные этнографии, пытается расшифровать клейма на донцах как знаки солнца, огня, оберегов от злых духов и т. д. (Тухтина 1960: 148–154). Особый интерес представляет вывод о распространении этих знаков только на территории, совпадающей с границами расселения славянских племен. Общность рисунков клейм на этой территории, по ее мнению, является результатом общности дохристианских верований, сохранявшихся в клеймении посуды в качестве пережитка.

Можно отметить, что в свое время А. А. Мансуров, придерживавшийся гипотезы «клейма — знаки мастеров», считал возможным в то же время трактовать ряд изображений «как пережитки солярного круга» и проводить аналогии «с древними культовыми представлениями, не связывая эти изображения с каким-то реальным сюжетом» (Мансуров 1946: 297). Правда, делал он это робко, в качестве оговорки.

Изучение клейм на «изяславльских» глиняных изделиях не позволяет выставить веские аргументы в пользу или против той или иной гипотезы. Ни одна из названных нами гипотез не является, на наш взгляд, доказанной, хотя интерпретация этой группы памятников Н. В. Тухтиной кажется нам наиболее правдоподобной.

Одним из существенных недостатков высказанных версий является слабая и недостаточно четкая разработка методики исследования.

Большинство исследователей придает большое значение соотношению клейменной и неклеяемой посуды (Там же: 293; Станчев 1948: 245; Тухтина 1960: 153). Важность этого соотношения не подлежит сомнению. Такие цифры есть уже для ряда памятников: Старая Рязань — 1 % «общего количества керамики» (Мансуров 1946: 293); Новгород, Псков, Старая Ладога — около 1–2 % (Тухтина 1960: 149) (тоже, вероятно, от общего количества керамики). К сожалению, приходится признать, что методика подсчета не совсем ясна в данных случаях. Неясно, какие группы керамики входили в подсчет и какие не входили. Несомненно, для определения соотношения клейменной и неклеяемой керамики, соотношения клейменной и всей керамики на памятнике должна быть выработана единая методика. Это позволило бы сравнивать полученные данные с результатами, добытыми на других памятниках.

Сопоставление среднего процента клейменной посуды на изяславльском городище с другими памятниками проводить трудно, так как мы уже отмечали, что методика подсчета там не указывалась. Относительно «Изяславля» можно лишь сказать, что процент этот, как и на других древнерусских памятниках, очень мал, что ставит под серьезное сомнение гипотезы о клеймах-знаках собственников и клеймах-знаках мастеров.

По рисункам «изяславльские» клейма можно распределить на девятнадцать групп (рис. 35). Довольно значительное количество клейм (68 экз.) оказалось трудно определить, поэтому они не попали ни в одну из групп.

I группа. Знаки в виде четырехугольной звезды. Представлены двумя фрагментами. Одно клеймо небольшое, лучи звезды слабо расчленены, второе имеет более длинные лучи.

II группа. Знаки в виде треугольной звезды. Представлены двумя идентичными клеймами.

Звезды, лучи (52 клейма)				Круг (101 клеймо)				Крест (31 клеймо)		
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Прочие малочисленные группы (всего 37 клейм)										
XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII	XIX			

Рис. 35. Группировка гончарных клейм (19 групп, схема)

III группа. Знаки в виде разветвленного пучка лучей. Распадаются по форме на два варианта:

а) от верхнего луча отходит небольшой отросток вправо и вверх, левый нижний луч расщеплен (4 клейма);

б) характеризуется теми же признаками, что и вариант «а», только расщепляется не левый, а правый луч (8 клейм).

Кроме основных вариантов можно выделить несколько дополнительных, по рисунку близких к описанным клеймам:

в) рисунок клейма повторяет вариант «а», только не имеет отростка у верхнего луча (1 клеймо);

г) рисунок клейма повторяет вариант «б», но отросток также отсутствует (1 клеймо);

д) верхний луч имеет отросток справа, но оба нижних луча не расщепляются (1 клеймо).

Таким образом, III группа насчитывает 15 хорошо определимых клейм, к ней же можно отнести 21 клеймо на небольших фрагментах донцев; к каким вариантам они относятся,

определить затруднительно. Следует отметить, что в тех случаях, когда детали рисунка клейма на нескольких фрагментах совпадают, идентичность их все же вызывает сомнение.

IV группа. Рисунок клейма этой группы представляет собой трезубец, причем можно выделить два варианта:

- а) два боковых отростка отходят от центрального стержня в одной точке (6 клейм);
- б) боковые отростки отходят в стороны не из одной точки (один выше, другой ниже) — 6 клейм; в этом варианте также можно отметить мелкие расхождения в деталях: у одних клейм ниже правый отросток, у других левый; одно из клейм отличается маленькими размерами и расположено не по центру донца.

V группа. Пятая группа клейм представлена рисунком в виде круга. Можно выделить несколько вариантов:

- а) диаметр клейма довольно велик (около $2/3$ диаметра донца) — 13 клейм;
- б) диаметр клейма небольшой (до $1/2$ диаметра донца) — 38 клейм;
- в) особый вариант представляют клейма очень маленького диаметра, расположенные не в центре донца, а сбоку, — семь клейм;
- г) сюда же можно отнести одно эллипсоидное клеймо;
- д) к клеймам этой группы относятся еще два клейма, отличающихся от описанных тем, что рисунок их не выпуклый, а углубленный (то есть матрица рисунка была выпуклой);
- е) клейма в виде двух концентрических кругов (диаметр кругов различный) — три клейма.

Таким образом V группа рисунков клейм в виде круга представлена довольно значительным количеством экземпляров — 64 клейма. Однако этими клеймами не исчерпывается наличие круга на донцах изяславльской посуды. Круг входит составной частью в более сложные композиции.

VI группа. В шестую группу мы включили клейма в виде круга (или двух кругов), внутри которого есть дополнительные изображения:

- а) в виде небольшого отросточка — четыре клейма;
- б) в виде прямых линий и других знаков — шесть клейм;
- в) изображение «солнца» в круге — пять клейм;
- г) изображение креста в круге — девять клейм.

VII группа. Сюда относятся клейма в виде круга, но имеющие дополнительные изображения (пересекающие круг прямые линии, «солнце» с внешней стороны круга, круг между двух параллельных прямых) — 11 клейм.

VIII группа. В отдельную группу можно выделить клейма в виде круга, к которому прилепляет отрезок прямой с ответвлениями — три клейма (не исключена возможность, что они сделаны с одной матрицы).

Как вариант клейма этого типа можно рассматривать клейма в виде круга, но с дополнительным рисунком несколько другого характера — два клейма.

Таким образом, общее количество клейм с изображениями круга (одиночного или двойного) составляет 104 экземпляра, что делает эти клейма одной из самых представительных групп клейм на донцах сосудов в древнем «Изяславле».

Следующие группы клейм — с изображением креста.

IX группа. Одиночный крест; группа представлена двумя вариантами — крестом с прямоугольными концами (11 клейм) и с чуть суживающимися концами (5 клейм).

X группа. Особое изображение креста представляет крест (иногда с перекладинами на краях) в окружении обычно четырех небольших крестиков. Идентичных клейм внутри этой группы подобрать не удалось (всего 8 клейм).

XI группа. К крестообразным изображениям можно отнести клейма в виде прямой линии, пересеченной поперечинами, двумя или тремя, по одну или по обе стороны этой фигуры (7 клейм).

Всего клейм с изображением креста — 31 экземпляр.

XII группа. Небольшую, но интересную группу представляют клейма, которые можно трактовать как изображения родового знака Рюриковичей (9 клейм).

XIII группа. Клейма в виде буквы Y, причем нередко клейма занимают не центральное положение на донце (6 клейм).

XIV группа. Изображения в виде незамкнутой прямоугольной или трапециевидной фигуры (5 клейм).

XV группа. Клейма в виде небольших треугольников с маленькими черешками или без них. Один из треугольников с черешком целиком выпуклый. Всего в группе четыре клейма.

XVI группа. Клеймо в виде пересеченного прямоугольника («окна») — четыре клейма.

XVII группа. Изображения в виде ломаной линии двух вариантов:

а) кривая с «рожками» — четыре клейма,

б) кривая без «рожек» — два клейма.

XVIII группа. Прямоугольник с петлей — два клейма.

XIX группа. Клеймо в виде листика с перепонками — одно клеймо.

Изучение «изяславльских» клейм показало, что наряду с многообразием рисунков клейм существует еще и почти полное несовпадение мельчайших деталей рисунков на днищах, что указывает на невозможность, за редким исключением, абсолютного совпадения клейм. Однако здесь вполне резонно предположить, что под одним знаком работало несколько мастеров, или на протяжении своей жизни ремесленник мог несколько раз менять подставку-матрицу со знаками. Но имеется один факт, который не в силах пока убедительно объяснить ни одна из гипотез, посвященных клеймам. Это соотношение клейменной и неклеяменной посуды, в котором сосуды с клеймами обычно занимают ничтожную часть. Пролить свет на эту проблему могло бы изучение разновременных древнерусских памятников, позволившее бы проследить тенденцию количественных соотношений этих двух видов гончарных изделий на различных хронологических этапах. Не исключена возможность также, что в XIII в. клейма нужно объяснять не с одной точки зрения, а с нескольких.

Любопытное наблюдение дает изучение технологических признаков на клейменных донцах. В тех случаях, когда было возможно, нами учитывались типы донцов по их технологическим особенностям. Всего выделено пять типов донцов (рис. 36):

- 1) дно ровное гладкое,
- 2) дно вогнутое, но без бортика,
- 3) дно вогнутое, вогнутая часть дна начинается, немного отступая от края,
- 4) дно ровное, с бортиком,
- 5) дно вогнутое, с бортиком.

Распределение клейменных донцов по этим типам дает интересные результаты. Оказалось, что в ряде случаев, когда совпадает не только общий рисунок клейма, но и детали, технологически типы донцов не совпадали. Это дает возможность говорить о разных способах формовки сосуда, о разных приемах гончара и различных конструктивных деталях круга. По нашему мнению, существование на огромной территории, занятой славянами, схожих знаков, на первый взгляд, как бы нивелирует региональные особенности. Однако количественное соотношение клейм разных рисунков все же имеет региональные оттенки.

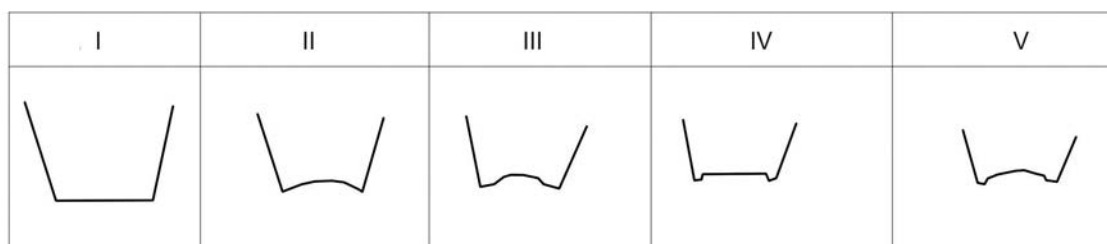


Рис. 36. Типы донцев на сосудах с клеймами (схема)

Соотношение различных типов клейм в «Изяславле» выглядит следующим образом. Почти половину всех клейм представляет рисунок круга и круг с дополнениями (крест внутри, «солнце» и т. д.). Из других рисунков количественно преобладают кресты различных типов. Знак Рюриковичей встречен лишь девять раз, причем все рисунки клейм этого типа различны. По данным, собранным И. В. Тухтиной, рисунок клейма в виде «чистого» круга и круга с дополнительными деталями на различных памятниках, как правило, преобладает (Тухтина 1960: рис. 1). Среди «изяславльского» материала особого внимания заслуживает многочисленная группа клейм в виде крестообразных знаков. Кресты и крестообразные клейма встречаются в большом количестве на довольно обширной территории. Подобные знаки известны в Плеснеске (Кучера 1960: рис. 1), Колодяжине (Юра 1962: рис. 41: 4), на керамике XII–XIII вв. из Вроцлава (Kramarek 1959: 219–246). Как мы уже упоминали, много аналогий крестов и крестообразных знаков приводит А. Тоčík (Тоčík 1962: 347–378) и др.

Указанные аналогии, несомненно, свидетельствуют о связях с западно-славянскими территориями и позволяют говорить, пока что в предварительном плане, о локальной группе западнорусских (галицко-волинских) клейм⁴⁸. И хотя крестообразные знаки распространены на керамике в древней Руси в основном на западнорусских территориях, но на памятниках прикладного искусства они известны более широко. Кресты с перекладинами на концах встречаются на височных кольцах с ромбовидными расширениями (Гущин 1936: табл. VIII, рис. 4), на перстнях (Корзухина 1954: таб. XXIX, 16; XXXII, 1; Монгайт 1961: рис. 107: 2), на ромбоштитковых височных кольцах (Корзухина 1954: табл. XXVII, 2, 5, 27), на детали суздальского оплечья (Гущин 1936: табл. XXV), на медальонах из Владимирского клада 1837 г. (Там же: 69–70, рис. 26–27, табл. XVI, 5). Присутствие подобных знаков на донцах сосудов — лишь один из случаев, где они употреблялись как декоративный элемент, имеющий определенный смысл.

Смысл гончарных клейм на керамических сосудах накануне монгольского нашествия, на наш взгляд, еще не окончательно ясен. Однако появилась возможность поставить вопрос

⁴⁸ Несмотря на непрекращающиеся новые попытки классификации древнерусских гончарных клейм, в том числе и в землях юго-западной Руси (Гупало 1985; 2001; Чайка 1995; Ткачук, Тимус 1997; Ягодинська 2000; Возний 2010), единой унифицированной классификации пока так и не разработано. Интересный опыт систематизации гончарных клейм на керамике с городищ Прикарпатья и Западной Волыни был предложен В. Д. Гупало (Гупало 1985: 236–242); показательно, что клейма, в основе которых лежит знак креста, выделенные ею в группу А, тоже отнесены к наиболее широко распространенным в данном регионе; выделены также клейма, локализующиеся в Звенигороде, Плеснеске и Ступице. — Прим. А. Песковой.

о локальных особенностях клейменной посуды, выразившихся главным образом не в существовании каких-то особых рисунков клейм на этих территориях, а в их количественном соотношении.

Поливная и расписная керамика

Поливная керамика. В гончарных изделиях древнего «Изяславля» поливная керамика составляет небольшую часть. На городище, как на детинце, так и на посаде, найдено восемь целых сосудов и 17 фрагментов сосудов с цветной поливой. Вся поливная посуда, обнаруженная в «Изяславле», монохромна (рис. 37; цв. вклейка, фото 3).

По своему составу керамика эта неоднородна и может быть распределена на две группы:

- 1) миниатюрные баночки и кувшинчики (8 целых и 13 фрагментов),
- 2) столовая поливная посуда (4 фрагмента от двух сосудов).

Первая группа представлена восемью целыми сосудиками и 13 фрагментами, в основном придонными частями. Соотношение полив различных цветов следующее: зеленая — пять, желтая — восемь, коричневая — четыре, светлая — одна, сильно обгорелые фрагменты, цвета не определимы — две.

Сосудики, как правило, сделаны из красной глины, иногда с добавлением песка, обжиг равномерный. Исключение составляют один сосуд из белой глины и один из светло-серой с неравномерным обжигом.

Целые сосуды можно классифицировать на сосуды типа горшочка или баночки (в том числе один экземпляр с ручкой) и на кувшинчики.

Сосуды первого типа имеют высоту 2,9–6,5 см, диаметр венчика 2,3–4,0 см, диаметр дна до 3,5 см (рис. 37: 1–8). Один миниатюрный горшочек имеет ручку в виде петли, присоединенную к тулову в одном месте при помощи большой «заклепки». Все сосудики имеют отогнутые венчики, заканчивающиеся плавно закругленной закраиной.

Ко второму типу относятся три маленьких кувшинчика, высота которых 8,7 см, диаметр горла 3,7 см (рис. 37: 9–11). Все три кувшинчика имеют ручки (в двух случаях ручки крепятся в одной точке, в третьем случае один конец ручки прикреплен в верхней части горла, другой — в наиболее выпуклой части тулова). На всех трех экземплярах немножко ниже горла нанесен орнамент в виде волнистых линий. Орнамент слабо рельефный, поэтому при покрытии сосудов поливой в значительной степени сгладился.

Функциональное назначение обоих типов миниатюрных сосудов определить трудно⁴⁹. Вполне возможно, что они были туалетной керамикой или детскими игрушками. Правда, в Киеве, в землянке «художника» в небольших сосудах находилась краска (Каргер 1950: 30–31, рис. 20; 1958: 478).

⁴⁹ Среди миниатюрных керамических изделий Звенигорода, Галича и Судовой Вишни В. Д. Гупало выделила шесть экземпляров различных моделей подсвечников XII–XIII вв., аналогии которым на момент написания статьи ей выявить не удалось (Гупало 2009: 345–347, рис. 6). На наш взгляд, два (четыре?) миниатюрных сосуда «Изяславля» вполне можно причислить к этой редкой категории находок (рис. 37: 2–4, 6). По форме они близки галицким моделям подсвечников, особенно одному из них, внешне напоминающему сосудику, но без полости, имеющему лишь небольшое углубление (глубина 13 мм) для свечки диаметром 10 мм, изготовленному из хорошо отмученной глины и покрытому поливой зеленого цвета (Там же: 347, рис. 6: 4). — Прим. А. Песковой.

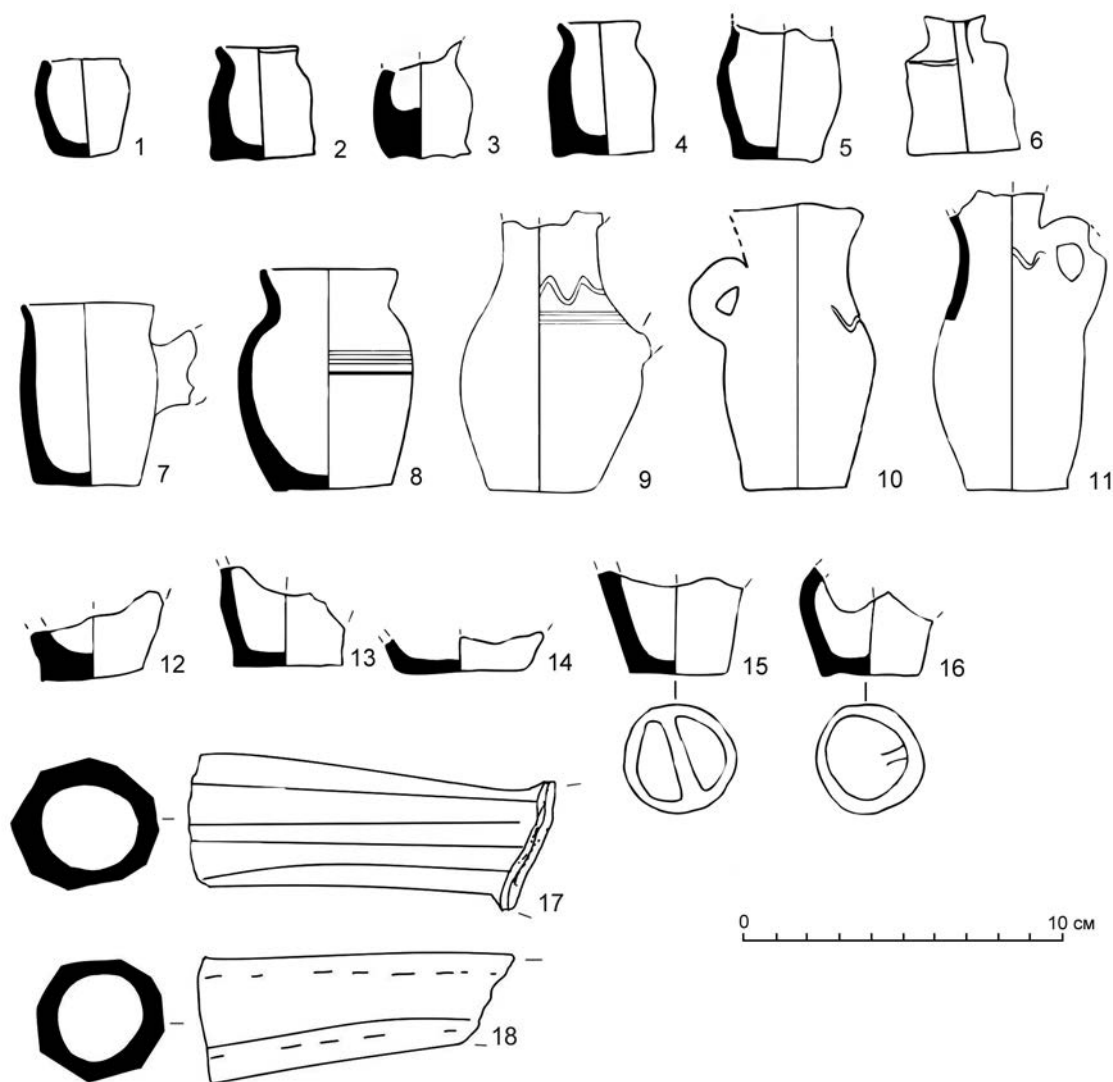


Рис. 37. Поливная посуда: 1–8 — миниатюрные горшочки и баночки (ГД-58/5918; ГП-61/6873; ГП-61/2766; ГД-58/5919; ГД-58/3581; ГП-63/12532 (без поливы); ГД-58/5920; ГП-60/8066); 9–11 — кувшинчики (ГД-57/9587; ГП-63/980; ГД-58/5921); 12–16 — фрагменты миниатюрных сосудишков (ГП-61/2341; ГП-60/11858; ГП-63/12535; ГД-57/13030; ГП-63/12533); 17–18 — ручки граненые полые со следами поливы (ГД-58/4451; ГД-58/9723)

Ко второй группе относится столовая поливная керамика. Находки ее в «Изяславле» незначительны. Есть два фрагмента (горло и небольшая часть стенки) от кувшина, покрытого зеленовато-голубоватой поливой, и фрагмент чашки или мисочки на поддоне, покрытой зеленой поливой травянистого цвета. Горло кувшина высотой 8 см, диаметром 4 см заканчивается широким раструбом — диаметр 11,7 см. При переходе от горла к раструбу имеется небольшой поясок, типичный для металлических кувшинов. Поверхность горла немного испорчена — во время пожара на нее попали мелкие кусочки угля. Кувшин сделан из белой глины, обжиг равномерный. Судить по сохранившейся части обо всем облике сосуда трудно. Ближайшие аналогии можно найти среди поливных кувшинов древнего Любеча, Чернигова (Макарова 1965: рис. 1: 14, 15, 21; 1967: табл. 13: 7, 8, 10). Близок фрагмент

«изяславльского» кувшина расписным и поливным сосудам из дворца в Буде, где они датируются XIII в. (Holl 1963: кер. 68: 5).

К поливной керамике можно отнести и две ручки от сохранившихся сосудов (рис. 37: 17–18). Ручки не покрыты поливой, но на обеих имеются отдельные следы желтой и зеленой полив. Сделаны они из хорошей белой глины, в сечении представляют собой многогранник, внутри обе ручки полые. Вполне возможно, что они относятся к не дошедшей до нас форме сосудов, например латок.

К столовой поливной посуде относится и фрагмент какого-то сосуда на поддоне. Полива зеленая, травянистого цвета. Тесто белое, с небольшой примесью известнякового отощителя, обжиг равномерный.

Характерно, что вся столовая поливная посуда найдена на детинце «Изяславля», и не исключена возможность, что она происходит из одного комплекса.

О месте производства поливных изделий, найденных в древнем «Изяславле», судить трудно, хотя можно допустить, что миниатюрные поливные сосудики могли быть и местного производства.

Крупнейшим центром древнерусской поливной керамики был Киев (Каргер 1958: 446). Производство полив существовало и в других древнерусских городах, в частности, в древнем Любече, где, по наблюдениям Т. И. Макаровой, было налажено производство сероглиняной поливной посуды (Макарова 1965: 234).

Нет данных для того, чтобы хронологически разъединить две группы исследуемой поливной посуды, в «Изяславле» они существовали одновременно. Наряду с этим необходимо отметить, что в Любече белоглиняная поливная керамика появляется в комплексе XI–XII вв., то есть немного раньше, чем сероглиняная (в комплексе XII–XIII вв.) (Там же: 235). Вообще, поливная керамика XIII в. изучена еще недостаточно. Например, считалось, что в Чехии поливные сосуды появляются на рубеже XIV–XV вв., сейчас этот рубеж отодвинут к X–XI вв., главным образом к XI в. (Richter 1961: 573–578).

Незначительное количество столовой поливной керамики в «Изяславле» удивляет. Вскрытие почти всей площади памятника исключает какого-либо рода случайности. Поливная столовая керамика, являющаяся в древнерусских городах в известной мере барометром социальной принадлежности того или иного комплекса, обслуживала имущие слои городского населения, его верхушку⁵⁰. Отсутствие в «Изяславле» этого ассортимента посуды в более широких масштабах нуждается, вероятно, в каких-то особых объяснениях.

В обобщающей работе, посвященной поливной керамике в древней Руси, Т. И. Макарова почему-то пишет, что при раскопках в «Изяславле» была собрана «большая коллекция поливной посуды», что должно свидетельствовать «о местном производстве поливной посуды в XII — начале XIII в.» (Макарова 1966: 184). Принимая во внимание, что в «Изяславле» найдено все же незначительное количество поливных изделий, и учитывая их неоднородность (наличие цветной и белой глины), к этому вопросу нужно подходить более осторожно. Налаженное местное производство несомненно дало бы гораздо большее количество находок (тем более что можно предположить в производстве сосудов с поливой наличие двух традиций). Мы не отрицаем возможности местного производства (полива на сосудах из цветной глины), но более вероятным кажется другое предположение.

⁵⁰ В Любече на площади 3000 кв. м на территории княжьего двора было найдено 400 фрагментов поливной посуды (Макарова 1965: 231).

К востоку от «Изяславля» находится такой центр производства поливных изделий, как Киев, и поливная керамика «Изяславля» могла быть изготовлена в его мастерских.

Расписная керамика. Если поливная керамика на территории древнего «Изяславля» представлена перечисленным набором целых и фрагментированных сосудов, то керамика с росписью представлена всего двумя черепками от одного сосуда (*цв. вклейка, фото 4: 2–3*). Это фрагменты стенок (тип сосуда установить невозможно) толщиной 0,5 см. Тесто черепка обожжено неравномерно, в качестве отощителя примешаны кварц и известь. Общий фон лицевой поверхности черепка белый, ангобированный и тщательно залощенный. По этому фону коричневой густой краской полосой 0,3 см нанесен орнамент, по всей вероятности, растительный. Фрагменты сосудов из светлой глины с расписным орнаментом коричневого или красного тона неоднократно были встречены на древнерусских памятниках предмонгольской поры. Особенно хорошо техника росписи на керамике прослеживается по находкам в Киеве, где черепки расписных сосудов известны со времени раскопок В. В. Хвойки (раскопки в усадьбе Петровского), С. Гамченко (усадьба Трубецкого); в 1948 г. фрагменты расписной керамики были найдены в полуземлянке — мастерской середины XIII в. (усадьба Исторического музея), а также среди сосудов, обнаруженных при раскопках Киевской Софии. Полная сводка (на 1958 г.) находок расписных сосудов в Киеве была сделана М. К. Каргером (Каргер 1958: 449).

Следует отметить, что среди расписной керамики Киева можно выделить несколько технологических приемов росписи: роспись коричневой или красной краской по светлому фону или по розовому фону черной краской, сочетание расписного орнамента и врезных линий, наконец, одноцветная роспись всей поверхности сосуда.

Расписная керамика предмонгольского времени известна и на других древнерусских памятниках: на городище в районе г. Белая Церковь (здесь использовался прием сочетания врезного орнамента и узоров, нанесенных белой краской (Виявлення...1931: 84–85)), а также в Любече (Гончаров 1952: 134) и на Райковецком городище (Мовчанівський 1935: 154).

Технология изготовления расписных керамических изделий была гораздо проще, поэтому такая посуда могла производиться в большем количестве и была, вероятно, доступнее широким слоям горожан, чем поливная. Однако в «Изяславле» расписная керамика не получила широкого распространения.

Технологическая характеристика керамики древнего «Изяславля»

Определение технологических признаков керамики «Изяславля» приходится давать, исходя непосредственно из гончарной продукции. Нами уже отмечалось, что раскопки всей площади городища и разведочные шурфы на прилегающих к городищу участках не дали ни одной печи, с которой определено можно было бы связать гончарное производство в «Изяславле». Это обстоятельство можно объяснить гипотетически несколькими причинами. Ввиду опасности пожаров обжигательные печи могли быть вынесены в район околородья, который не попал в сферу разведочных работ экспедиции. Не исключена также возможность, что какая-то часть керамики поступила из гончарных мастерских, расположенных в близлежащих селах, а в самом городе изготовление глиняной посуды не имело широких масштабов. Кстати, вокруг городища древнего «Изяславля» можно было отчетливо наблюдать следы нескольких селищ, относящихся к тому же времени, что и городище. К сожалению, культурный слой селищ был разрушен при сельскохозяйственных

работах, среди подъемного материала наиболее массовые находки — обломки керамики, а также незначительное количество фрагментов железных предметов, остатки кирпичного производства. Несомненно, эти близлежащие селища были тесно связаны с ремесленной и хозяйственной в широком смысле этого слова жизнью древнего «Изяславля»⁵¹.

Общий уровень изяславльской керамики, даже в случае значительного подвоза ее из пригородных сел, позволяет считать ее местной — городские и местные гончары могли пользоваться общими разработками глины, обладали приблизительно одинаковой гончарной техникой. Уровень гончарного производства, судя по керамической продукции, невысок. Об этом говорит сам облик сосудов, характер обжига, в большинстве случаев неравномерного, характер теста, плохо промешанного, с крупными гранулами отошителя. Следует, однако, отметить, что данная общая характеристика относится не ко всем группам изяславльской керамики в равной степени. Кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и бортиком на нем, кувшины с вытянутым горлом выделяются как цветом глины (преобладает кирпичный цвет), так и более качественным тестом — отошитель более размельченный, тесто промешано лучше, качественнее обжиг, более тщательно и аккуратно обработана поверхность. Все же следует отметить, что и эти группы сосудов далеко неоднородны по уровню изготовления. Более внимательное отношение гончара к кувшинообразной посуде, наряду с более нарядным украшением ее поверхности, определялось, по всей вероятности, теми функциями, которые исполняли эти сосуды.

Для большинства сосудов древнего «Изяславля» характерна асимметричность, выраженная в одних случаях больше, в других меньше. Если глиняные ленты на тулове сосуда порой слабо прослеживаются, то в стыке, соединяющем горло с туловом, шов груб, не заглажен, ленточная техника отчетливо видна. Широкое распространение сосудов, на донцах которых имеются следы затека от лежащей на круге подставки, вогнутость дна — все это свидетельствует о преобладании ручного гончарного круга легкого типа. Об этом же свидетельствует и довольно значительное количество сосудов с клеймами. Правда, в последнее время высказано мнение, что перечисленные нами следы на днище сосуда не являются определяющими критериями для характеристики гончарного круга, а демонстрируют лишь некоторые технические приемы работы гончара, особенности формовочной техники (Бобринский 1962: 33; 1962а: 45–52).

Для выяснения конструктивных особенностей гончарного круга, бытовавшего в древнем «Изяславле», необходимо рассмотреть типы донца и следы на них, образовавшиеся во время изготовления сосуда. Наряду с абсолютно плоскими донцами, вероятнее всего связанными с гончарного круга ниткой (кстати, таких совсем немного), можно выделить еще несколько типов:

- плоское дно, но по краю его есть бортик от подставки,
- вогнутое дно, по краю днища есть бортик от подставки,
- вогнутое дно, бортика от подставки нет,
- днище без бортика по краям, вогнута центральная часть.

Безусловно, донца, на которых бортик маловыразителен, очень фрагментарен, не обязательно делались на подставке. Это могли быть, как полагает А. А. Бобринский, и следы натекания со стенок сосуда в период формовки. Однако ставить вообще под сомнение значительное

⁵¹ В последние десятилетия активизировались работы по изучению археологических памятников древнерусского времени в междуречье рек Горыни и Случи, в том числе и в «изяславском микрорегионе», выявившие ряд новых селищ в округе городища у с. Городище близ Шепетовки (Демидко 1994: 446–449; 2008: 105–112; Манігда 2008: 404–410). — Прим. А. Песковой.

число сосудов, изготовленных на круге с подставкой, нам кажется неверным. Возражая А. А. Бобринскому, можно привести довольно веские аргументы. Не являются редкостью или исключением вогнутые днища, у которых довольно значительная высота свода, причем свод, как правило, правильной формы. Исключается, что подобный высокий свод мог образоваться естественным путем, «сам собой» в период формовки. Это противоречило бы самой технике изготовления сосудов в данное время — первоначально изготовлялось дно, следы его заглаживания с внутренней стороны отчетливо прослеживаются, так же отчетливо прослеживаются и следы соединения дна со следующим глиняным кольцом, из которого изготовлялись стенки. Безусловно, что именно в начальный период формовки сосуда гончар стремился как можно плотнее прижать днище сосуда к гончарному кругу, что обеспечивало дальнейшее возведение стенок, и так далее при вращении круга. Это отчетливо видно по тем следам, которые остаются на днище. На многих донцах встречены выпуклые следы — следы, являющиеся оттиском (негативным) той деревянной площадки, на которой изготовлен сосуд. Особенно интересным и важным является тот факт, что деревянная структура подкладки отпечатывается и на тех днищах, у которых значительная высота свода, поэтому отчетливо выраженный бортик от подкладки никак нельзя рассматривать лишь как следы затека, образовавшиеся при формовке стенок. Наличие накладки на гончарном круге отмечали польские и чехословацкие исследователи, причем следы накладки прослеживаются как на клейменной посуде, так и на посуде без клейм (Kramarek 1959: tab. IV (a, e, d, f, s, h), V (a, b, d); Točík 1962: 376–377).

На многих донцах наряду с отпечатками структуры деревянной накладки или круга встречаются следы, которые можно принять за следы от оси гончарного круга. Следы эти двух типов: выпуклые (овальные или круглые, большие или совсем каплеобразные) и вогнутые (диаметр небольших размеров — 1,0–1,5 см). По всей вероятности, выпуклые следы образовались во время формовки нижней части сосуда в результате затека глины в углубление, где проходила ось. Вогнутые следы проделаны в днищах выступающим концом оси гончарного круга.

Многообразие и различный характер следов на днищах сосудов свидетельствует о различных и весьма разнообразных технических приемах и навыках «изяславльских» гончаров. Сосуды изготовлялись, вероятно, на различных гончарных кругах с подвижной и неподвижной осью, с плоскими и выпуклыми накладками, иногда с вырезанными на них клеймами, и без них.

Невысокое качество глиняного теста является результатом непродолжительной и не очень тщательной подготовки сырья к производственному процессу. Вряд ли можно предполагать широкое распространение отмучивания глиняного теста, что придавало бы ему однородность и более тонкую структуру. Отмучивание применялось лишь для некоторых групп изяславльской посуды, да и то не в равной мере. Тесто массовой посуды (горшков), как правило, грубое, отошитель слабо размельчен и распределен неравномерно, что является результатом плохого промешивания глины, и как следствие этого, расслаивание черепка. О небольшой скорости вращения сосуда при изготовлении, что присуще гончарному кругу легкого типа, свидетельствует и характер нанесения орнамента. Орнаментальные узоры на «изяславльской» посуде нанесены небрежно. Гончар, вращая одной рукой круг, другой наносил узор, оставляя неровные следы — параллельные линии, как правило не вполне параллельны, порой даже пересекаются, не ложатся точно по окружности. Орнамент наносился всегда по сырой глине палочкой с овальным или плоским концом, реже гребенкой. Овальный конец инструмента оставлял полосы на тулове сосуда в виде углублений с овальным

следом. Плоский конец инструмента мог быть прямоугольным или слегка трапециевидным и оставлял, соответственно, прямоугольные или трапециевидные в сечении углубления. Орнамент, нанесенный трех- или пятизубчатой гребенкой, встречается довольно редко, от описанных выше отличается очень слабым рельефом. Создается впечатление, что гончар «гладил» гребенкой поверхность сосуда. Нетрудно заметить, что орнамент на сосудах с грубой глиной отличается более глубоким рельефом.

Широкое распространение получило в «изяславльской» керамике применение ангоба, обычно белого. Слегка темноватый ангоб встречается довольно редко, иногда такой оттенок ангобирования поверхность могла приобрести из-за неясного фона красноглиняного сосуда. Ангоб или следы ангоба, оставшиеся в углублениях орнамента, внутри сосуда, отмечены приблизительно на 65–70 % всей керамической продукции. Насколько можно судить, внешняя поверхность сосудов ангобировалась полностью. В большинстве случаев внутри сосуда ангобом покрывались верхняя часть сосуда, реже вся верхняя половина. Часто можно видеть следы затека ангобного раствора в нижней, придонной части сосуда. Технику нанесения ангоба с внешней стороны наблюдать можно далеко не всегда, он сохраняется плохо. Зато с внутренней стороны видно, как ангоб наносился широкими полосами, вероятно, при помощи тряпки, смоченной в растворе. Другой характер обработки поверхности сосуда — лощение, абсолютно нетипичен для «Изяславля». Имеется лишь один случай находки лощеного сосуда — это фрагмент горла светло-коричневого лощеного кувшина. По всей видимости, как нами уже отмечалось выше, это кувшин не местного производства, а привозной.

Ремесленный характер гончарного производства в древнерусском «Изяславле» можно считать фактом доказанным. К сожалению, нет данных, на основании которых можно говорить о каких-то мастерах или гончарных мастерских, имеющих свой «почерк». Однако уже указывалось, что имеется ряд сосудов, отмеченных специфическими особенностями — характер отошителя и глины, характер нанесения орнамента. Важно то, что эти особенности не связаны с функциональным назначением сосудов (то есть сюда входят некоторые горшки, большие сосуды для хранения, небольшие кувшинообразные сосуды).

Для основной массы керамической продукции «изяславльских» гончаров характерна уже хорошо выраженная стандартизация, процесс, который отчетливо наблюдается в ряде городских ремесел накануне монгольского нашествия.

Заключение

Проведенный анализ керамической посуды с городища древнего «Изяславля» показал, что накануне монгольского нашествия древнерусские гончары изготавливали обширный ассортимент глиняных сосудов: горшки, различных типов кувшины, небольшие мисочки, ковшики, большие сосуды для хранения зерна, крышки. Оказалось возможным выделить группы сосудов, исчисляемые сотнями предметов, которые до раскопок «Изяславля» были представлены на древнерусских поселениях единичными экземплярами.

Наряду с обычными, зачастую грубо вылепленными и небрежно оформленными сосудами, которые, несомненно, сделаны на месте, у определенной части населения в быту находилась амфорная, поливная и расписная керамика. Количество такой посуды невелико, она носит привозной характер. Целые амфоры и фрагменты амфорных сосудов за небольшим исключением найдены на территории окольного города и располагаются на довольно

ограниченной площади. Не исключена возможность, что именно этот участок городища можно рассматривать как место пребывания привилегированной группы «изяславльского» населения. Наличие огромных пифосовидных сосудов для хранения зерна (кстати, ни в одном случае при нахождении целых сосудов они не были врыты в землю) предполагает местные особенности домостроительства и распределения подсобных хозяйственных помещений.

В свое время М. К. Каргер призвал уделить большее внимание региональным исследованиям истории керамического производства в различных центрах древней Руси (Каргер 1958: 412). Вопрос этот имеет важное и принципиальное значение. Главное внимание на пути подобного исследования должно быть уделено крупным древнерусским городам, являвшимся не только административно-политическими центрами, но и рынками, где наблюдалась максимальная концентрация ремесленников, в том числе и гончаров.

Наконец, установление каких-то местных традиций в керамическом производстве должно опираться не только на выявление отдельных типов сосудов, но и на количественное соотношение тех или иных групп и типов глиняной посуды. Именно в таком соотношении может определиться своеобразие памятника, группы памятников или отдельного района.

Своеобразие керамического комплекса древнего «Изяславля» во многом определяется его географическим расположением. Небольшой городок, находящийся почти у самой границы Волынской и Киевской земель, несомненно, должен был испытать влияние культурных традиций как городов Среднего Поднепровья, и в первую очередь такого центра, как Киев, так и западнорусских областей, имеющих давние культурные связи с западным миром.

В первую очередь необходимо отметить наличие общерусских или даже общеславянских традиций средневекового керамического производства, которые отчетливо проступают в керамике древнего «Изяславля». Особенно хорошо это видно на наиболее массовой продукции «изяславльских» гончаров — горшках. Некоторые типы венчиков «изяславльских» горшков являются общерусскими типами — они распространены на широкой территории и бытуют довольно продолжительное время. Наряду с этим присутствуют типы венчиков, имеющих довольно узкий ареал, эти типы венчиков в широком понимании можно считать галицко-волынскими (более узкую дифференциацию на «галицкие» и «волинские», как мы отмечали уже раньше, провести пока трудно), они получают широкое распространение в юго-западных русских землях и имеют аналогии на памятниках западных славян.

Несомненно, типично галицко-волынскими являются кувшинообразные сосуды с цилиндрическим горлом и валиком на нем. Ареал их можно определить Галицкой и Волынской землями. Западные традиции в керамическом производстве «Изяславля» выразились в изготовлении таких сосудов, как небольшие кувшины с узким горлом и широко отогнутым венчиком, а также в широком распространении керамических крышек. Вот основные моменты, которые характеризуют местное гончарное производство древнего «Изяславля». Среднеднепровское киевское влияние в керамическом комплексе «Изяславля» проявилось прежде всего в привозе тех групп керамических изделий, изготовление которых сопряжено со сложным технологическим процессом — поливной и расписной керамики. Любопытно, что на городище «Изяславля» абсолютно отсутствуют горшки с широкой плоской ручкой, идущей от края венчика к плечу сосуда, и бело-глиняные ковшики, столь характерные для Киевской земли.

Керамический комплекс древнерусского города «Изяславля» отражает развитое керамическое производство, типичное для русского города предмонгольской поры.

Литература

- Авдусин 1951 — Авдусин Д. А. Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVIII. С. 72–81.
- Беляева 1982 — Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII — XIV в. (По материалам археологических исследований). Київ: Наукова думка, 1982. 120 с., ил.
- Бобринский 1962 — Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3. С. 33–52.
- Бобринский 1962а — Бобринский А. А. К изучению техники древнерусского гончарства // Вестник Московского университета. Серия IX. История. 1962. № 2. С. 39–54.
- Бодянский 1960 — Бодянский А. В. Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА. 1960. № 1. С. 274–277.
- Булгаков 2001 — Булгаков В. В. Метки-дипинто византийских амфор XI в. // Гладких М. І. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 153–164.
- Векслер, Коваль 1998 — Векслер А. Г., Коваль В. Ю. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве // РА. 1998. № 3. С. 163–166.
- Веремейчик, Готун 1995 — Веремейчик О. М., Готун І. А. Колодязі на давньоруських сільських поселеннях // Археологія. 1995. № 4. С. 82–94.
- Виноградська 2006 — Виноградська Л. І. Історико-археологічні дослідження у м. Старокостянтинів Хмельницької області в 2003–2005 рр. // Кобудь — Костянтинів — Старокостянтинів: історія, археологія, культура, архітектура. Науковий збірник «Велика Волинь». Праці науково-крезнавчого товариства дослідників Волині. Т. 34. Старокостянтинів, 2006. С. 11–25.
- Винокур и др. 2004 — Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. П., Якубовський В. І. Літописний Губин XII — XIII ст. Болохівська земля. Вип. І. За матеріалами археологічних досліджень 1997–2003 років. До 800-річчя Губина. Київ; Кам'янець-Подільський; Хмельницький; Старокостянтинів, 2004. 208 с., ил.
- Винокур и др. 2006 — Винокур І. С., Журко О. І., Мегей В. Ф. Про рештки однієї житлової будівлі з Губинського городища // Кобудь — Костянтинів — Старокостянтинів: історія, археологія, культура, архітектура. Науковий збірник «Велика Волинь». Праці науково-крезнавчого товариства дослідників Волині. Т. 34. Старокостянтинів, 2006. С. 177–189.
- Виявлення... 1931 — Виявлення фарбованої слов'янської кераміки // Козловська В. (ред.). Хроніка археології та мистецтва. Ч. 3. Varia. Київ: Всеукраїнський археологічний комітет, 1931. С. 84–85.
- Возний 2010 — Возний І. Типологія клейм та орнаментация горщиків з сільських поселень північної Буковини в X — першій половині XIII ст. // Науковий вісник Чернівецького університету. Історія. Політичні науки. Міжнародні відносини. Вип. 514–515. Чернівці, 2010. С. 9–14.
- Волков 1996 — Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о Византийско-русской торговле вином // НиНЗИА. Вып. 10. Вел. Новгород, 1996. С. 90–103.
- Волков 2001 — Волков И. В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Гладких М. І. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 131–146.
- Вопрошание Кириково 2012 — Вопрошание Кириково // Мильков В. В. (отв. ред.). Кирик Новгородец и древнерусская культура. Ч. II. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2012. 358 с.

- Воронин 1954 — *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.). Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. III. М.: АН СССР, 1954. 233 с. (МИА. № 41).
- Выезжев 1961 — *Выезжев Р. И.* Новые типы древнерусских светильников // КСИА АН УССР. Вып. 11. Київ, 1961. С. 89–90.
- Высоцкий 1985 — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Київ: Наукова думка, 1985. 207 с., ил.
- Гайдукевич 1952 — *Гайдукевич В. Ф.* Ракопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // Боспорские города. Т. I / под ред. В. Ф. Гайдукевича и М. И. Максимовой. М.: АН СССР, 1952. С. 135–220. (МИА. № 25).
- Гончаров 1950 — *Гончаров В. К.* Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Укр. ССР, 1950. 219 с., ил.
- Гончаров 1952 — *Гончаров В. К.* Розкопки древнього Любеча // АП УРСР. 1952. Т. III. С. 132–140.
- Гончаров 1957 — *Гончаров В. К.* Археологічні розкопки в Києві у 1955 р. // Археологія. 1957. Т. X. С. 122–135.
- Гупало 1985 — *Гупало В. Д.* Гончарные клейма Прикарпатья и Западной Волыни (опыт систематизации) // СА. 1985. № 4. С. 236–242.
- Гупало 2001 — *Гупало В. Д.* Раннесредневековые гончарные клейма (к дискуссии о назначении) // РА. 2001. № 1. С. 27–36.
- Гупало 2009 — *Гупало В. Д.* Керамічні світільники і підсвічники княжої доби // Лукомський Ю. (відп. ред.). Фортеця: збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка. Кн. 1. Львів: Камула, 2009. С. 341–347.
- Гупало 2014 — *Гупало В.* Звенигород і Звенигородська земля у XI–XIII століттях (соціоісторична реконструкція). Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2014. 532 с.
- Гуревич 1964 — *Гуревич Ф. Д.* Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 97–102.
- Гущин 1936 — *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла древней Руси X–XIII вв. Л.: Соцгиз, 1936. 88 с., ил.
- Демидко 1994 — *Демидко С. Ю.* Освоєння межиріччя Горині і Південного Бугу в XI–XIII ст. // Велика Волинь. Міжнародна наукова конференція. Изяслав, 1994. С. 446–449.
- Демидко 2008 — *Демидко С.* Давньоруський «изяславський» мікрорегіон // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 105–112.
- Довженко 1950 — *Довженко В. Й.* Огляд археологічного вивчення древнього Вишгорода за 1934–1937 рр. // Археологія. Т. III. Київ, 1950. С. 64–92.
- Довженко 1952 — *Довженко В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода // АП УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 14–28.
- Довженко и др. 1966 — *Довженко В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О.* Древньоруське місто Воїнь. Київ: Наукова думка, 1966. 146 с., ил.
- Житие 1971 — Житие преподобного отца нашего Феодосия, игумена Печерского // Успенский сборник XII–XIII вв. / издание подготовили: О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон, под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. С. 71–135.
- Загорюльский 1963 — *Загорюльский Э. М.* Древний Минск. Минск: Госиздат БССР, 1963. 121 с., ил.
- Зоценко 2001 — *Зоценко В. М.* Амфорна тара Києво-Подолу XII — початку XIII ст. (прикладом одного розкопу) // Гладких М. І. (гол. ред.). Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ: Товариство Археології та Антропології, 2001. С. 164–197.

- Капустін 2014 — Капустін К. М. Об'єкти післямонгольського часу з Городська (за матеріалами розкопок 1947 р.) // АДІУ. Вип. 1 (12). Київ, 2014. С. 119–126.
- Каргер 1950 — Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев: Изд-во АН УССР, 1950.
- Каргер 1951 — Каргер М. К. Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. 1951. Вып. 38. С. 3–11.
- Каргер 1958 — Каргер М. К. Древний Киев. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 580 с., ил.
- Кирпичников 1966–1973 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. (Археология СССР. САИ. Е1–36).
- 1966 — Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 176 с., ил.
- 1966а — Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 147 с., 34 л. ил.: ил.
- 1971 — Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. Л.: Наука. 92 с., 28 л. ил.: ил.
- 1973 — Вып. 4: Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука. 138 с., ил.
- Кирпичников 1971а — Кирпичников А. Н. Крюк для натягивания самострела (1200–1240 гг.) // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 100–102.
- Кирпичников 1973а — Кирпичников А. Н. О времени появления шпоры со звездочкой на территории Древней Руси // Kwartalnik historii kultury materialnej. Rok 21. 1973. № 2. С. 299–304.
- Кирпичников 1975 — Кирпичников А. Н. Мечи из раскопок древнего Изяславля // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 30–54.
- Кирпичников 1976 — Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XIV вв. Л.: Наука, 1976.
- Кирпичников 1978 — Кирпичников А. Н. Массовое оружие ближнего боя из раскопок Изяславля // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 30–37.
- Кишваси-Комша 1957 — Кишваси-Комша М. Некоторые исторические выводы в связи с несколькими археологическими памятниками VI–XII вв. н. э. на территории РНР // Dacia. N. S. I. 1957. С. 309–328.
- Коваль 1999 — Коваль В. Ю. Амфоры византийского круга в Древней Руси // НиНЗИА. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 246–260.
- Коваль 2003 — Коваль В. Ю. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X–XIII вв.) // Макаров Н. А., Чернецов А. В. (отв. ред.). Русь в XIII в.: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 340–360.
- Коваль 2010 — Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с., ил.
- Козловська 1927 — Козловська В. Таврований посуд слов'янської доби // Науковий збірник за 1926 р. АН СССР. Записки исторической секции. Харьков, 1927. Т. XXI. С. 7–14.
- Комша 1961 — Комша М. О значении гончарных клейм раннефеодальной эпохи // Dacia. Vol. V. Bucureşti, 1961. С. 449–461.
- Корзухина 1954 — Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 226 с., ил.
- Корзухина 1961 — Корзухина Г. Ф. О гнездовской амфоре и ее надписи // Гайдукевич В. Ф. (отв. ред.). Исследования по археологии СССР. Сб. ст. в честь проф. М. И. Артамонова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. С. 226–230.
- Крушельницька 1964 — Крушельницька Л. І. Дослідження верхніх шарів поселення біля с. Бовшів Івано-Франківської області, у 1961 р. // МДАПВ. Вип. 5. Київ, 1964. С. 130–138.

- Кучера 1960 — Кучера М. П. Гончарные клейма из раскопок древнего Плеснеска // КСИАУ. Вып. 10. Киев, 1960. С. 118–123.
- Кучера 1961 — Кучера М. П. Керамика древнього Пліснеська // Археологія. Т. XII. Київ, 1961. С. 143–154.
- Кучера 1962 — Кучера М. П. Древній Пліснеськ // АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 3–56.
- Кучера 1986 — Кучера М. П. Керамика // Баран В. Д. (отв. ред.). Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев: Наукова думка, 1986. С. 446–455.
- Левко 2012 — Левко О. Н. Южнорусское влияние на древности Белорусского Поднепровья IX–XII вв. // Матеріальна та духовна культура Південної Русі: Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару, присвяченого 100-літтю від народження В. Й. Довженка (Чернігів — Шестовиця, 16–19 липня 2009 р.). Чернігів, 2012. С. 191–198.
- Макарова 1965 — Макарова Т. И. Поливная керамика древнего Любеча // СА. 1965. № 4. 1965. С. 230–237.
- Макарова 1966 — Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966.
- Макарова 1967 — Макарова Т. И. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства древней Руси. М.: Наука, 1967. (САИ. Вып. Е1–38).
- Малевская 1962 — Малевская М. В. Амфора с надписью из Новогрудка // СА. 1962. № 4. С. 238–241.
- Малевская 1969 — Малевская М. В. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Зверуто Я. Г., Исаенко В. Ф. (ред.). Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск: Институт истории АН БССР, 1969. С. 185–186.
- Малевская 1971 — Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 27–34.
- Малевская-Малевиц 2005 — Малевская-Малевиц М. В. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. СПб.: Нестор-История, 2005. 160 с., ил. (Труды ИИМК. Т. 17).
- Мальм 1959 — Мальм В. А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Советская Россия, 1959. С. 123–148. (Тр. ГИМ. Вып. 33).
- Мальм 1967 — Мальм В. А. Производство глиняных изделий // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: ГИМ, 1959. С. 123–148. (Тр. ГИМ. Вып. 33).
- Макарова 1965 — Макарова Т. И. Поливная керамика древнего Любеча // СА. № 4. 1965. С. 230–237.
- Макарова 1986 — Макарова Т. И. Черневое дело древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с., ил.
- Манігда 2008 — Манігда О. Формування поселенських структур на території середньої течії Горині в межах погоринської волості // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 404–410.
- Мансуров 1946 — Мансуров А. А. Старо-рязанские и пронские гончарные клейма // СА. 1946. VIII. С. 293–298.
- Медведев, Пескова 2008 — Медведев М. Ю., Пескова А. А. Геральдическая накладка из раскопок М. К. Каргера на городище у с. Городище близ Шепетовки (к вопросу о времени гибели поселения) // Коцур В. П. (отв. ред.). Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. Вип. 20. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 305–318.
- Медынцева 2000 — Медынцова А. А. Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. 290 с., ил.

- Миролюбов 1983 — *Миролюбов М. А.* Древнерусский город Изяславль. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. Л.: б. и., 1983.
- Миролюбов 1983а — *Миролюбов М. А.* Древний Изяславль как археологический памятник // Труды ГЭ. 1983. XXIII. С. 139–143.
- Миролюбов 1984 — *Миролюбов М. А.* Сельскохозяйственные орудия древнего Изяславля (XI–XIII вв.) // Толочко П. П. (ред.). Древнерусский город. Киев: Наукова думка. С. 82–84.
- Михайлина и др. 2014 — *Михайлина Л. П., Пивоваров С. В., Ільків М. В.* Давньоруський Василів (підсумки і перспективи досліджень) // Толочко П. П. (ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 151–159.
- Михайлов, Пескова 2019 — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна. Сборник статей к 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 286–297.
- Михайлов, Пескова 2019а — *Михайлов К. А., Пескова А. А.* «Витязь у ворот», или реконструкция воинского комплекса из раскопок Большого Шепетовского городища // *Stratum plus*. 2019. № 5. С. 77–82.
- Мовчанівський 1935 — *Мовчанівський Т. М.* Райковецьке городище XI–XIII ст. // Наукові записки Інститута історії матеріальної культури. № 5–6. Київ, 1935. С. 125–176.
- Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. IV. М.: АН СССР, 1955. (МИА. № 49).
- Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с., ил.
- Моргунов 2012 — *Моргунов Ю. Ю.* Летописный город Снепород и его округа. X–XIII вв. (*Archaeologica varia*). СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2012. 280 с., ил.
- Николаева 1983 — *Николаева Т. В.* Древнерусская мелкая пластика из камня. XI–XV вв. М.: Наука, 1983. (САИ. Вып. Е1–60).
- Овсянников 1971 — *Овсянников О. В.* О замках «болгарского» типа // СА. 1971. № 1. С. 258–260.
- Овсянников, Пескова 1982 — *Овсянников О. В., Пескова А. А.* Замки и ключи из раскопок Изяславля // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 93–99.
- Орлов и др. 1985 — *Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М.* Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Толочко П. П. (отв. ред.). Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). Киев: Наукова думка, 1985. С. 30–62.
- Пастернак 1944 — *Пастернак Я.* Старий Галич. Археологічно-історичні дослідження у 1850–1943 рр. Краків: Львів: Українське видавництво; друк. Академії наук, 1944. 238 с., ил.
- Пачкова, Петрашенко 1982 — *Пачкова С. П., Петрашенко В. О.* Вивчення кераміки давньоруського городища біля с. Гринчук // Археологія. № 39. Київ, 1982. С. 51–63.
- Пескова 1981 — *Пескова А. А.* Древний Изяславль // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 66–73.
- Пескова 1988 — *Пескова А. А.* Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988.
- Пескова 1988а — *Пескова А. А.* Древнерусский Изяславль в истории юго-западной Руси (по материалам городища у с. Городище близ Шепетовки) // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.». ТД. Чернигов, 1988. С. 32–34.
- Пескова 1994 — *Пескова А. А.* Археологические свидетельства связей Южной Руси с католическим миром (на примере одного памятника) // Новосельцев А. П. (отв. ред.). Восточная

- Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти В. Т. Пашуто. ТД. М.: ИРИ, 1994. С. 64–66.
- Пескова 1997 — Пескова А. А. Паломнические древности в древнерусском городе // Мачинский Д. А. (ред.). Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб.: СИААМЗ, 1997. С. 48–50.
- Пескова 1998 — Пескова А. А. Херсонесский крест и его место среди синхронных памятников древнерусской культовой пластики // Мусин А., диакон (отв. ред.). Церковная археология. Вып. 4. Материалы второй всероссийской церковно-археологической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н. В. Покровского. СПб.: ИИМК РАН, СПбДА, 1998. С. 238–252.
- Пескова 2001 — Пескова А. А. Паломнические реликвии Святой земли в древнерусском городе // Залесская В. Н. (отв. ред.). Пилигримы. Сб. ГЭ к XX конгрессу византистов (Париж, 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 113–126.
- Пескова 2008 — Пескова А. А. Большое и малое древнерусские городища у села Городище близ Шепетовки // Моця О. П. (гол. ред.). Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень: ІА НАНУ, МПП «Тріада С», 2008. С. 74–79.
- Пескова 2009 — Пескова А. А. Оборонительные сооружения древнего «Изяславля» // Архитектура и археология Древней Руси. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 150–172. (Труды ГЭ: Т. 46).
- Пескова, Белецкий 1997 — Пескова А. А., Белецкий С. В. Древнерусские печати Шепетовского городища и поиски его летописного имени // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. Памяти В. Д. Белецкого (1919–1997). СПб., Псков: ИИМК РАН, ПГОИАХМЗ, 1997. С. 129–138.
- Петрашенко 2005 — Петрашенко В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). Киев: ІА НАНУ, 2005. 264 с., ил.
- Пещерева 1947 — Пещерева Е. М. Поездка к горным таджикам // КСИЭ АН СССР. Вып. III. М., 1947. С. 42–48.
- Плетнёва 1959 — Плетнёва С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. С. 212–272. (МИА. № 75).
- Прищеп 2011 — Прищеп Б. А. Дорогобуж на Горині у Х–ХІІІ ст. Рівне: ПП ДМ, 2011. 250 с., ил.
- Прищеп 2014 — Прищеп Б. А. Археологічна колекція слов'яно-руського часу з розкопок Є. М. Пламеницької на Замковій горі у Кременці // Толочко П. П. (ред.). Міста Давньої Русі. Збірка наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 302–309.
- Прищеп 2016 — Прищеп Б. А. Погоринські міста в Х–ХІІІ ст. Рівне: ПП Дятлик М, 2016. 297 с.
- Прищеп, Нікольченко 1996 — Прищеп Б. А., Нікольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж: До історії населення Західної Волині в Х–ХІІІ століттях. Рівне: Державне редакційно-видавниче підприємство, 1996. 248 с.
- Прищеп, Позіховський 2011 — Прищеп Б., Позіховський О. Житлове будівництво в Острозі у Х — на початку ХІІ ст. за матеріалами досліджень 2004 року // Археологічні дослідження в межах річки Вісли, Дністра та Тиси у 2000–2007 рр. Львів, 2011. С. 132–149.
- ПСРА II 1908 — Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорскою археографическою комиссиею. Том второй: Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908.

- Равдина 1957 — *Равдина Т. В.* Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 150–153.
- Раппопорт, Малевская 1963 — *Раппопорт П. А., Малевская М. В.* Обследование городищ Прикарпатья и Закарпатья на территории Советского Союза (итоги работ 1962 г.) // *Acta Archaeologica Carpathica*. Т. 5. Fasc. ½. Krasów, 1963. С. 61–76.
- Ратич 1962 — *Ратич О. О.* Результати досліджень древньоруського городища Замчиська в м. Судова Вишня, Львівської області, в 1957–1959 рр. // МДАПВ. Вип. 4. Київ, 1962. С. 106–119.
- Розенфельдт 1962 — *Розенфельдт Р. А.* К вопросу о гончарных клеймах // СА. 1963. № 2. С. 121–130.
- Рыбаков 1946 — *Рыбаков Б. А.* Надпись киевского гончара XI века // КСИИМК. 1946. Вып. XII. С. 134–138.
- Рыбаков 1948 — *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 802 с., ил.
- Рыбаков 1949 — *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.: АН СССР, 1949. С. 7–93. (МИА. № 11).
- Самойловський 1952 — *Самойловський І. М.* Розвідки і розкопки в Києві та його околицях в 1947–1948 рр. // АП УРСР. Т. III. Київ, 1952. С. 73–84.
- Сергеева 1995 — *Сергеева М. С.* Керамічні світильники Києва // Археологія. № 3. Київ, 1995. С. 123–130.
- Смирнова 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1956. С. 228–248. (МИА. № 55).
- Станчев 1948 — *Станчев С.* Грънчарски знаци от Плиска, Мадара и Преслав. Разкопки и прочувания. III. Средновековен отдел. София, 1948. С. 235–246.
- Сымонович 1960 — *Сымонович Э. А.* Раскопки поселения Ломоватое 2 // КСИИМК, 1960. № 79. С. 21–26.
- Терський 2003 — *Терський С. В.* Пересопниця. Краєзнавчий нарис. Рівне: Азалія, 2003. 160 с., ил.
- Терський 2006 — *Терський С. В.* Лучеськ X–XV ст. Львів: Львівська політехніка, 2006. 252 с., ил.
- Терський 2010 — *Терський С. В.* Княже місто Володимир. Львів: Львівська політехніка, 2010. 320 с., ил.
- Ткачук, Тимус 1997 — *Ткачук Т. М., Тимус К. А.* Галицькі керамічні плитки із рельєфними зображеннями та гончарні клейма. Каталог. Галич: Нац. заповідник «Давний Галич», 1997. 60 с., ил.
- Толочко 1981 — *Толочко П. П.* Гончарное дело (раздел главы V) // Толочко П. П. (ред.). Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка, 1981. С. 284–301.
- Тухтина 1960 — *Тухтина Н. В.* Средневековые славянские клейма // Труды ГИМ. Вып. 37. М.: ГИМ, 1960. С. 148–155.
- Хойновский 1893 — *Хойновский И. А.* Раскопки Великокняжеского двора древнего града Киева, произведенные весною 1892 г. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1893. 116 с.
- Чайка 1995 — *Чайка Р. М.* Гончарні клейма княжої доби з городища Листвин на Волині // Матеріали IX-ої Подільської історико-краєзнавчої конференції. Кам'янець-Подільський, 1995. С. 127–128.
- Чангова 1959 — *Чангова Й.* Средновековни амфори в България // Известия на Археологическия институт. Кн. XXII. София, 1959. С. 243–260.
- Шашкина 1987 — *Шашкина Т. Б.* Древнерусские колокола домонгольского времени // Колокола: История и современность. М., 1993. С. 128–142.

- Шашкина, Галибин 1986 — *Шашикина Т. Б., Галибин В. А.* Памятники древнерусского колокольного литья (результаты химико-аналитического исследования) // СА. 1986. № 4. С. 236–242.
- Юра 1962 — *Юра Р. О.* Древній Колодязин. АП УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 57–130.
- Ягодинська 2000 — *Ягодинська М. О.* Давньоруські клейма Західного Поділля // Археологічні студії. Вип. 1. Київ-Чернівці: Прут, 2000. С. 283–296.
- Якобсон 1951 — *Якобсон А. Л.* Средневековые амфоры северного Причерноморья (опыт хронологической классификации) // СА. 1951. XV. С. 325–344.
- Якобсон 1966 — *Якобсон А. Л.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 189–202.
- Якубовский 1983 — *Якубовский В. И.* Древнерусские памятники XII–XIII вв. верховьев рек Южного Буга и Случи: дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
- Якубовський 1995 — *Якубовський В. І.* Кераміка в контексті історії Болохівської землі // Поділля і Волинь у контексті історії українського національного відродження. Хмельницький: Доля, 1995. С. 231–242.
- Abramowicz 1959 — *Abramowicz A.* Ceramika z Czermna nad Huczwą // Archeologia Polski. T. IV. Z. 1. Warszawa; Wrocław, 1959. S. 149–185.
- Borkovský 1962 — *Borkovský I.* Opyš Pražského Hradu // PA. Roč. LIII. Č. 2. Praha, 1962. S. 381–452.
- Eisner 1960 — *Eisner J.* Slovane a modari v archeologii // Slavia Antiqua. T. VII. Warszawa; Poznań, 1960. S. 189–210.
- Gajewski 1959 — *Gajewski L.* Materiały do średniowiecznego garncarstwa wiejskiego w Małopolsce // Materiały archeologiczne. I. Kraków, 1959. S. 343–352.
- Hejna 1956 — *Hejna A.* Ke stavební minulosti Brevnovského kláštera // PA. R. XLVII. Č. 1. Praha, 1956. S. 151–170.
- Hochmanová-Vávrová 1962 — *Hochmanová-Vávrová V.* Velkomoravské pohřebiště ve Starém Městě “Na valách”. Výzkum v letech 1957–1959 // Časopis Moravského musea v Brně. Acta musei Moraviae. XLVII. Brno, 1962. S. 201–256.
- Holl 1956 — *Holl I.* Adatok a középkori magyar fazekasság munkamódszereihez // Budapest Régiségei. XVII. Budapest, 1956. S. 177–196.
- Holl 1963 — *Holl I.* Középkori eszerépedények a budai várpalotából (XIII–XV. század) // Budapest Régiségei. XX. Budapest, 1963. S. 335–382.
- Kramarek 1959 — *Kramarek J.* Znaki garncarskie na ceramice wrocławskiej z XII i początku XIII w. // Silesia Antiqua. T. I. Wrocław, 1959. S. 219–236.
- Łaszczewska 1962 — *Łaszczewska T.* Wyniki badań nad wczesnośredniowiecznymi konstrukcjami obronnymi podgrodzia // Prace i materiały muzeum archeologicznego i etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. Nr. 7. Łódź, 1962. S. 151–182.
- Nickel 1959 — *Nickel E.* Eine mittelalterliche Fäkaliengrube in Magdeburg // Praehistorische Zeitschrift. Bd. XXXVII. H. 3. Berlin, 1959. S. 125–156.
- Novotný 1961 — *Novotný B.* Výzkum hradiště „Hrůdy“ u Sudoměřic nad Moravou (K otázce tzv. spečených valů) // Sborník Československé společnosti archeologické při ČSAV. 1. Brno, 1961. S. 61–81.
- Polla 1962 — *Polla B.* Stredoveká zaniknutá osada na Spiši (Zalužany) // Archaeologica Slovaca Fontes. T. IV. Ved. red. A. Točík. Bratislava: Slovenska akad. vied, 1962.
- Rauhut 1960 — *Rauhut L.* Wczesnośredniowieczne materiały z Terenów Ukrainy w państwowym muzeum arsheologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. T. V. Warszawa, 1960. S. 231–260.

- Reichertová 1956 — *Reichertová K.* Příspěvek k datování středověké keramiky v Čechách // PA. R. XLVII. Č. 1. Praha, 1956. S. 171–184.
- Reichertová 1959 — *Reichertová K.* Středověká keramika datovaná mincemi // PA. R. L. Č. 1. Praha, 1959. S. 246–256.
- Richter 1959 — *Richter M.* Keramika z 12. až počátku 14. století v Čechách, datovaná poklady mincí // Časopis Národního Muzea. R. CXXVIII (128). Č. I. Praha, 1959. S. 4–22.
- Richter 1961 — *Richter M.* Nejstarší středověká polévaná keramika v Čechách // PA. R. 52. Č. 2. Praha, 1961. S. 573–579.
- Solle 1959 — *Solle M.* Knížecí pohřebiště na Staré Kouřimi // PA. R. L. Č. 1. Praha, 1959. S. 353–506.
- Točík 1962 — *Točík A.* Keramika so značkami na dne zo slovansko — avarských pohrebísk na juhozápadnom Slovensku // PA. R. LIII. Č. 2. Praha, 1962. C. 347–378.
- Turek 1948 — *Turek R.* České hradištní nálezy, datované mincemi // Slavia antiqua. T. I. Poznan, 1948. S. 485–535.
- Váňa 1956 — *Váňa Z.* Lahvovité tvary v západoslovanskej keramice // PA. R. XLVII. Č. I. Praha, 1956. S. 105–147.